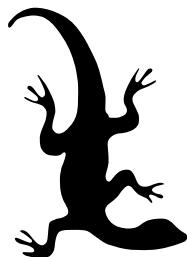

Сергей Волков

Маруся²

Книга вторая
ТАЁЖНЫЙ КВЕСТ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Волков, С.
В67 Маруся 2. Книга вторая. Таёжный квест. – М.: Издательско-торговый дом “Этногенез”, 2009. – 264 с.

Попав в глухую сибирскую тайгу, Маруся Гумилева оказывается в мире, совсем непохожем на тот, в котором она жила до сих пор. Она должна выполнить задание, напоминающее компьютерный квест - за 72 часа преодолеть полный опасностей маршрут, пройти земли, населенные злобными дикарями-морлоками, выжить в зловещем Мертвом Лесу, уйти от погони клонов-наемников и, наконец, найти ответ на самый главный вопрос в своей жизни. Нелегкая задача! Особенно если не знаешь, что это за вопрос и кому его задавать...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В67

© Рыков К., 2009
© Волков С., 2009
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2009
ISBN 978-5-904454-09-8

«МАРУСЯ»

В предыдущей книге:

В августе 2020 года 14-летняя школьница Маруся Гумилева возвращается из Сочи в Москву. Неприятности начинаются уже в аэропорту: она видит странного прозрачного человека, который, кажется, преследует девочку. Внезапно выясняется, что ее идентификационный жетон и все платежные карточки заблокированы. У Маруси начинается паническая атака, и в довершении всего за ней гонится служба безопасности. Девочку обвиняют в убийстве фармацевта, откававшегося продать ей пластырь «Стопадреналин».

Только вмешательство отца – влиятельного бизнесмена и дипломата Андрея Гумилева, - вызволяет Марусю из тюремной камеры. На выходе девочка находит в своем рюкзаке непонятный предмет – холодную металлическую ящерку.

Дома обнаруживается еще один сюрприз – Марусю приглашают пройти практику в научном лагере в Нижнем Новгороде. По дороге в «Зеленый город» Маруся попадает в аварию, благодаря чему знакомится с красавчиком Ильей, в которого влюбляется с первого взгляда. Оказывается, что Илья и его друзья – наивный Нос и злая Алиса – тоже учатся в «Зеленом городе».

Профессор Степан Бунин, руководитель научного лагеря, посвящает Марусю в тайну инопланетных предметов. Ящерка, подброшенная девочке в аэропорту, оказывается мистическим артефактом, дарующим бессмертие. Оказывается, что на Земле существует не один десяток таких предметов, и каждый из них наделяет своего хозяина сверхъестественными способностями – исцелять, телепортироваться, убеждать, ломать кости, видеть будущее, менять свою внешность и т.д. Владельцы предметов имеют одну отличительную особенность – после обретения артефакта их глаза приобретают разный цвет.

В том, что ящерка не даст ей погибнуть, Маруся убеждается, когда во время взрыва ее протыкает стальная арматура, но девочка остается живой и невредимой. За Марусиной ящеркой внезапно начинается погоня. Охотники за предметами проникают в лагерь и девочке с ее новыми друзьями приходится бежать в Китай на «Клипере-20».

Но спрятаться в Шанхае не получается: ее похищает китаец Чен с разноцветными глазами и отвозит в свой загадочный дом. Чен убежден, что в крови Маруси находится аномальный ген, дающий сверхъестественные способности. Китаец пытается перекачать кровь девочки себе, но происходит что-то странное – Марусина кровь едва не убивает Чена. Пока помощницы китайца пытаются его спасти, девочка сбегает из его дома, прихватив с собой ящерку и морского конька – артефакт Чена, дающий возможность причинять человеку вред на расстоянии.

Следующая встреча проливает свет на произошедшее: известный целитель Нестор, спасающий людей с помощью металлического скарабея, рассказывает девочке, что она - потомок загадочных прозрачных существ. Целитель обманом получает и ящерку, и конька и убеждает Марусю, что профессор Бунин предал ее и добровольно отдал в руки Чена.

Тем временем неприятности продолжаются. Степан Бунин таинственно исчезает. Маруся, не зная кому верить, вместе с Носом решает найти профессора. Для этого она выходит на связь с японцем Юки – хозяином предмета "Змея", позволяющего телепортироваться в любую точку земного шара. Он соглашается помочь ей раздобыть предмет "Орел" (дар убеждения) в обмен на другой предмет – "Ворона" (дар видеть любую точку на земле).

В немецком городе Нюрнберг, в доме покойного учителя географии Маруся находит фигурку ворона, затем обманывает Юки и становится обладательницей целой коллекции мистических предметов. С их помощью она узнает, что Бунин находится в пленау Нестора. Марусе удается спасти его, но целитель предупреждает девочку: она должна держаться от профессора подальше, потому что он совсем не тот человек, за кого себя выдает.

Маруся игнорирует предостережение, считая профессора своим настоящим другом. Она встречается с Бунином и отдает ему орла, ворона и змейку. Но у нее в руках остается ящерка. Не зная о том, что этот предмет все еще у Маруси, профессор Бунин отдает ей приказ: «Ты должна убить своего отца».

ЭПИЗОД 1

72 часа

1

Всегда есть свобода выбора. Если нельзя выбрать обстоятельства, всегда можно выбрать поступок.

Убежать было нельзя. Спрятаться некуда. Оставалось только смириться и идти вперед. Идти было тяжело. Под ногами чавкало, и, чтобы сделать очередной шаг, приходилось с силой выдирать сапог из пушистого мохового ковра, устилавшего все вокруг. Впереди качалась сплошная стена деревьев, расеченная надвое просекой.

Там должна быть тропа.

Надо только дойти.

Маруся остановилась, вытерла лицо рукавом комбинезона. Комбинезон дурацкого синего цвета и тяжеленные резиновые сапоги она обнаружила в рюкзаке, который висел сейчас за спиной. Обнаружила, когда пришла в себя и смогла двигаться.

Двигаться – куда? И зачем?

Облизнув пересохшие губы, Маруся обвела взглядом окрестности. Где она? Почему солнце такого жуткого, кровавого цвета и висит так низко над горизонтом?

Уровень адреналина в крови резко поднялся. Дышать стало трудно.

Чер-рт! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!..

Страх, гнев, обида и унизительная слабость смешались с приступом паники.

Бунин, Алиса – все эти предатели из Зеленого города... Предатели и негодяи!..

Все происходящее было вне представления Маруси о добре и зле. Голова раскалывалась.

Надо взять себя в руки! Надо успокоиться. Все получится. Это просто игра, чья-то идиотская игра. «Убить своего отца!!!» Это слова из бездарного сериала, снятого пааноиком. Удобно, когда тебя принимают за глупого ребенка, особенно если ты намерен податься в героя. Но ребенок не может быть убийцей! Или может?..

Паника разрасталась. Маруся зажмурилась, уговаривая себя, что все это происходит не на самом деле и даже не с ней. Этого всего лишь сон. Обычный ночной кошмар. Но ничего не помогало. Ей было страшно.

Она попыталась снова себя подбодрить.

Лучший способ обезоружить того, кто на тебя нападает, – во всем с ним соглашаться. Хотите меня испытать? Что ж, у меня получится. Я выдержу. Моим возможностям нет предела. Я сильная, умная... – Маруся попыталась найти еще какое-нибудь позитивное определение и добавила: красивая. – Да, этого у меня не отнять. Нужно еще всего лишь немногого везения... Черт! Что я несу?!

Маруся снова скисла.

Я боюсь!

Страшные слова уже готовы были сорваться с языка. Но Маруся сдержалась.

Я боюсь и совершенно не знаю, что делать дальше... Нет, надо остановиться и подумать.

И присесть. Обязательно присесть, иначе я просто упаду...

Оглядевшись, Маруся заметила в стороне ствол поваленного дерева. Кое-как доковыляв до него, она уронила рюкзак в траву и плюхнулась рядом.

Вдали, за зубчатой кромкой леса, пылали горные вершины, освещенные заходящим солнцем. Пустошь, расстилавшаяся вокруг, тоже залило красным. Когда-то здесь полосой прошел

лесной пожар, сожравший деревья. Их черные обглоданные скелеты, заросшие серым лишайником, кое-где еще торчали изо мха, а у подножия погибших древесных исполинов уже поднялась весело зеленеющая поросль. Перекликались птицы, в сухой траве трещали кузнечики, комары живым облаком висели в воздухе, но близко не подлетали: комбинезон Маруси, пропитанный специальным составом, отпугивал кровососов.

Девочка достала из кармана коммуникатор, с надеждой взглянула на экран. Увы, приема нет. Привычный, надежный, столько раз выручавший Марусю аппарат не в силах помочь ей сейчас.

До папы не дозвониться.

Помощи ждать неоткуда.

И все проблемы придется решать самой...

Маруся закрыла глаза и попыталась еще раз вспомнить все, что случилось с того момента, как профессор Бунин произнес эти страшные, колючие слова: «А пока... Пока ты должна убить своего отца!»

2

Кажется, в первый момент она растерялась. И даже сказала: «Хорошо». Потом испугалась. Испугалась, потому что поняла, ЧТО сказал Бунин.

Сжала в руке ящерку. Ухватилась за нее, как за соломинку, в надежде, что фигурка поможет, защитит, спасет. А профессор все говорил, говорил спокойным, даже доброжелательным голосом: «Ты сделаешь все, что я тебе скажу. Ты должна убить Андрея Гумилева».

У Маруси закружилась голова, перед глазами поплыли темные пятна. Слова Бунина превратились в буквы, огромные буквы злого багрового цвета: «Ты должна убить... Должна убить. Убить!»

«Папу?!» – едва не закричала тогда Маруся, но словно чья-то невидимая рука сдавила ей горло. Багровые буквы росли, увеличивались. Они заняли все ее сознание, вытеснили другие мысли, подчиняя девочку чужой воле.

Убить! Убить!! УБИТЬ!!!

Стало нечем дышать, тело пронзила острая боль. Маруся рванулась, пытаясь освободиться от навалившейся на нее силы. Ящерка в руке вдруг сделалась невозможна холодной, обожгла пальцы. «Нестор говорил, что она может защитить меня», – вспомнила Маруся, из последних сил отталкивая от себя багровые буквы.

Свет! Белый, холодный, чистый свет! Он хлынул из ящерки, смывая страшные слова в голове. Сразу стало легче дышать. Маруся открыла глаза – или они были открыты, просто исчезли темные пятна? Она увидела хмурого Бунина, сжимавшего в руке серебристую фигурку орла. Профессор досадливо пожал плечами и опять заговорил:

– Ты должна убить...

На этот раз Марусе пришлось еще тяжелее. Они с ящеркой сопротивлялись из последних сил. Было больно. Очень. Мышцы сводило судорогами, сердце колотилось как бешеное. Маруся упала на колени, уперлась рукой в пол. Багровая мощь орла билась с белым светом ящерки, билась, давила – но не могла победить.

Она не заметила, когда в комнате, напоминавшей бункер, появилась Алиса.

– Ничего не получается, – сердито бросил своей помощнице Бунин. – Она не поддается! Придется пробовать запасной вариант.

Все это девочка слышала как сквозь вату.

«Запасной? О чем это он?»

Профессор поднялся из кресла, подошел к Марусе, присел на корточки.

– Маруся, ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

Шевелиться не хотелось. Хотелось спать. Лечь и уснуть. Вот прямо здесь, на каменном полу. Но Маруся все же заставила себя поднять голову и посмотреть в разноцветные глаза Бунина. Она даже сумела прошептать:

– Я вас... спасала! А вы...

– Пойми, девочка моя, я вынужден это сделать, – раздраженно проговорил профессор. – Человечеству, всей Земле грозит гибель. И гибель эту несет твой отец. Я понимаю, ты мне не веришь. Для тебя он – близкий, родной человек.

– Папа... – у Маруси на глаза навернулись слезы. – Мой папа...

– Но это уже не так! – Бунин глубоко вздохнул, уселся на пол рядом с Марусей, дружески обнял ее за плечо. – Того Андрея Гумилева, которого ты знала всю свою жизнь, больше нет. Да и никогда не было. Начнем с того, что он погубил твою мать.

– Мама пропала без вести!

– Это не так, – мягко произнес Бунин. – Я еще раз повторяю: Андрея Гумилева, такого, каким ты его знала, нет.

– А кто... есть?

– Монстр. Мерзавец, задумавший погубить планету.

– Не-е-ет! – отчаянно замотала головой Маруся. – Вы врете! Вы все врете! Мой папа...

– Твой папа – преступник! – вмешалась в разговор переминаясь с ноги на ногу Алиса.

Огненный шар ненависти вспыхнул в сознании Маруси. Превозмогая боль, она стряхнула с плеча руку Бунина, поднялась, шагнула к Алисе с таким лицом, что та невольно попятилась.

– Мой отец хороший! Он не может... Это вы... вы – преступники! – выкрикнула Маруся и закашлялась.

– Эх, девочка моя, если бы ты только знала, – развел руками Бунин. – Впрочем, сейчас ты все равно ничему не поверишь.

Поэтому я... мы даем тебе возможность убедиться во всем самой. Сегодня понедельник. У тебя есть три дня, до четверга. В четверг, в день своего рождения, ты сама сделаешь то, о чем я тебя просил. Уверен: сделаешь!

– Никогда! – заорала Маруся, повернувшись к профессору, и снова закашлялась. У нее возникло бешеное желание вцепиться ногтями в лицо Бунина, расцарапать его в кровь...

Господи, как вы все мне надоели!

– Время нас рассудит, – пробормотал Бунин и сделал знак Алисе. Маруся слишком поздно поняла, что зря повернулась к ней спиной. Она услышала короткий писк инъектора и почувствовала боль в плече. А потом голова закружилась и навалилась такая слабость, что даже моргать стало тяжело.

Будто наблюдая со стороны, Маруся видела, как Бунин осторожно подвел ее к креслу, заботливо усадил, сложил руки на коленях. Алиса забросила за спину небольшой квадратный рюкзачок, взяла у профессора змейку Юки и какую-то фотографию. Напутствие оказалось кратким:

– Оставиши ее здесь, – указав на снимок, сказал Бунин. – Покажешь направление, отдашь коммуникатор – и возвращайся.

Алиса кивнула, повернула голову к Марусе, улыбнулась. Нет, скорее ухмыльнулась, не без торжествующей злобы.

«Дрянь, – подумала девочка. – Все-таки она – редкая дрянь». То, что произошло потом, лишний раз убедило Марусю в этом. Алиса, поигрывая змейкой, подошла к сидящей девочке, неожиданно уселась ей на колени, крепко обняла и...

И поцеловала в губы!

Маруся попыталась вырваться, но после укола тело совершенно не слушалось ее. Девочке стало дурно – это напоминало страшный сон.

Вдруг мягкий, рассеянный свет померк, на мгновение воцарилась тьма, а потом в глаза девочке ударили солнечные лучи. Она упала во что-то мягкое, оцарапала спину и увиде-

ла над собой редкие облака. Алиса разжала руки, вскочила.

– Через пять минут действие парализанта пройдет, – сообщила она. – Твой путь – через гарь во-он туда, к просеке. Там будет тропа. Пойдешь по ней и... В общем, там уже сама разберешься.

Почувствовав, что может шевелить языком, Маруся что есть сил завизжала:

– Дура!

Алиса сбросила в мох рюкзак и присела на корточки рядом с девочкой. Двумя пальцами она сжала Марусе щеки, вздернула ее голову вверх.

– Да нет, дорогуша. Дура – это ты. Эх, сказала бы я тебе... Впрочем, ладно... Слушай: на коммуникаторе выставлен таймер. Он ведет обратный отсчет. Семьдесят два часа. Если ты не уложишься в это время... Но ты уложишься. И убьешь Гумилева.

– П-почему? – пробормотала Маруся.

Сунув руку за пазуху, Алиса вытянула цепочку, на которой покачивалась серебристая фигурка, выполненная в знакомом стиле.

Кот.

«Она владеет предметом, – страх сжал сердце Маруси. – Каякая бы способность ни была у этой стервы, хорошего ждать не стоит».

– Я умею видеть будущее, – холодно сказала Алиса. – Не все, а кусочками. Как будто видеофайл нарезали на кадры. Так вот, я видела, как ты на своем дне рождения стреляешь в Андрея Гумилева. В своего отца. Прощай.

Она поднялась, положила на клапан рюкзака носовский коммуникатор, фотографию, полученную от Бунина, послала Марусе воздушный поцелуй и исчезла. Наступила оглушительная тишина, а потом где-то в стороне зловеще закаркал ворон...

К тому моменту, как Маруся обрела способность двигаться, комары искали ее так, что голые руки, ноги, шея и лицо покрылись красными пятнами. Надо было спасаться. Но как?

«Рюкзак! – поняла Маруся. – Наверняка там есть какое-нибудь средство. Не на смерть же меня сюда отправили?»

Но, кое-как добравшись до рюкзака, девочка первым делом схватилась за коммуникатор. Он работал, но только на прием. Функция исходящих сообщений была отключена. Как – Маруся не знала. Раз десять набрав номер папы, она разозлилась, отшвырнула коммуникатор и с треском рванула клапан рюкзака – комары одолели ее окончательно.

Внутри оказалась масса вещей, и среди них – форменный комбинезон Зеленого города, используемый учащимися на практических занятиях. Сбросив легкое платье, Маруся быстро натянула его на себя. Великоват, но сойдет. Комары немедленно отстали: ткань была со специальной пропиткой.

Теперь можно осмотреться. Несколько раз внимательно обведя взглядом окрестный лесисто-горный пейзаж, Маруся поняла только одно: она понятия не имеет, где очутилась. Это, конечно, плохо. Но у нее есть направление – та самая просека, на которую указывала Алиса. Там должна быть тропа. А тропа – это люди. А люди – это коммуникаторы. А коммуникаторы – это папа. А папа – это спасение.

«Поем, вымоюсь, выслюсь – и Бунину с его командой подонков не поздоровится! Хватит глупостей. Все расскажу папе», – решила Маруся.

Немного успокоившись, девочка приступила к осмотру содержимого рюкзака. Итак, у нее были: бутылочка с водой, нож, «вечная» китайская зажигалка, резиновые сапоги, шерстяные носки, фонарик, влажные салфетки «смерть вирусам», два сигнальных факела типа «Зеленое пламя» и какая-то кар-

тонная коробочка с грубо напечатанной картой и надписью «Беломорканал».

– А папиросы-то мне зачем? – пробормотала девочка. – Лучше бы еду положили. Гады!

После борьбы с орлом и укола парализанта у нее кружилась голова, мысли путались. Сжав в ладони ящерку, девочка попыталась встать. Получилось плохо – Маруся едва не упала. Обутые в легкие туфли ноги промокли и разъезжались во влажном мху. Пришлось натянуть тяжеленные сапоги. Стоять и ходить стало удобнее.

Нашивку на комбинезоне она заметила не сразу. На левой стороне груди желтый матерчатый прямоугольник с надписью «Алиса Сафина. Группа 1».

– Ну уж нет! – звякнула Маруся, схватила нож и принялась спарывать нашивку с ненавистным именем. Руки еще плохо слушались ее, и пару раз лезвие соскальзывало, оставляя в комбинезоне дыры.

Так и зарезаться недолго.

Наконец желтая нашивка полетела в кусты. Маруся спрятала нож в карман, отышалась и потянулась за водой. Пластиковая бутылочка закончилась на удивление быстро, зато чувство голода немного отступило.

Теперь пора в дорогу. Скоро вечер, а ей до темноты обязательно нужно найти людей. Подобрав коммуникатор, она заметила поодаль что-то белое. Это была фотография, врученная Буниным Алисе.

Маруся подняла снимок, прочитала надпись «Долина реки Ада, 2009 год», перевернула. Бумага была старой, краски выцвели. Но то, что снимок был сделан на этой пустоши, она поняла сразу – те же горы за лесом, те же обгорелые деревья. А на том месте, где сейчас стояла Маруся, вольготно расположилась группа улыбающихся людей, одетых в полевые камуфлированные костюмы. Несколько совершенно незнакомых девочке мужчин и женщин.

– Но одна из девушек вроде бы смутно кого-то напоминает,
– подумала Маруся.

Стоп!

Маруся всмотрелась в снимок. Точно. Она не раз видела эти глаза, задорно вздернутый нос, улыбку, поворот головы... Ей стало жарко, в ушах зашумело.

Догадка была как вспышка:

– Мама?!

4

И вот теперь Маруся бредет по этой проклятой выгоревшей пустоши к тропе, и мысли в ее голове напоминают мотыльков, кружящих летней ночью вокруг лампы. Их так же много, и они такие же бестолковые. Почему мама на этой фотографии? Она была здесь в экспедиции или... или это просто фотомонтаж?

Между тем лес приблизился. Маруся увидела здешние деревья. Они даже близко не походили на те, к которым она привыкла. Ну, разве что и у тех, и у этих есть ствол и ветви.

Серая, будто серебряная, кора. Узловатые черные сучья, все усеянные какими-то уродливыми вздутиями. Вместо листьев – короткие зеленые волоски. Не иголки, как у сосны или елки, а именно волоски, тонкие и мягкие. И еще запах. Деревья пахли неожиданно приятно – свежо, бодряще. Маруся повеселела и сразу же вспомнила картинку из учебника по ботанике: это лиственницы. Сибирские лиственницы.

– Чер-рт! Я что, в Сибири? – от неожиданности девочка остановилась. – Хотя от этих сумасшедших всего можно ожидать...

Значит, не лес вокруг. Не лес, из которого можно выбраться к вечеру или хотя бы на следующий день. Выйти к шоссе или к железной дороге.

Вокруг тайга. Бескрайняя, раскинувшаяся на сотни, если не на тысячи, километров.

Тайга. Какое жуткое, безнадежное слово...

Вечерело. На моховой ковер легли длинные фиолетовые тени. Тропа, если только так можно было назвать чуть заметную среди высокой травы дорожку, обнаружилась не сразу. Марусе пришлось покружить по опушке леса, прежде чем она нашла уводящую вглубь зарослей тропинку. Нашла – и так обрадовалась, что, забыв про усталость, с шумом и треском бегом бросилась по ней.

Стволы, ветки, густая зелень кустов – все замелькало перед глазами, сливаясь в пятнистую мешанину образов. Наверное, поэтому медведя Маруся заметила не сразу. Огромный зверь, покрытый свалявшейся коричневой шерстью, выкатился на тропу и замер, с удивлением глядя на человека. От него остро пахло гнилью.

Маруся тоже застыла, тяжело дыша. Она уже знала, что произойдет в следующую секунду. Адреналин хлынет в кровь и...

Медведь коротко рыкнул, сделал шаг вперед. Девочка вытаращила глаза и завизжала так, как умеет это делать только Маруся Гумилева, обладатель почетного звания «Чемпион школы по художественному визгу». Понятное дело, сейчас она ни о какой художественности не думала. Ей просто было очень СТРАШНО!

Бежать! Надо бежать!

Зачем-то прижав руки к груди, Маруся, не переставая голосить, сломя голову помчалась в чащу, не разбирая дороги. Спотыкаясь в тяжелых сапогах о лиственничные корни, натыкаясь на острые сучки, ломая ветки, задевая лицом космы свисающего мха, она продиралась наобум, совершенно не думая, куда несут ее ноги...

Марусе каждое мгновение казалось, что медведь бежит за

нею, что он вот-вот настигнет ее, схватит, подомнет, откроет грязную пасть...

– Не-е-ет! Не хочу-у-у!! – закричала девочка. Она вломилась в густой осинник, выскочила из него, вся облепленная круглыми маленькими листочками, упала в ручей, промокла, начерпав полные сапоги воды. С трудом вскарабкавшись на глинистый берег, вновь бросилась бежать. Сердце билось в груди. Сделалось совсем темно. В каждой коряге, встреченной на пути, в каждой изогнутой ветке ей чудился теперь какой-нибудь хищник, жуткая зверюга, изготовившаяся к прыжку.

Надо было остановиться, передохнуть, собраться с силами. Тяжело дыша, Маруся на бегу обернулась – может быть, медведь отстал? Она не заметила поваленного дерева, запнулась и кувырком полетела вниз по косогору, несколько раз чувствительно ударившись о стволы лиственниц. В довершение всего рюкзак стукнул ее по затылку, вмяв лицо в муравейник.

Отплевываясь, Маруся встала на четвереньки. Налетел ветер, и тайга вокруг зашумела, затрещала сучьями, заговорила на непонятном девочке языке. Пронзительно закричала какая-то птица.

– Мамочки... – жалобно простонала Маруся в отчаянии. Из последних сил она поползла вперед, туда, где между деревьями ей почудился просвет.

Это была даже не полянка, а просто небольшая прогалина посреди сплошной чащи. На ней в гаснущем свете дня Маруся увидела небольшую избушку под замшелой крышей, на которой покачивались тоненькие деревца.

Люди!

Последним усилием девочка доковыляла до избушки, толкнула очень низкую дверь, обмерла на секунду – вдруг заперто?

Открыто!

Ввалившись в темное нутро, пахнущее прелью и сеном, Маруся захлопнула за собой дверь и сползла по ней на пол.

Спасена!

Теперь надо попытаться остановить паническую атаку. Как? Пластиря стопадреналина у нее нет. Можно попробовать обратный отсчет от ста – иногда это помогает.

– Сто... Девяносто девять... Девяносто восемь, девяносто семь... – дрожащим голосом зашептала Маруся. – Девяносто шесть...

– Зафем фумишь? – прогудела темнота. – Моя спать. Тфоя спать.

Такого Маруся никак не ожидала и зажала грязной ладонью рот, давя рвущийся наружу крик. Успокоившееся было сердце боевым барабаном ударило в уши.

– Кто тут? – выждав несколько секунд, с опаской пискнула девочка.

– Моя дом, – басом отозвался неизвестный. – Жифу тут.

И во мраке вспыхнули два желтых немигающих глаза. Маруся присмотрелась и задохнулась от страха: зрачки у неизвестного хозяина избушки были нечеловеческие, вертикальные, как у кошки.

Она попыталась выскочить наружу, толкнула дверь раз, другой, но та не поддавалась. Желтые глаза сдвинулись с места и поплыли к ней...

Всхлипнув от ужаса – кричать она уже не могла, – Маруся провалилась в спасительное забытье...

ЭПИЗОД 2

Мам-ефа

1

Нет в жизни ничего слаще утреннего сна!

Бедные люди-жаворонки, ранние пташки, встающие с первыми лучами солнца, они никогда этого не узнают. Их судьба – вечный ранний подъем. В девять вечера они уже клюют носом, а в полночь жаворонков можно разрисовывать зубной пастой (они не проснутся), фотографировать и рассылать фотки всем знакомым. Маруся с подружками так делала, когда ездила позапрошлым летом в лагерь на море.

Беднягам жаворонкам не суждено понять, какое это чудо – ночь.

Иное дело, если тебе повезло родиться совой! Тогда ночь – самое веселое время. Ночью можно творить всякие безумные вещи, отрываться по полной, быть такой, какой хочешь. Темнота все покроет. А если вместо этого лечь спать, то тебе будут сниться всякие гадости и ужасы. Ночной сон – не отдых, а мучение. И только с наступлением утра человек-сова засыпает по-настоящему, крепко и расслабленно. Засыпает, чтобы проснуться к обеду отдохнувшим и бодрым.

Маруся была совой.

Настоящей.

Она только что проснулась и теперь лежала в постели с закрытыми глазами. «Вот такой режим мне подходит, – подумала девочка, потягиваясь. – Наконец-то выспалась».

Маруся не спешила открывать глаза, хотя, судя по ощущениям, давно уже наступил день. В ее комнате пахло: вкусно –

цветами и дразняще – жюльеном. Густым таким жюльенчиком с белыми грибами, луком и сметаной. Точно наяву, она представила себе дымящуюся кастрюльку, укрытую поджаристой сырной крышечкой-корочкой.

Мысленно улыбнувшись: «Жюльен – это хорошо. Сейчас встану и съем. А вообще я бы могла сейчас съесть слона. Или правильно говорить – быка? Да какая разница, слопаю и того, и другого» – Маруся еще раз с хрустом, что называется, от души, потянулась.

Несмотря на страшный голод, вставать все же не хотелось. Хотелось еще несколько минут спокойно полежать, повалиться, неспешно подумать обо всем.

Что случилось вчера?

Из глубин памяти пузырями всплывали воспоминания. Она провернула комбинацию с предметами. Вновь пережив заново все перипетии спасения Бунина, мысленно еще раз поговорив с Нестором, Маруся вдруг поняла, что вспомнила явно не все. Потом, вечером, случилось еще что-то. Об этом говорили ноющие мышцы ног, зудящая кожа, неприятный, кислый привкус во рту. Такое бывает после панической атаки и физических нагрузок.

Так что все-таки произошло с ней вчера?

Пришлось сделать усилие, заставить себя вспомнить.

И она вспомнила. Вспомнила все: и страшные багровые буквы «Убить!», и поцелуй Алисы, и коммуникатор, работающий только на прием, и дремучий лес, и медведя на тропе, и безумный марафон через буреломную чащу, и избушку, и горящие желтым огнем глаза...

«А может быть, все это – просто сон? Ну, конечно! Мне все это приснилось. Ночной кошмар», – Маруся облегченно улыбнулась и тут же скривилась от боли: сухая кожа обветренных губ треснула. «Но, если все было сном, что у меня с губами? Выходит, кое-что все же произошло наяву! И, если это так, тогда... Тогда я не дома. Но где? Где?!» – молнией сверкнуло в го-

лове девочки. Она резко села на кровати, открыла глаза и тут же сощурилась от яркого солнечного света.

Солнце было сквозь грязноватые стекла небольшого окна. Его лучи падали на перепачканный рюкзак, лежащий на полу. Из кармашка на клапане торчал уголок помятой фотографии. Рядом валялись заляпанные желтой глиной резиновые сапоги.

Значит, не сон. Все произошло на самом деле. Все, и в том числе – желтые кошачьи глаза и низкий голос: «Жифу тут».

– Мамочки... – тоскливо прошептала Маруся, опуская ноги на пол. К глазам подступили слезы, но плакать сейчас было никак нельзя.

Надо было действовать. Быстро. Очень быстро!

Кое-как проморгавшись, девочка вытащила коммуникатор. Он по-прежнему работал только на прием. Выставленный Алисой (или Носом?) таймер обратного отсчета показывал, что с момента, как Марусю забросили в эти дебри, прошло девять часов.

Девять!

– Зато я выспалась, – мрачно пробурчала она, оглядываясь.

Примерно так Маруся в детстве представляла себе дом Бабы-яги. Потемневшие бревенчатые стены. Низкий закопченный потолок, по углам паутина. Деревянная кровать, на которой она спала. Напротив большая лежанка, заваленная сухим сеном. Всюду развешаны пучки трав, какие-то изогнутые ветки, тщательно ошкуренные корни. Из щелей в бревнах торчат птичьи перья. На глаза Марусе попались пучки рыжей шерсти, валяющиеся на полу.

Посреди избушки стоит стол. Старый, рассохшийся письменный стол, некогда покрытый лаком, а сейчас просто обшарпанный. На нем Маруся увидела небольшой микроскоп, обвязанный красными ленточками, охотничий нож с обломанным лезвием, наполовину обработанную коряжку, трес-

нувший бинокль и пистолет. Старинный большой черный пистолет с коричневыми накладками на рукояти.

Несколько приободрившись: вещи на столе явно принадлежали человеку, причем человеку, который спокойно оставил здесь оружие, а значит, не считает Марусю ни врагом, ни своей пленницей, – она поднялась на ноги. Ноги болели. Вернулся голод. Девочка вспомнила про запах жюльена, завертела головой.

У дальней стены, возле двери, обнаружился очаг, сложенный из камней, куча поленьев поодаль, а над очагом – подвешенный на крюке котел, закрытый крышкой. Маруся едва не бросилась к нему босиком, но сумела взять себя в руки и натянула сапоги: пол в избушке был жутко грязным. Обуввшись, она поспешила к котлу. Черный от сажи бок посудины был ощутимо теплым. Подняв крышку, Маруся заглянула внутрь.

Грибной суп!

Точнее, если приглядеться, грибные щи. Или не щи? Помимо грибов, в похлебке плавали какие-то вареные листья, коренья, цветы, стебли, несколько угодивших в котел комаров и паук со скрюченными лапками. Наклонившись, девочка со все возрастающим сомнением рассмотрела густое варево. Пахло оно аппетитно, но запахом сыт не будешь. Пробовать эту гадость решительно не хотелось. Или хотелось, но только с закрытыми глазами.

«Я ничего не ела уже... Да уже не помню сколько часов! – мысленно уговаривала себя Маруся, осматриваясь в поисках ложки. – Если тут живут люди (а, судя по биноклю и пистолету, они тут живут), то и еда эта для людей подходит. Значит, есть можно. И нужно. Чер-рт, да где у них тут ложки?!»

Ее взгляд упал на огромный деревянный черпак, висевший на ржавом гвозде неподалеку от очага.

– Сойдет! – решила Маруся, сняла черпак со стены и сунула его в котел.

Первым делом она выловила и отбросила в сторону несчастного вареного паука. Вторым – зачерпнула варева, зажмурилась и попробовала...

Сказать, что это было вкусно – значит не сказать ничего. Похлебка оказалась просто божественной. Куда там до нее во-жделенному еще пять минут назад жюльену! Открыв глаза, Маруся оглядела котел – в него помещается литров десять.

– Как бы не лопнуть! – произнесла вслух девочка.

И принялась за еду.

Конечно, у нее не хватило сил уничтожить даже четверть густой похлебки. Прикрыв котел крышкой, Маруся не глядя повесила черпак на старое место и на заплетающихся от сытости ногах побрела к двери. Снова захотелось спать. Да и умыться, в общем, тоже было бы неплохо.

У самой двери на стене девочка заметила старый, выцветший плакат, прикрепленный к бревнам ржавыми кнопками. С плаката на нее грустными глазами смотрела суровая женщина в красной косынке. Женщина прижимала палец к губам. Ниже шли некогда красные, а сейчас еле различимые буквы: «Не болтай!» В верхнем левом углу плаката обнаружилось странное, дикое в своей непонятности стихотворение:

Будь начеку.

В такие дни

Подслушивают стены.

Недалеко от болтовни

И сплетни

До измены!

«Ерунда какая-то, – рассматривая плакат, решила Маруся. – Автор решил приколоться, а прикола-то и не получилось. «Подслушивают стены», надо же!»

Маруся вновь посмотрела на плакат и увидела еще одну надпись, сделанную простым карандашом, которая шла по краю плаката. Рассмотреть ее в полумраке, царившем в этом углу

избушки, было сложно. Маруся сходила к рюкзаку, вытащила фонарик и посветила...

– Муся! Не верь никому и ничему! – вслух прочитала она. В конце послания стоял «фирменный» папин росчерк – переплетенные буквы А и Г. Сомнений не было: надпись сделал Андрей Гумилев, и сделал, судя по всему, недавно.

– Не верь никому и ничему, – задумчиво повторила девочка и посмотрела в глаза плакатной женщины...

2

Пистолет оказался очень тяжелым. Как стрелять из него, Маруся не знала. Вернее, она видела в кино и компьютерных играх, что нужно направить ствол на врага и нажать курок.

Маруся несколько раз глубоко вдохнула.

«Ну, не убью, так напугаю», – решила она и, сжав в руках пистолет, пнула входную дверь. Та не шелохнулась. Маруся нажала плечом – заперто! Папа был прав: кругом враги. Никому верить нельзя.

– Сволочи! – прошипела она и бросилась к окну. Ржавая защелка никак не хотела открываться, пришлось воспользоваться обломком ножа и рукояткой пистолета. Но справиться с защелкой было лишь половиной дела. Разбухшие рамы держались мертвого и поддались только после нескольких ударов тяжелого полена.

Посасывая ушибленный палец, Маруся распахнула окно, выкинула наружу рюкзак и, согнувшись, выбралась на свободу.

Лес встретил ее птичьими голосами, шумом лиственниц, терпкими запахами увядящих трав. Прижимаясь к обросшей мхом стене, девочка обогнула избушку, держа пистолет наготове.

Никого. Никаких следов желтоглазого обитателя избушки. Только на маленьком, похожем на могилку, холмике торчал покосившийся деревянный столб с прибитой ржавым гвоздем

растрескавшейся табличкой. На табличке можно было прочесть расплывшуюся от дождей непонятную надпись: БАРАКИ АДА.

План действий Маруси был, как обычно, прост: вернуться на то место, где она вчера повстречалась с медведем, найти тропу и двигаться по ней. И, чтобы претворить этот план в жизнь, требовалась самая малость – вспомнить, откуда она пришла к странной избушке.

– Вроде бы я падала, – шепотом рассуждала Маруся, тревожно озираясь. – А раз падала, значит, там была горка. Склон. Точно, вот он!

Девочка сделала шаг, другой – и застыла как вкопанная. Застыла, потому что увидела, как ветви кустов на другой стороне прогалины раздвинулись и из зарослей появилось такое кошмарное существо, какое не могло привидеться ей даже в самых жутких фантазиях.

Это был высоченный монстр, весь покрытый густой и длинной рыжей шерстью. Он двигался на задних лапах, как человек, но при ходьбе помогал себе невероятно длинными «руками». «Руки» эти даже у локтей в обхвате запросто могли посоперничать с Марусиной талией. Широкие плечи, которым позавидовал бы и чемпион мира по тяжелой атлетике, короткая толстая шея – и маленькая лысоватая голова тыковкой, украшенная большими ушами. Толстый сплюснутый нос, узкий лоб, лохматые брови, густая борода. С заросшего диким волосом лица – или морды? – на Марусю пристально смотрели желтые глаза.

Те самые,очные. С вертикальным зрачком.

Бежать – поздно.

Существо приближалось, приглушенно рыча.

– Стой! – в ужасе закричала девочка, поднимая пистолет. – Не подходи! Я стрелять буду!

Сердце заколотилось, в ушах зашумело.

– Адреналин, опять проклятый адреналин!

«Нет! Не смей! – приказал себе Маруся. – Если каждый раз так поддаваться панике, то не выжить. И папу не спасти».

Лохматое существо между тем остановилось, сбросило с плеч плетенный из веток короб. Открыв огромную губастую пасть, оно издало какие-то звуки, но до Маруси вновь долетел лишь звериный рык.

– Уходи! – снова закричала она. – Пошел вон, урод волосатый! Учи, я выстрелю!

И, задрав ствол пистолета в небо, Маруся надавила указательными пальцами обеих рук на спусковой крючок.

Та-дах!

Выстрел оказался не таким громким, как ожидала девочка. Стреляная гильза улетела в траву, кисло запахло порохом. Отдача была очень сильной – Маруся едва не выронила пистолет. Вопреки ее ожиданиям, звук выстрела вовсе не напугал чудовище. Оно снова что-то прорычало и спокойно двинулось к девочке, требовательно протягивая могучую лапу.

«Я должна его убить, – Маруся почувствовала, как у нее холдеют руки, – иначе он убьет меня». Прицелившись в гиганта, она на всякий случай крикнула:

– Ты сам напросился! Стреляю!

И нажала на спуск. Пистолет сухо щелкнул.

Осечка!

Маруся снова нажала, потом еще раз и еще – результат тот же.

Щелк! Щелк! Щелк!

Пока она безуспешно пыталась выстрелить, косматый великан приблизился вплотную. Он вытянул лапу и осторожно, двумя пальцами, выдернул из рук Маруси пистолет.

– Патрон больфе нету, – виновато прогудел низкий голос. – Уф... Тфоя последний патрон стрелять. Зафем? Тфоя – челофека. Уф... Я люблю челофекоф. Хорофо. Нрафится!

Говорящий монстр!

У Маруси подкосились ноги, и она неловко присела на траву.

Он оказался не только говорящим, но и вполне разумным. По крайней мере Маруся знала немало «челофекоф», как называл хозяин избушки людей, соображающих гораздо хуже, чем он.

И еще гигант не собирался ни убивать, ни обижать Марусю. А совсем наоборот – хотел ей помочь. Он так и сказал:

– Уф... Тфоя медфеть фидеть. Тфоя бояться. Моя ходить, медфеть пугать. Моя – тайга глафный. Тфоя – гость. Уф... Моя помогать гость. Хорофо! Нрафится!

– А ты кто? – просипела Маруся, приходя в себя. – Как тебя зовут?

– Моя! – прогудел великан, ударив себя чудовищным кулаком в волосатую грудь. – Здесь жифу. Дафно.

– Моя? Это не имя, – покачала головой Маруся.

Страх куда-то испарился. Она расслабилась, улыбнулась, про себя отметив, что от хозяина избушки, в отличие от вчерашнего медведя, не пахнет зверем. Да и вообще ничем не пахнет.

Так, двухметровый рыжий чебурашка. Нервно хихикнув, Маруся продолжила задавать вопросы.

– Как тебя называют?

– Моя назыфают? – удивился гигант, помогая девочке встать на ноги. – Уф... Уф... Мам-ефа говорил: «Рыфык». Уф...

– Что за имя такое «Рыжик»? - удивилась Маруся. - Я буду называть тебя Уф.

– Уф? – существо наморщило и без того узкий лоб. – Уф... Мофно. Тфоя фсе мофно. Тфоя – челофефа. Моя любит челофефа. Хорофо. Нрафится!

– Вот и славненько! – обрадовалась Маруся. – Но ты не сказал, кто ты. Снежный человек?

– Не, – гигант отрицательно замотал головой с такой силой, что у него затряслись губы. – Моя куфать хочет. Тфоя дом хо-

дить нрафится? Хорофо?

– Хорошо, – кивнула Маруся.

– Пойдем куфать. Потом гофорить. Нрафится?

– Пошли, – согласилась Маруся. Несмотря на то что в голове накрепко засело «Муся! Не верь никому», рыжий великан не казался опасным.

Когда они приблизились к двери, Уф согнулся, толкнул ее и притиснулся в избушку. Маруся вспомнила, как некоторое время назад она пыталась выбраться наружу, и ей стало смешно и стыдно одновременно. Дверь не была заперта, просто открывалась вовнутрь.

Котел с похлебкой Уф опустошил за несколько минут. Потом он уселся на свое ложе, по пояс утонув в душистом сене, и довольно прогудел:

– Уф... Куфать хорофо. Нрафится! Плохо – моя курефа нету...

«Курефа? – не поняла Маруся. – А, курева! «Беломорканал»! Она сунула руку в рюкзак, нашарила коробку, ногтем поддела край картона, вскрыла. Внутри оказались бумажные, на половину пустые трубочки с табаком. Вытащив одну, Маруся протянула ее гиганту. Тот обрадованно вскочил, бережно взял трубочку, вставил в рот.

– Курефо! Папирофа! Тфоя добрый.

– Меня зовут Маруся, – спохватилась девочка.

– Ма-ару-уфя-я... – раздельно произнес Уф, словно бы пробуя имя на вкус. – Хорофо... Нрафится. – И тут же засуетился, шаря лапищей под лежанкой. – Огонь... Моя надо огонь!

Он выгреб несколько грязных сухих палочек. Усевшись прямо на пол, по-обезьяньи зажал ногами расколотое вдоль полешко, вставил в выемку круглую палочку и принялся быстро-быстро крутить ее между ладоней.

«Так добывали огонь древние люди, – подумала Маруся кадры из какого-то учебного ролика. – Бедный, как он живет

здесь, у него же даже спичек нет!»

Цилиндр «вечной» зажигалки нашелся в кармашке рюкзака.

– Уф, на, возьми. Это – подарок.

– По-да-рок? – по тому, как гигант произнес это слово, Маруся поняла, что оно ему незнакомо. – Маруфя дает по-да-рок?

– Да. Вот смотри...

Зажигалка пискнула, над ней взметнулся короткий язычок синеватого пламени. Уф испуганно сморщил рот, отшатнулся в сторону, едва не перевернув стол.

– Огонь! Уф... Уф... Тфоя – хозяин огонь! Уф...

– Да не бойся ты, – ободряюще улыбнулась Маруся. – Возьми, попробуй сам. Вот так... пальцем на эту кнопку...

Когда Уф прикурил, затянулся и выпустил к потолку облачко сизого дыма, Маруся спросила:

– А почему у тебя дверь такая странная – вовнутрь открывается?

Волосатый гигант удивленно посмотрел на нее.

– Медфеть ходит. Лапой гребет. Фот так.

И он показал своей огромной ручищей, как медведь тянет дверь к себе.

– А так? – Маруся изобразила толкающее движение.

– Не, медфеть так не мофет. Уф... Он больфой, но глупый. Я – умный. Я – тайга глафныий! Уф...

– Ты обещал рассказать, кто ты такой.

Блаженно улыбающийся гигант сузил глаза.

– Уф... Да, моя гофорить. Моя – ёхху. Так моя назыфали челофеки.

– Ёхху? А кто это? Вас много?

– Моя не знать. Моя фсегда один, – Уф нахмурился. Маруся прикусила губу. Кажется, она затронула тему, не очень приятную для хозяина избушки.

– Бедненький... Ты как Робинзон Крузо, только без попугая. А где люди, о которых ты говоришь?

– Там, – махнул лапищей Уф. – Под горой. Хорофый челофе-ки. Ученый. Учить моя гофорить на фаш язык. Дафать много фкусный еда. Уф...

4

Хозяин избушки докурил, кинул окурок в очаг.

Маруся терпеливо ждала. Она знала: иногда нужно не задавать вопросы, а просто сидеть и смотреть. И тогда человек сам все расскажет. Уф не был человеком, но оказалось, что этот нехитрый прием работает и с ёххы.

– Дафно было. Уф... Уф... Снег падал десять и еще дфа раза. Моя был маленький. Фот такой, – и Уф показал рукой от пола, получилось – сантиметров шестьдесят. – Моя сидел тайга. Уф... Моя пла-кал. Уф... Прифел челофеки. Мам-ефа пришел. Добрый Мам-ефа. Хорофый Мам-ефа. Уф... Моя фзял, унес ф дом под гора. Фкусный еда дафал. Гофорить учили. Профода на голофа стафил...

– Провода? Зачем? – не удержалась Маруся.

Уф поднял вверх кривой толстый палец, со значением про-изнес:

– Опыт делать! Мам-ефа опыт делать. Мам-ефа – ученый! Очень хорофый. Нрафится. Уф...

Он указал на украшенный ленточками микроскоп, облиз-нулся и тихо добавил:

– Это – прибор Мам-ефа. Уф...

– А где сейчас этот ученый Мамеф? И что за дом под горой? – как Маруся ни старалась, любопытство в ее душе все же взяло верх.

– Тфоя много гофорить, – неодобрительно проворчал Уф. – Не хорофо. Тфоя – слушать, моя – гофорить.

– Все, все, все! Молчу! – для наглядности Маруся зажала себе руками рот. Гигант хмыкнул, помолчал и продолжил свой рас-сказ:

– Ученый был много. Ученый смотреть мясоглотоф. Уф... Не глазами. Ф окно. Уф... Мам-ефа тоже смотреть. Мясоглоты далеко. Ф окно смотреть – близко. Моя смотреть. Уф... Мясоглоты – плохо, не нрафится. Моя мяса не куфать. Моя зферъ не убифать. Моя... – Он сделал паузу и с благоговением произнес по слогам: – Фе-ге-тарь-я-н-ец! Уф... Мясоглоты фсех убифать. Мясоглоты – плохо. Не нрафится... Уф...

Уф почти кричал, потрясая ручищами. Маруся ничего не понимала – кто такие мясоглоты? Кого они убивали? О чем пытается рассказать ей ёхху?

– Мам-ефа гофорить: «Моя идет к мясоглотам. Моя любить мясоглотоф». Мам-ефа ушел. Моя плакать. Моя любить Мам-ефа. Мам-ефа любить мясоглотоф. Не хорофо! Уф... Уф... Не нрафится...

Опустив плечи, гигант отвернулся к стене, шмыгнул. Маруся достала из коробки еще одну трубочку с табаком, протянула ёхху.

– На, возьми. Не переживай, так бывает: ты кого-то любишь, а он любит другого.

Уф повернулся к девочке волосатое лицо, попытался улыбнуться.

– Тфоя добрый. Курефо дафать. Уф... Тфоя не понимать. Мам-ефа – ученый. Мам-ефа ходить к мясоглотам. Так надо. Делать опыт. Уф... Моя осться. Моя плакать. Уф...

«Да что это за Мамеф такой? – подумала Маруся. – Сначала приручил этого великана, а потом бросил и ушел к каким-то мясоглотам. Ну и названыще, аж мороз по коже».

– А другие ученыe? С ними что случилось?

– Другой ученый сидеть под горой. Уф... Опыт, смотреть, пифать. Работать. Уф... Моя софсем один. Мам-ефа нет. Не хорофо. Уф...

– Это далеко? – уточнила Маруся. – Где их дом под горой?

– Там! – невнятно мотнул головой на окошко Уф, взявшись с за-

жигалкой. У него никак не получалось зажечь ее.

– Маруфя, по-да-рок огонь не дает...

– Да не так, не так! Горе луковое, – вырвалось у девочки бабушкино словечко. Она помогла ёхху прикурить и как бы между прочим поинтересовалась:

– Уф, а ты отведешь меня к тем людям? К ученым?

Гигант замялся, отвел глаза, попыхивая дымом.

«Да он же боится, – поняла Маруся. – Просто трусит! Ну нет, я тебя заставлю, заставлю!»

– Если ты покажешь мне, как добраться до дома ученых, я дам тебе много курева, – сказала она, показывая ёхху пачку «Беломорканала». – Вот, видишь?

– Курефо... – желтые глазки Уфа вспыхнули. – Тфоя добрый. Зафем тфоя ходить в дом под горой? Ученый умирать, ученый уходить. Мясоглоты... Мясоглоты тфоя убифать! Уф... Мам-ефа нету. Уф...

«Дался ему этот Мамеф!» – разозлилась девочка.

– Погоди, – она достала фотографию, протянула гиганту. – Посмотри, ты вот об этих ученых говоришь?

Уф в две глубокие затяжки докурил папиросу, отправил второй окурок следом за первым, вытер руки об себя и бережно взял снимок. Близоруко сощурившись, он поднес его очень близко к глазам и несколько секунд разглядывал, пыхтя себе под нос.

– Мам-ефа! – вдруг взревел ёхху, опуская фотографию. Маруся вздрогнула, увидев совершенно несчастные глаза гиганта. По рижим щекам Уфа текли огромные мутные слезы.

– Мам-ефа! – прорыдал он, тыча черным ногтем в изображение Марусиной мамы. – Мой Мам-ефа...

ЭПИЗОД 3

Дядя Сеня

1

Впереди качалась широкая спина ёхху с пристроенным плетеным коробом. Рыжий великан ловко огибал деревья, поднимаясь на очередную, уже третью по счету сопку. Маруся еле поспевала за ним.

Точнее, совсем не поспевала.

Она устала. Пот заливал глаза. Сапоги казались отлитыми из чугуна. Каждый шаг давался с трудом, а конца-края этому таежному марш-броску не предвиделось.

«Я сейчас упаду, – билась в голове единственная мысль. – Упаду, закрою глаза... И буду лежать!»

Не сказать, что Маруся была какой-то рохлей. Но физкультура никогда не входила в список ее любимых школьных предметов, а уж зарядку по утрам она и вовсе никогда не делала – зачем? Да и пешком ходить Маруся не особенно любила. Есть лифты, эскалаторы, машины, монорельсы и много еще всяких разных достижений цивилизации, облегчающих человеку жизнь – так чего упираться?

Слава богу, в двадцать первом веке живем.

И вот теперь она расплачивалась за свой образ жизни. Хотя, если начистоту, будь Маруся хоть чемпионом мира по спортивной ходьбе, уверенности в том, что ей легко дался бы путь по тайге, почему-то не возникало. Уж очень тут все... не так. Буреломы, мох, камни, эти бесконечные спуски и подъемы, жара, комариный звон в ушах.

«И чего стоило этим гадам положить в рюкзак кроссовки?

Или кеды. Или тенниски? Ботинки, на худой конец. Все, больше не могу!»

– Уф! Подожди! – крикнула Маруся и без сил села прямо там, где остановилась.

Ёхху обернулся, покачал ушастой головой, притопал обратно.

– Тфоя устать?

– Очень. Давай отдохнем.

– Надо ходить. Другой сопка отдохнуть, – Уф махнул лапищей. – Тама. Фстафай.

– Не могу! Давай посидим. Ну хоть минуточку! – взмолилась Маруся.

– Не хорофо. Надо ходить, – упрямо повторил ёхху.

– Вот зануда, – прошептала девочка, и тут ей в голову пришла отличная идея. – Уф, если кроссовок нет, их можно сделать.

Маруся разулась, вытащила нож и быстро отрезала у сапог голенища. Полюбовавшись получившимися галошками, она проделала в них дырочки, срезала задники, оставив лишь узкие полоски резины. Получились чудесные сандалии. Или даже босоножки.

– Ну вот, порядок! – обрадованно сообщила своему спутнику Маруся. – Удобно и практично. Теперь можно идти.

Уф с сомнением осмотрел результат Марусиных трудов, поднял отрезанные голенища и упрятал в свой короб.

– Не хорофо. Маруфа ломать фапоги. Не нрафится.

– Зато мне очень нравится, – обуваясь, отрезала она. – Все, пошли.

Идти и в самом деле стало намного легче. После тяжеленных сапог ноги сами собой летели вперед, перепрыгивали через валежины, пружинисто отталкиваясь от мохового ковра.

«Не так уж все и плохо», – весело сказала себе Маруся и тут же помрачнела, вспомнив о цели их путешествия. Что ждет ее в том загадочном месте, где жили ученые и, судя по всему, ее

мама, Ева Гумилева, «Мам-ефа», как произносил Уф? Почему ёхху настаивает, что она по своей воле ушла к каким-то страшным мясоглотам? Зачем? И как все это связано с папой?

«Пока понятно только одно: Бунин отправил меня в это дикое место не случайно», – Маруся рукавом стерла со лба пот.

Следом за Уфом девочка вышла на вершину сопки.

– Тама отдыхать, – показал на соседнюю сопку великан. – Огонь жечь, еда куфать. Уф...

Прикинув расстояние – всего и делов-то спуститься и подняться – Маруся кивнула и спросила:

– А оттуда далеко еще?

– Болото фпуптиимся – раф, – начал загибать толстые пальца ёхху. – Река ходить – дфа, каменный поле – три и белый гора – фетыре. Недалеко. Уф...

– Ну, раз недалеко, то веди, – сказала Маруся. Ей и в самом деле показалось в тот момент, что все трудности уже позади.

О том, насколько опрометчиво она поступила, расправившись с сапогами, девочка поняла буквально через полчаса. Спустившись по заросшему карандашными березками склону в ложбину, Маруся сперва не взяла в толк, почему тут так холодно. Солнце стояло высоко, но в глубоком овраге между двумя сопками царил полумрак. Где-то журчал ручеек. Угрюмые лиственницы высались повсюду, как колонны в храме, посвященном какому-то явно недоброму божеству.

А на самом дне оврага лежал снег.

Снег – летом, в августе!

И не маленький сугробчик, а целая полоса ноздреватого, припорощенного хвоей и древесным сором снега шириной метров двести. Снежный язык начинался где-то в глубине ложбины и уходил вниз, скрываясь за деревьями.

– Он что, с зимы тут лежит? – удивилась Маруся.

– Аха, – откликнулся Уф. – Фсегда. Прохладно. Хорофо. Нрафится.

– Ничего себе «хорофо»! Холод такой, что замерзнуть можно, – девочка поежилась. – Пошли быстрее!

Ступив на снег, Маруся нагнулась, зачерпнула горсть, слепила снежок и кинула в Уфа.

– Зачем? – недоуменно спросил великан.

– Весело же! – улыбнулась Маруся, но вскоре ей стало не до веселья: через несколько шагов снег набился в босоножкосандалии, а спустя полминуты растаял.

2

– Тфоя – глупый, – гудел Уф, поднимаясь на вершину сопки.

– Тфоя тайга ходить не уметь. Уф... Тфоя моя слуфать!

– «Твоя-моя»... заладил, будто ты мне... – Маруся хотела сказать «отец», но прикусила язык. После багровых букв, после того, как Бунин пытался заставить ее убить папу, она вдруг поняла, что уже не может вот так просто кидаться этим словом.

– Тфоя моя слуфать! – повторил ёхху. – Зачем сапог ломал? Тфоя болеть – как лечить? Уф...

Марусе очень хотелось поменять тему разговора, и она спросила о первом, что пришло в голову:

– Ты ушел от ученых двенадцать лет назад и ни разу туда не ходил с тех пор?

– Не-а.

– Как думаешь, они еще там?

– Не-а.

– Почему?

– Моя знать. Моя чуф-сфо-фать! Ученый дом закрыфать и уходить. Мам-ефа уходить. Фсе уходит.

– Зачем же мы тогда туда идем? – невольно вырвалось у Маруси.

– Моя хотеть курефо получать. Тфоя зачем... Моя не знать.

– Угу, – мстительно пробормотала Маруся. – Моя глупый патамушта.

– Фсе, отыхать! – объявил Уф. – Сидеть, огонь зафигать. Моя еда искать. Уф...

И, смешно подвигав челюстями, гигант совершенно бесшумно исчез между деревьями.

Оставшись одна, девочка огляделась. Сопка, на вершине которой она сидела, была, пожалуй, самой высокой в окружении. Убедиться в этом мешали густые заросли, закрывающие обзор. Но чуть в стороне, властно раздвинув ряды серых лиственниц, в небо поднимался гранитный утес, похожий на обломанный зуб. Марусе вдруг очень захотелось забраться на него и осмотреться.

– Я только на минуточку, – точно оправдываясь, сказала она, натягивая сырье полусапоги. – А потом сразу «огонь зафигать».

Подняться на утес оказалось непростым делом. Маруся сломала ноготь, едва не сорвалась с почти отвесной стены, но любопытство оказалось сильнее страха. Выбравшись на голый, как коленка, каменный лоб утеса, девочка отдохнула, выпрямилась и завертела головой.

Перед ней открылся такой простор, что дух захватило от восторга! Над головой распахнулось бездонное небо, по которому плыли длинные размазанные облака, напоминающие растрепанные кошачьи хвосты.

У ног качались верхушки лиственниц. Темнели овраги, пряча в своих глубинах – Маруся теперь знала наверняка – прошлогодние снега. Ряды сопок уходили к горизонту, а там выселились самые настоящие горы, чьи ледяные вершины укутывала синяя дымка.

Сопки напоминали горбатые спины каких-то бесконечно древних, могучих животных. Марусе сразу вспомнился мамонт Митрич из Зеленого города. Она сейчас как будто смо-

трела на целое стадо гигантских мамонтов, чьи спины, поросшие жесткой таежной шерстью из уже местами желтеющих лиственниц, навеки застыли здесь, обернувшись сопками. Это было жутко и красиво – стоять на утесе и видеть то, что, возможно, не видел ни один человек в мире.

Налюбовавшись сопками-мамонтами, Маруся перевела взгляд правее. Там расстилалась широкая долина, густо заполненная серо-зелеными березами, сквозь которые поблескивала серебром лента реки. Долина широким полукругом охватывала сопки, уходя куда-то назад, туда, откуда пришли девочка и ёхху.

А прямо впереди, в нескольких километрах, из-за мамонтовых спин поднимались странные скалы – белые, угловатые, напоминающие развалины старинного замка. Маруся понапачалу решила, что это и в самом деле руины какого-то здания, но, приглядевшись, поняла: нет, человек тут ни при чем, удивительные скалы созданы природой.

«Наверное, это и есть Белая гора. Жаль, мамины базы отсюда не видно».

– Крап-крап-крап! – донеслось с неба. Там парил, раскинув широкие крылья, ворон. Маруся нахмурилась. Она почему-то сразу невзлюбила эту черную птицу с тревожным голосом.

Налетел холодный ветер, тайга зашумела. «Здесь никто не живет, – подумала девочка. – И не жил никогда. Эти сопки тянутся на много-много километров. А за ними новые сопки, а там еще и еще. Можно идти день, два, неделю, месяц – и все тайга, тайга, тайга...»

Откровенно говоря, географию Маруся знала плохо. Да, собственно, и другие предметы школьной программы тоже. Ну неинтересно ей было возиться со всеми этими падежами, логарифмами, грамм-молями, джоулями, куликовскими битвами и вулканами с полуостровами! Есть в жизни вещи куда более интересные. И вот теперь Маруся впервые пожалела, что

относилась к географии как к нудной и скучной науке.

– Я даже не могу представить, где нахожусь, – прошептала она и попыталась вспомнить, как выглядит карта России. В голове возникла какая-то буро-зеленая шкура с рваными краями. Маруся достаточно четко помнила, где расположена Москва и десяток окрестных городов – Владимир, Тверь, Смоленск, Тула, Рязань. Знала еще Сочи, Нижний Новгород – рядом с ним находился Зеленый город – и Челябинск, потому что ездила туда с папой на открытие какой-то выставки. Все, на этом ее познания в отечественной географии заканчивались. Остальная страна лежала перед Марусей, точно в компьютерной стратегии – покрытая непроницаемой пеленой. Наверное, то есть наверняка, там были еще города и поселки, жили люди, шла какая-то жизнь, но Марусе никогда не было дела до этих неохватных просторов. Она жила в Москве. И в тех городах, куда можно было долететь на самолете или добраться на машине.

Все.

А вот теперь под этой пеленой оказалась и она сама...

«Я знаю, где Лондон. Где Париж. Нью-Йорк. Шанхай, – с горечью призналась себе Маруся. – Но понятия не имею, какие города есть в Сибири».

Маруся опустилась на нагретый солнцем камень, обняла руками коленки, уткнулась в них головой. Она впервые в жизни задумалась о том, что, наверное, живет как-то не так. Но раздумывать долго Маруся не умела. Очень скоро она решила, что во всем виноваты те, кто втравил ее в эти интриги с предметами. «Сволочи! Бунин, Нестор – все сволочи! Если бы не они – сидела бы я сейчас дома, болтала с Марикой, лопала пиццу или готовилась к очередному свиданию. И никаких проблем!»

– Маруся! – долетел до нее приглушенный голос Уфа. Девочка подняла голову, огляделась. Ёхх она увидела присевшим у

подножия скалы. Гигант выглядел встревоженным.

– Что случилось? – крикнула Маруся.

– Тф-ф-ф! – Уф приложил палец к губам. – Мясоглоты! Ходи сюда!

3

Спускаться со скалы оказалось еще труднее, чем подниматься. Маруся ободрала руки, больно ударились локтем и отбила пятки, спрыгивая с каменного карниза. Хорошо еще – Уф поймал ее, смягчив удар.

– Тфоя зачем там фтоять? – зашипел ёхху, едва Маруся оказалась внизу. – Мясоглоты охотничают. Не хорофо.

– Они что, рядом?

Уф оскалился. Маруся невольно отшатнулась. Она впервые увидела зубы ёхху. Большие желтые резцы, длинные клыки.

«Ничего себе вегетарианец!»

– Мясоглоты лося гонять. Там, там, – взволнованно объяснил Уф. – Моя, тфоя болото ходить надо. Быфтро!

– А мы не утонем? – надевая рюкзак, спросила Маруся.

– Ёхху болото не тонет, – с гордостью ответил Уф. – Надо тихо ходить. Тфоя понимать?

– Еще как, – кивнула девочка, и тут же у нее под ногой громко треснула сухая ветка. Гигант сокрущенно вздохнул и мотнул головой на свой короб. – Тфоя залезать. Моя нести. Тогда тихо. Уф...

Гигант и вправду двигался по тайге совершенно бесшумно. Маруся, скорчившись в коробе, видела только качающиеся над головой лиственницы и ворона, по-прежнему парившего в небе. Было жарко. Пахло сухой нагретой травой, несколько охапок которой лежало на дне короба. Здесь же находился немудреный скарб Уфа: очень старая, вытертая овчина, моток веревки, узелки с какими-то травами, берестяной туесок, пол-

ный соли, бинокль и тот самый пистолет, из которого Маруся чуть не застрелила ёхху.

От монотонных движений девочку вскоре начало укачивать. «Я сейчас усну», – поняла она. Тут в кармане комбинезона коротко тренькнул коммуникатор – раз, другой, третий...

Сообщение!

– Тфоя тихо! – Уф тряхнул короб. – Молчи!

– Молчу, молчу, – шепотом ответила Маруся, лихорадочно нажимая на кнопки. На вызов коммуникатор по-прежнему не работал.

В папке «входящие» обнаружился довольно тяжелый видеофайл, присланный неизвестным абонентом. Это послание не походило на обычный спам: в строке «адресат» значились ее фамилия, имя и отчество. Маруся встревожилась не на шутку. Весь ее жизненный опыт подсказывал: когда тебя в неполные пятнадцать лет называют полным именем, ничем хорошим это не кончится.

Так оно и получилось.

Когда файл загрузился, девочка вытянула из гнезда на торце коммуникатора крохотный наушник-пуговку, отключила встроенный динамик и запустила послание. На экранчике возникло лицо пожилого, очень усталого мужчины с испуганными глазами. Морщины, короткий ежик седых волос, шрам на щеке...

– Здравствуй, Маруся, – резиново улыбнулся он одними губами. – Не старайся – ты вряд ли меня вспомнишь. А между тем, девочка моя, мы знакомы. Даже более того: когда ты была совсем маленькой, я часто играл с тобой и ты очень любила сидеть у меня на коленях. Меня зовут Арсений Павлович Ковалев. Ну, теперь ты вспомнила?

– Н-нет, – не очень уверенно прошептала Маруся. Что-то крутилось у нее в памяти, что-то такое... знакомое и не совсем знакомое одновременно.

– Если нет – не беда, – нарочито бодрым голосом продолжил говорить человек на экране. – Я сам напомню тебе: я твой крестный.

«Точно! – едва не вскрикнула Маруся. – Дядя Сеня!»

Но за узнаванием тут же пришло недоверие: «Что с ним стало? Он же был такой большой, бородатый, толстый, веселый...»

– Когда тебе было всего четыре года, – снова зазвучал в наушнике голос Ковалева, – мы с твоим отцом и тобой отправились в Арктическую экспедицию. Это был хорошо распиаренный, шумный проект, хотя основные результаты наших изысканий засекречены...

Вот после этих слов Маруся по-настоящему вспомнила – точно окунулась в то время. Она даже остановила ролик и закрыла глаза.

Сквозь туман прошедших лет простили лица отца и дяди Сени.

...Они беседовали в гостиной Гумилевых, попивая ароматный капучино, а маленькая Маруся на пушистом ковре возле дивана возилась с рыжим котенком. Маруся почти дословно вспомнила, о чем говорили отец и крестный.

– Все-таки ты сумасброд, Андрюша, – смеялся дядя Сеня. – Выкинуть такие крутые бабки – и на что? На ветер, на холодный арктический ветер.

– Да нет, Арсений, – сухо ответил тогда отец. – Ты просто не в состоянии оценить перспективы, которые открываются при благоприятном исходе экспедиции.

– Да в состоянии я, в состоянии! – все так же смеясь, махнул рукой дядя Сеня. – Но подумай сам: вероятность этого самого благоприятного исхода катастрофически мала. А риск потерять почти двенадцать миллионов – вот он как раз вполне реален.

– Можешь оставаться, – набычился отец. – Мне маловеры и пессимисты не нужны.

– Ну уж нет, – враз посерезнел Ковалев. – Я поеду. Мы же друзья. Я не отпущу тебя одного.

Отец поставил опустевшую чашку на столик, поднялся.

– Ну, а раз так, то нечего нагонять тоску своими пророчествами. Готовься.

– Есть, шеф! – шутливо подскочил и откозырял дядя Сеня. Он тоже избавился от чашки, схватил Марусю, подбросил к потолку. – Муська-мумуська! Что тебе больше всего хочется увидеть в Арктике?

– Белого медведика! Умку! – сквозь смех крикнула тогда Маруся.

С тех пор она практически больше не видела Ковалева. Во время путешествия и он, и отец все время пропадали то на капитанском мостице, то в трюмах, то где-то еще, занимаясь разными экспедиционными делами, а Маруся все время проводила с няней.

И вот теперь дядя Сеня появился на экране носовского коммуникатора. Седой, со шрамом и испуганными глазами.

«Что все это значит?» – с тоской вздохнула Маруся и сняла ролик с паузы.

– ...Но воспользоваться сенсационными результатами мне было не суждено, – продолжил говорить дядя Сеня. – Так получилось, девочка моя, что во время нашей экспедиции на ледоколе «Россия», а точнее, потом, на станции, произошло несколько необъяснимых и трагических случаев. Погибли люди. Было инициировано расследование. Мне тяжело об этом говорить, но...

Ковалев на секунду умолк, судорожно сглотнул и тихо закончил:

– ...Но главным виновником признали меня. А главным свидетелем обвинения стал мой компаньон и твой отец – Андрей Гумилев. Он оболгал меня, Маруся. Оболгал цинично, выгораживая себя. Суд... в общем, меня приговорили к двадцати

семи годам заключения без права на досрочное освобождение. Карьера, жизнь – все оказалось сломано, уничтожено. Нет больше Арсения Ковалева и никогда уже не будет. Есть заключенный номер 147329, да и тот скоро отправится в мир иной. Да, Мусенька, увы, я очень болен и скоро умру.

Перед смертью я постарался найти возможность рассказать тебе правду о событиях одиннадцатилетней давности. Это обращение я записываю тайно, в колонии строго режима. Она находится за Полярным кругом.

Я не призываю тебя делать поспешных выводов. По-своему твой отец прав. У него есть дело, которому он служит. Но подумай на досуге: можно ли, гуманно ли ради каких бы то ни было высоких целей калечить и уничтожать живых людей? И поинтересуйся, если будет время и желание, чей это лозунг: «Цель оправдывает средства», хорошо? А теперь прощай, девочка моя. Белого медведика Умку я тебе подарить, увы, уже никогда не смогу. Мы больше не увидимся...

Файл закончился, экран подернулся рябью «белого шума». Маруся выпустила из рук коммуникатор и заплакала...

4

Когда ёхху остановился и опустил короб на землю, Маруся уже успокоилась и даже почти взяла себя в руки. Поначалу, после исповеди дяди Сени, у нее появилось острое желание что-нибудь сломать, разбить, разрушить.

И чтобы вдребезги, в клочья, в брызги!

Она отказывалась верить в то, о чем ей поведал пропавший много лет назад крестный. Но в то же время чувствовала: это не розыгрыш, не чья-то дурацкая шутка.

Такими вещами не шутят!

Но, с другой стороны, разве папа не предупредил ее, оставив надпись на плакате?

И тут сомнения налетели на Марусю, как осенний ветер на пожелтевшее дерево. Листья здравого смысла понеслись прочь, а из-под них отчетливо простили ветви новой реальности.

«Если надпись сделал папа, значит, он был уверен, что я окажусь в избушке Уфа. А если был уверен, почему же он не прислал за мной вертолет? Почему вообще допустил, чтобы Бунин... Стоп-стоп-стоп! То есть папа ВСЕ ЗНАЕТ?!»

Оглушенная этой мыслью, Маруся несколько минут провела в ступоре. Она никак не могла свести концы с концами. Отец всегда представлялся девочке такой бетонной стеной, башней, крепостью, высящейся за ней и готовой защитить, укрыть от любой беды. И вот теперь...

«Не-ет. Не может этого быть, – Маруся потерла виски ладонями. – Думай, думай... Хотя что тут думать, и так ясно – тут просто все подстроено. И надпись, и это послание. Бунин пытается убедить меня, что папа плохой. Это его люди скопировали подпись, нашли актера, смонтировали файл с дядей Сеней. Нос, небось, и монтировал, а Алиса стояла рядом и ржала как лошадь. И Илья... Я сама виновата – они считают меня тупицей. А вот нет! Марусю Гумилеву просто так не купишь! Надо поскорее выбираться отсюда. Хоть бы на базе ученых были люди...»

С этими мыслями она высунулась из короба и огляделась. Небо затянули сплошные серые облака. Вокруг расстилалась равнина, покрытая высокой пожухлой травой и камышами. Кое-где блестели ржавые лужицы. Уф топтался поодаль, задрав голову и шумно принюхиваясь.

– Мясоглотоф нету, – прогудел ёхху. – Уфли. Будем отдыхать. Белый гора близко. Скоро дойдем. Уф...

– Вот и хорошо, – обрадовалась Маруся.

– Тфоя фетки собирай, – распорядился Уф. – Моя огонь зажигать. Еда фарить. Тфоя горячий фода пить. Хорофо. Нрафится?

– Нрафится, – улыбнулась девочка и пошла к ивовым зарослям – если в окрестностях и имелись пригодные для костра ветки, то только там.

Она забрела в трескучую чашу, выискивая сучья потолще, пошарила взглядом по усыпанной узкими листочками земле, подняла глаза и отчаянно закричала: прямо перед ее носом с корявого ствола вековой ивы скалил зубы позеленевший человеческий череп...

ЭПИЗОД 4

Белая гора

1

Испугавшись собственного крика едва ли не больше жуткого черепа, насаженного на сук, Маруся попятилась. Ее замутило от ужаса. Горло сдавило, стало нечем дышать.

Паническая атака!

– Сто, девяносто девять, девяносто восемь...

Уф бесшумно появился рядом, неодобрительно ворча что-то себе под нос. Гигант передвигался как привидение – ни одна ветка не шелохнулась. Маруся в отчаянии уткнулась лицом в рыжую шерсть, закрыла глаза.

– Тфоя плохо, – прогудел ёхху. – Тфоя бояться. Не хорофо...

– Девяносто семь, девяносто шесть, – продолжала шептать Маруся.

Проклятый череп!

Огромная ладонь Уфа опустилась на голову девочки.

– Тфоя не думать. Уф... Тфоя видеть птифка. У-у-у-у... У-у-у-у...

Уф то ли запел, то ли загудел в нос, очень тихо, но в то же время мощно. Маруся нашла в себе силы сквозь накатывающие волны одури удивиться словам ёхху: «Легко сказать – не думай... И причем тут птичка?»

Ладонь гиганта была теплой, даже горячей. Потом он взял Марусю на руки, как маленькую, продолжая напевать:

– У-у-у-у, у-у-у-у...

– Девяносто пять, девяносто четыре...

Птичку она увидела как бы против своей воли. Просто пе-

ред внутренним взором появилась какая-то крылатая кроха, смешно потрясла хвостиком и принялась летать туда-сюда, выписывая в воздухе кренделя. Маруся так увлеклась этим высшим птичьим пилотажем, что забыла про счет.

И про панику.

Ей стало тепло и уютно на руках у гудящего ёхху. Уф словно включил внутри себя сабвуфер – у-у-у, у-у-у, у-у-у-у...

Птичка кувыркнулась через крыло и пропала. Гудение смолкло. Маруся открыла глаза.

– Тфоя хорофо? – с тревогой спросил Уф, заглядывая девочке в глаза.

– Очень хорошо. Поставь меня на землю, пожалуйста, – тряхнула челкой Маруся и спохватилась: – Так ты умеешь останавливать панические атаки? Да тебе цены нет!

– Моя знать: когда плохо, надо смотреть птифка, – развел руками гигант. – И петь. Вот так: у-у-у, у-у-у-у...

– О, это была песня, – рассмеялась Маруся, а про себя подумала: «Ничего себе! Этот чебурашка может загонять адреналин обратно. Не зря, ох, не зря его мама изучала! Интересно, что бы сказал папа, если бы я привезла Уфа в Москву? Правда, наверное, у меня его сразу отберут – академики всяких наук и журналисты налетят, как мухи на... повидло».

Она наткнулась взглядом на череп и помрачнела.

– Кто это?

– Просто мертвый голофа. Мясоглоты стафить. Граница. Уф...

– Знаешь что... Пошли-ка поскорей отсюда. Что-то мне расхотелось здесь «куфать еда», – решительно сказала Маруся. – Где там наша Белая гора? В той стороне?..

...Они шли по самому краю неоглядного болота. Топи, озера, редкие корявые лиственницы, похожие на черные могильные кресты – более унылый пейзаж трудно себе вообразить.

Передвигаться по болоту оказалось в чем-то даже забавно.

Чтобы не свалиться в воду, приходилось прыгать с кочки на кочку. Кочки щетинились травой, как дикобразы – иглами, и норовили вывернуться из-под ног. Маруся пару раз едва не упала, но потом приноровилась и заскакала не хуже Уфа. Однако усталость брала свое – с каждым шагом ей становилось все труднее и труднее сохранять равновесие.

В довершение всех бед испортилась погода. Налетел сильный ветер, зашумел камышами, а из-за гор вылезла огромная туча – жирная небесная тварь с вороненым брюхом. Стало смеркаться. Примолкли птицы, отключили свои трещотки кузнечики. В отдалении глухо прозвучал гром.

– Гроза будет! – крикнула Маруся прыгающему впереди ёхху.

– Не-а, – уверенно покачал головой гигант, не оборачиваясь.
– Грофа туда ходить. Уф... Там капать, – и он указал на сопки, с которых они спустились час назад.

Это заявление несколько приободрило девочку, но настроения не улучшило. Давал о себе знать переход через сопки, а в голове занозой сидели слова Ковалева: «...главным свидетелем обвинения стал мой компаньон и твой отец – Андрей Гумилев. Он оболгал меня, Маруся. Оболгал цинично, выгораживая себя».

И вроде все понятно – это подлог, вранье, такого просто не может быть, но неприятный осадок в душе остался и теперь серьезно мешал жить.

Девочка украдкой взглянула на коммуникатор. Он все так же отказывался работать на вызов, а вот цифры в окошке таймера поменялись. До таинственного часа «Х» осталось пятьдесят шесть часов.

Кочки под ногами пропали, сменившись более-менее твердой землей. Болото кончилось. Впереди появились березы. Вообще-то березы всегда нравились Марусе – необычное дерево, светлое, доброе...

Но сейчас белые стволы показались девочке похожими на обглоданные кости, на скелеты каких-то чудовищ. Будто бы неведомые жуткие существа целой стаей выбрали из реки и мгновенно погибли, застигнутые врасплох. И вот стоят теперь, качают ветками-лапами, роняют желтые листья-чешуйки, жуткие в своей посмертной белизне...

— Белый гора софсем мало ходить. Скоро, — подбодрил Марусю Уф, остановившись на опушке березняка. — Тфоя стараться. Уф... Моя помогать. Тфоя садиться?

И он тряхнул своим коробом.

— Моя пефком ходить, — со злостью в голосе пробормотала Маруся. В этот момент туча закрыла клонившееся к закату солнце. Сразу стало очень темно и холодно. Откуда-то донесся заунывный, леденящий кровь вой.

— Волки?! — вскрикнула девочка, бросаясь к ёхху. Она никогда в жизни не видела этих хищников, и оттого волки казались Марусе настоящими исчадиями ада, злобными оборотнями, свирепыми и безжалостными.

— Не-а, — широко улыбнулся Уф. — Фолка на тайга нет. Уф... Это фетер...

2

То ли этот самый сильный встречный ветер не дал Уфу учуть мясоглотов, то ли те вели себя слишком осторожно, но только Маруся и ёхху едва не столкнулись с целой охотничьей стаей, пробирающейся через пойменный лес.

В самый последний момент гигант успел свалить Марусю в траву и зажать ей рот широкой, похожей на лопату ладонью. Она сперва ничего не поняла, попыталась вырваться, но вскоре сообразила, что это бесполезно: Уф обладал железной хваткой.

— Тфоя софсем тихо лежать... — одними губами прошептал он в Марусино ухо и пояснил: — Мясоглоты... Уф...

Маруся зажмурилась.

Когда же все это закончится?!

Пошел мелкий холодный дождь. Гроза ворочалась где-то в небесах, медленно уползая прочь. Лежать девочке было не очень удобно: живот колола случайно подвернувшаяся ветка, локоть угодил в семейку перезрелых грибов, размазавшихся по траве вонючей коричневой жижей. Но ужас перед неведомыми мясоглотами пересилил желание устроиться комфортнее – Маруся точно превратилась в камень, даже дышать стараясь через раз.

Охотники появились между деревьями и прошли совсем рядом с затаившимися ёхху и девочкой. Сквозь ажурное плетение ветвей Маруся увидела быстро двигающиеся темные силуэты. Она насчитала семерых мясоглотов. Все они имели при себе вместо оружия толстые палки или дубины. У двоих за плечами торчали кривулины луков.

«Да это же дикиари, – удивилась Маруся. – Куда я попала? Сначала снежный человек, теперь вот папуасы какие-то... Хочу в Москву! Вот прямо сейчас. Довольно с меня глупостей и подвигов».

– Ой!

Маруся, слишком увлекшись размышлениями о себе, забылась, повернула голову в ту сторону, где лежал Уф, и испуганно вскрикнула: ёхху исчез!

А когда прямо из мешанины трав и опавших листьев на нее с упреком взглянули знакомые желтые глаза с вертикальным зрачком, испугалась еще больше. Испугалась, потому что рыжий великан и не думал никуда исчезать! Он все так же лежал рядом, просто его рыжая шерсть взяла и поменяла цвет, полностью слившись с окружающими растениями.

«Ну и ну! Прямо как хамелеон. Так вот почему люди до сих пор не могут поймать ни одного снежного человека».

Услышав короткий вскрик Маруси, мясоглоты остановились

и начали озираться. До девочки долетели обрывки фраз:

- Ша, паца! Секи по углам!
- Чё, кипеш? В натуре?
- Не, зыри нагнуло. Ништяк.
- Так не базлай без темы!

Все это густо перемежалось отборной руганью. Не сказать, чтобы Маруся была пай-девочкой; она, бывало, и сама могла сгоряча отпустить такое словечко, что потом приходилось краснеть, оправдываться и извиняться, но сейчас матерная брань мясоглотов ее озадачила и удивила одновременно.

«Они – люди? Нормальные люди… Хотя нет, скорее ненормальные. Нормальные люди так не говорят и с дубинами по тайге не бродят. Не зря же большой, сильный, добрый Уф их опасается».

Тем временем мясоглоты, не переставая оглядываться, вышли из зарослей на более-менее открытое место, и Маруся смогла рассмотреть их во всех подробностях.

Все-таки это были дикари.

Спутанные длинные волосы. Бороды до пупа. Вместо одежды – грязное тряпье и шкуры. Голые руки покрыты синими татуировками, лица разрисованы красной, белой и черной краской. У каждого мясоглота за спиной имелся мешок, на поясе – нож, в руках – дубина или копье.

Жутъ!

Увлекшись наблюдением за охотниками, Маруся приподняла голову, неосторожно задев ветку. Раздался еле слышный на фоне шороха дождевых капель треск, но мясоглотам этого хватило.

– Атас! На скачок! На скачок! – завопили они и бросились к тому месту, где прятались Маруся и Уф.

– Маруфя, тфоя быстро бегать! – рявкнул ёхху, поднимаясь из травы во весь свой огромный рост.

– А ты?

– Моя быть тут, – не очень понятно ответил гигант и устремился навстречу мясоглотам.

3

Самой схватки Уфа и дикарей Маруся не видела. И пусть тот, кто нашел бы в себе силы не убежать в подобной ситуации, назовет ее трусихой – она не против.

Трусиха есть.

С другой стороны, уже на бегу к девочке пришло понимание: одному ёхху будет проще. Ему не придется защищать Марусю, бояться, что с ней что-то случится.

Без оглядки устремившись в чащу, Маруся вскоре остановилась. Теперь громкие крики, какой-то треск, рев Уфа – видимо, битва там шла нешуточная – еле-еле долетали до нее. Можно было перевести дух и немного отдохнуть.

Усевшись под мокрой березой, Маруся затаилась, тревожно прислушиваясь. Ей и думать не хотелось, что поблизости могут оказаться другие мясоглоты. Свирепый нрав дикарей, их жуткие раскрашенные морды и уголовный сленг говорили сами за себя. Яснее ясного: если Марусю схватят, ничем хорошим это для нее не кончится.

Уф появился спустя несколько минут. Ему здорово досталось. Гигант приволакивал ногу и пошатывался.

– Ты их победил?

– Моя драться. Уф... – ёхху свалил на траву охапку трофеиных дубин, тяжело оперся рукой о березу. – Мясоглоты драться. Сильно бить. Уф... Моя стоять, тоже бить. Мясоглоты лежать. Фсе. Уф...

– Молодец! – обрадовалась Маруся.

Уф покачнулся и со стоном сел.

– Бедный, тебя ранили. Куда? В голову?

– Уф...

Голова гиганта и вправду пострадала: на добродушном волосатом лице виднелась кровь, борода слиплась и висела бурыми сосульками. Но хуже всего оказалась рана на правой руке. Маруся только глянула на страшную дыру с рваными краями, из которой толчками била темная, почти черная кровь, и у нее закружилась голова.

– Маруфя не смотреть, – прогудел ёхху. – Моя лечить. Уф...

Он сунулся в короб, вытащил узелок, зубами развязал его и принялся посыпать рану какими-то беловатыми хлопьями. Потом попытался забинтовать руку, но у него ничего не вышло.

«Помоги, – сказала себе Маруся. – Помоги ему. Без Уфа ты здесь не выживешь».

Пересилив себя, девочка подошла к страдальчески сморщившемуся гиганту, взяла тряпицу и неумело перевязала рану.

– Потерпи, бедненький, потерпи...

Сквозь слои материи тут же простило кровавое пятно.

– Она не останавливается! – в отчаянии топнула ногой Маруся. – Что же делать?

– Уф... – отозвался ёхху. – Моя не хорофо. Не нрафится...

«Ящерка! – обожгло Марусю. – Она вылечила меня после взрыва, когда арматурина проткнула тело насеквоздь. Вдруг и Уфу поможет?»

После секундного колебания девочка сунула руку в карман и протянула ёхху серебристую фигурку.

– На, возьми.

– Тфоя дафать? Пофему? – не понял Уф.

– Просто возьми и сожми в кулаке, – терпеливо объяснила Маруся. – Вот так. И держи.

Гигант бережно принял ящерку, и послушно спрятал в ладони.

– Ну, что чувствуешь?

– Моя не знать... Моя холодно. Уф... Офень холодно!

– Холодно – это хорошо! – повеселела Маруся. – Значит, помогает. Держи, держи, не выпускай.

– Уф... – ёхху повернул косматую голову, недоверчиво посмотрел на раненую руку. – Фефелится... Уф...

– Что шевелится? – не поняла девочка.

– Тама. Фекотно. Уф...

– Подожди-ка, – Маруся осторожно сняла повязку.

Крови не было!

На месте страшной дыры теперь темнел звездообразный шрам, но и он на глазах подсыхал, уменьшался в размерах, делясь все незаметнее и незаметнее.

Ящерка работает!

– Ну, вот и все! – торжествующе объявила Маруся.

Уф недоверчиво поковырял пальцем в том месте, где еще минуту назад была рана, и с изумлением посмотрел на девочку.

– Маруфя! Тфоя хороший! Как Мам-ефа.

– Конечно, – почти кокетливо улыбнулась Маруся. – Мы же родственницы...

Покончив с лечением, они спешно покинули березняк. Перед уходом Уф вытащил из груды дубин небольшой ржавый топорик и кинул его в короб. Ёхху не был уверен, что в окрестностях нет других шаек мясоглотов. Он немало удивил Марусю, выдав с многозначительным видом:

– Берефеного и бох берефет!

– Это тебя мама моя научила?

– Не-а. Так гофорить Наумыф, – торжественным голосом объяснил ёхху.

– Что еще за Наумыф?

– Глафный челофека под гора.

«Скорее всего, начальник экспедиции, – решила Маруся. – На всякий случай надо запомнить...»

Прежде чем идти на базу, путники сделали крюк к реке: Уф

хотел пить, да и Маруся чувствовала жажду. Кроме того, девочке очень нужно было умыться – лицо просто зудело от грязи.

Осторожно, постоянно оглядываясь и прислушиваясь, они выбрались на берег и спустились к быстро несущейся воде. Река тут делала петлю и течение подмывало корни деревьев, образуя небольшие заводи. Умывшись и вволю напившись ледяной, ломящей зубы воды, Маруся из любопытства перелезла через свисающие корни и заглянула в такую заводь.

Сперва она не поняла, что там краснеет. Но, приглядевшись, тут же отвернулась, безуспешно стараясь подавить рвотные спазмы.

В воде, привязанное веревкой за ногу, плывало обезглавленное человеческое тело с содранной кожей...

4

– Медфеть без шкура как челофека, – объяснял Уф дрожащей Марусе. Он шел рядом, держа девочку за руку, а у той перед глазами все стояла жуткая картина, какую нечасто увидишь даже в выпусках криминальных новостей.

Хорошо, что это оказалось не человеческое тело, а медвежья туша, но очередной приступ ужаса не прошел для Маруси бесследно. Она еле передвигала ноги, готовая в любой момент броситься бежать. Тайга вокруг казалась ей полной смертельных опасностей, от которых нет спасения. Дикий, чужой, страшный мир...

– Мясоглоты медфетя убифать. Жалко! Уф... – сокрущенно гудел над ухом ёхху. – Шкура драть. Мясо фода кидать, потом куфать. Уф... Медфеть глупый. Моя дафно медфеть знать. Жалко!

Уже практически совсем стемнело, когда они добрались до подножья белых скал, похожих на развалины старинного замка. Маруся обратила внимание, что лиственницы здесь росли

совсем не такие, как на сопках. Это были настоящие древесные исполины со стволами в три обхвата, высоченные, раскидистые. Исчез пушистый мох, под ногами зашуршали мелкие камешки; стали попадаться осыпи, угловатые глыбы камня то и дело преграждали путникам дорогу, и их приходилось обходить, продираясь через густые заросли шиповника.

Между двумя напоминающими башни скалами Уф остановился, вытянул руку.

– Фот дом под гора!

– Где? – Маруся достала фонарик, пошарила лучом по камням. – Тут же ничего нет, камни одни.

– Дферъ. Запасной фыход. Уф... Туда смотреть, физ.

Маруся пригляделась, подсвечивая себе фонариком. В не-приметной ложбинке и вправду обнаружилась дверь, железная, крашенная серой мостовой краской овальная дверь, совершенно незаметная среди камней. Краска кое-где облупилась, у высокого порога, пронзив слежавшуюся хвою, торчали молодые деревца. Между их тоненькими ветками серебрилась паутина.

– Ура! – девочка готова была расцеловать ёхху. – Дошли!

Она подбежала ко входу в подземную базу, уперлась ладонями в холодный металл.

– Уф, а как ее открыть?

– Моя не знать, – пожал плечами гигант. – Моя думать, тфоя знать. Уф...

– Ну вот, приехали... – расстроилась Маруся и снова оглядела дверь. – Ага, тут ящик железный и замок висит. Будем ломать!

Ёхху спустился в ложбину, осмотрел замок, вытащил из короба мясоглотский топорик, взмахнул им...

Бах!

Сбитый замок полетел на землю. Маруся открыла крышку ящика и увидела панель кодового замка.

– Ой! Ну вот...

– Дферь толстый, – предупредил Уф, отходя в сторону. – Моя не ломать.

– Ничего, – преувеличенно бодро заверила его Маруся. – Сейчас чего-нибудь придумаем...

Но сама девочка теперь вовсе не была уверена, что ей удастся подобрать нужные цифры.

Всего замок имел одиннадцать кнопок – десять круглых с символами цифр от 0 до 9 и овальную клавишу «ввод». Маруся наудачу пробежалась пальцами по кнопкам, нажав их все по очереди. Такой бесхитростный прием, бывало, срабатывал в подъездных домофонах.

– Та-ти-та-ту-ти-та-ту-та-та-ту, – мелодичным писком отозвалась дверь, но, когда указательный палец девочки утопил «ввод», ничего не произошло.

– Не удалось, – хмыкнула Маруся. – Ладно, будем тыкать наудачу.

Но в этот вечер удача, похоже, отвернулась от Маруси Гумилевой.

Она набирала различные комбинации цифр – через одну, в прямой и обратной последовательности, по две, по три, даже попыталась нажать все кнопки одновременно – с нулевым результатом.

Попинав со злости дверь – та даже не шелохнулась, – Маруся решила действовать по-другому. Настрого запретив топтавшемуся рядом Уфу шевелиться, она стала вслушиваться в писк кнопок, пытаясь уловить, какая из них срабатывает на открывание.

Это не помогло.

В конце концов, не получив никакого результата, Маруся взбесилась. Отскочив от двери на несколько шагов, она нашарила в темноте каменный обломок и со всей силы запустила им в дверь.

– Откройся!!!

Бух!

Камень раскололся на части. Дверь не то чтобы не открылась – она даже не загудела, как положено металлическим дверям.

– Дферь толстый!

– Сама знаю!

Дождик кончился, ветер разогнал облака. Из тайги незаметно выполз туман, и вскоре все вокруг скрыла молочно-белая мгла. Сразу сделалось промозгло и сырое. Маруся расхаживала возле двери, время от времени набирая какие-нибудь цифры, но – безрезультатно. В голову лезли идеи одна безумнее другой.

«Наверняка это какая-нибудь историческая дата», – рассуждала Маруся. Но ни одной даты она не помнила. Зато помнила свой идентификационный код!

Бормоча:

– Ну-ка, ну-ка...

Она набрала на панельке знакомые с детства цифры: 977 32 185.

– Ну и?!

Безрезультатно.

– Все-таки я невезучая! – поздравила себя с очередным провалом Маруся.

Уф сидел поодаль и молчал, только желтые глаза ёхху посверкивали сквозь сизую дымку.

– Мне холодно. И есть хочется! – пожаловалась ему девочка.

– Дафай огонь делать, – гигант поднялся. – Моя фетка нести.

Уф...

Костер Уф готовил очень тщательно. Из своего короба ёхху достал обрывок бересты, ногтями раздергал ее на тоненькие полоски, уложил их горкой на плоском камне. Сверху на бересту легли сухая трава и тоненькие веточки, а над ними шалашиком встали ветки побольше. Из крупных

сучьев Уф выложил некое подобие стен, огородивших всю конструкцию.

– Ну, ты прямо как аутист, – с восхищением сказала Маруся, светя фонариком на странное сооружение. – Из спичек Эйфелеву башню собирать не пробовал?

К ее немалому удивлению, Уф довольно оскалился:

– Аха. Мам-ефа так и гофорить: ёхху фсе аутист. Уф... Хорофо. Нрафится!

Опустившись на колени, Уф сунул подаренную Марусей зажигалку поближе к кучке бересты, с опаской нажал на кнопку. Столбик огня мгновенно зажег узкие полоски березовой коры. Языки пламени с треском побежали по веткам. Они начали корчиться, менять цвет, превращаясь в пепел, но огонь было уже не остановить. Он как-то сразу, вдруг, вырос и, охватив сложенный из веток шалашик, загудел, выбрасывая в темноту оранжевые языки.

Стало светлее, ощутимо повеяло теплом. Маруся придвинулась поближе. Она наблюдала за разгорающимся костром, как за настоящим чудом. Вскоре сложенные вокруг толстые ветки просохли и Уф ногой подпихивал их в центр, где горели багровые угли. Теперь сидеть у огня стало даже жарко.

Случайно посветив фонариком в сторону, Маруся вскрикнула:

– Кто это? Белка?

– Бурундук, – прогудел Уф. – Тфоя не боятся.

– Я и не боюсь, – разглядывая сидящего на камне смешного зверька с полосками на спине, ответила Маруся.

Бурундук никуда не убегал – электрический свет точно парализовал его. Вдруг в воздухе пронеслось что-то темное, упругая волна воздуха ударила девочку в лицо, мелькнули птичьи лапы с острыми когтями – и бурундук исчез, точно его и не было.

– Что это было? – подбежав к ёхху, спросила Маруся.

– Софа. Куфать бурундук. Ам-ам.

– У вас тут все друг друга ам-ам!

– Закон природа! – важно объяснил Уф. – Так гофорить Мам-ефа.

– А ты помнишь? Двенадцать же лет прошло...

– Мам-ефа гофорить – ёхху хорохо память. Ёхху помнить фсе! Фсегда! – гордо ответил гигант.

– Ну так вспомни, какой код у замка, – Маруся навела луч фонарика на дверь, отметив про себя, что его свет стал тусклее.

– Моя не знать. Уф... Дферъ Мам-ефа закрыфать.

– То есть тебя вывели наружу и...

– Мам-ефа гофорить: иди, Рыфык. Уф... И дферъ закрыфать, – кивнул Уф.

«Погоди-ка... Если дверь кодировала мама... Точно!»

Она сама не ожидала, что все окажется настолько просто.

Ну, точнее, не совсем просто...

Сперва Маруся попробовала ввести дату рождения папы. Потом мамы.

Ну, а уж напоследок – своего.

Есть!

Зажужжали скрытые в недрах скалы электромоторы, и дверь начала медленно открываться. Из образовавшейся щели в темноту упала полоска тусклого света...

ЭПИЗОД 5

«Все находившиеся на борту...»

1

– Маруфя! – на плечо девочке легла огромная ладонь ёхху. – Моя под гора не ходить. Уф...

Дверь открылась уже наполовину. Из подземелья повеяло затхлым, сырым теплом. Маруся увидела шершавую бетонную стену, тлеющую оранжевым светом лампу в решетчатом колпаке и висящий на крюке серебристый плащ-дождевик.

Раз плащ – значит, его кто-то носит.

Люди! Там, внутри, есть живые люди!

– Моя ходить домой... – гудел за спиной Уф. – Курефо...

– Уфочка! – Маруся обернулась к ёхху. – Не бросай меня, а?

– Не-а, – гигант попятился к догорающему костру. – Моя не ходить... не ходить! Уф...

Маруся сузила глаза, сунула руку в рюкзак и достала «Беломорканал».

– Отдам только внутри! Пошли!

– Не ходить... Уф... Уф...

– Ну чего ты боишься? – принялась уговаривать испуганного ёхху Маруся. – Такой большой... Сильный. Смелый!

– Моя... домой... Уф... Уф...

«Он ведь сейчас и вправду уйдет! – поняла Маруся. – И я останусь один на один с теми, кто внутри, на базе. А вдруг там нет ученых? Вдруг базу захватили... мясоглоты?!»

От этой мысли ей стало плохо. И Маруся выбросила последний козырь.

Она заговорила, чеканя каждое слово. Так обычно говорят

воспитательницы в детских садах:

– А если там нас ждет мама? Мама Ева? Разве ты не хочешь ее увидеть? Маму Еву?

– Мам-ефа... – простонал Уф. – Мой Мам-ефа... Уф...

Дверь открылась полностью – стало видно, что она почти полуметровой толщины – на секунду замерла и пошла в обратную сторону!

Медлить было нельзя.

– Все, идем, – деловито приказала Маруся, ухватила ёхху за руку и чуть ли не силой потащила его к светящемуся проему.

– Смотри, курево у меня! Я сейчас зайду внутрь... Ну объясни, чего ты боишься? Ну? Что тебя так напугало здесь?

– Гофорить! – прошептал на ухо девочке Уф. – Там... Страфно гофорить! Никто нету, а гофорить... Стра-афно... Уф... Уф...

– Кто говорить? Чего говорить? – почти не слушая гиганта, рассеянно бормотала Маруся. Ей самой стало жутковато. Страх ёхху передался девочке, но отступать было поздно.

Это как с машиной: раз нажала на педаль – придется ехать.

Она переступила порог, завела Уфа и огляделась. Из небольшой комнаты-прихожей в глубь горы вел постепенно понижающийся коридор с редкими лампами дежурного освещения. Провода на бетонных стенах, пыль на полу...

За спиной клацнул замок. Дверь закрылась. Маруся вздрогнула и решительно шагнула вперед. Уф, едва не подывая от ужаса, таился следом, сжимая в ручище топорик.

Коридор закончился новой дверью, на этот раз без замка. Помиди металлической плиты торчало колесо-штурвал. Такие колеса бывают на кораблях и субмаринах. Она попыталась повернуть колесо, но оно даже не шелохнулось. Пришлось просить ёхху.

Уф справился со штурвалом играючи и надавил на дверь. Изрядно проржавевшие петли пронзительно скрипнули. По подземелью загуляло гулкое эхо. Маруся подалась вперед, чувствуя такой знакомый запах нагретой пластмассы, металла, краски,

работающей электроники. Это был запах ее мира, ее цивилизации, ее времени. Бесконечно жуткая и чужая тайга, пусты и наполненная ароматами хвои, цветущих трав, смолы, наконец-то осталась позади, надежно отрезанная полуметром стали.

За дверью со штурвалом Маруся увидела просторный холл: стены обшиты светлыми пластиковыми панелями под дерево, два дивана, кресла, журнальный столик. Вправо и влево уходят коридоры со множеством дверей. Стеклянная стойка ресепшена прямо напротив входа украшена новогодней гирляндой, под потолком, между мягко светящимися плафонами – серебристые звезды.

Она вошла в холл, и первое, что ей бросилось в глаза, – полоски бумаги с надписями «опечатано», белеющие на каждой двери...

2

Плакать нельзя!

Маруся, плакать нельзя!

Да, но как же тут не плакать, если...

В общем, база оказалась пустой. Совсем. Ни одного человека. Горит свет, гудят под полом какие-то механизмы, валяются листы бумаги, кругляш скотча, разноцветные пачечки стикеров, старинные – Маруся таких никогда не видела – ручки, коробки, скрепки...

И ни-ко-го...

Осмотрев все доступные помещения и наоравшись до хрипоты, Маруся вернулась в холл. Двери заперты, лифты не работают. Уф, устроившийся на полу у входа, делал вид, что спит, но время от времени Маруся ловила его внимательный, настороженный взгляд.

Она уселась на диван, закинула ноги на столик. Толстый слой пыли, покрывавший его, взбаламутился, в воздух подня-

лись и медленно упали серые пушистые комочки.

Марусе было плохо. Она чувствовала себя обманутой. Обманули, как маленькую... Поманили красивой игрушкой, наобещали с три короба – и...

Не плакать!

«Может быть, они просто вышли по делам? Исследования какие-нибудь проводить... Чушь! Тут везде пыль и следы – только мои. База пуста».

– Пуста, – прошептала Маруся.

Уф пошевелился, приподнял голову:

– Маруфя, спать! Много ходить, устафать. Уф... Зафтра еда искать, много куфать.

Девочка кивнула, закрыла глаза. Кажется, ёхху почти успокоился. Он – да, а вот она – нет.

В довершение всего навалился голод. После стольких нервных переживаний нужно было обязательно что-то съесть.

И выпить. В смысле – попить. Например, кофе.

Кофе!

«Да, сейчас бы я не отказалась от чашечки... да какое там чашечки – от кружки! Пол-литровой такой кружки кофе с молоком. Пить и закусывать хрустящим батоном. Нет, не так – батон нужно разрезать вдоль, намазать маслом и ежевичным джемом. А еще можно взять ветчины и каперсов, порезать, заправить майонезом...»

– Хватит! – оборвала себя Маруся. – Мечтами животу не поможешь.

Она положила под голову рюкзак, разулась, с отвращением посмотрев на заляпанные грязью полусапоги, улеглась на диван, пару раз чихнув от пыли, и снова закрыла глаза.

Неожиданно возникло ощущение, что на нее кто-то смотрит. И этот кто-то был не Уф, так как Маруся отчетливо слышала похрапывание ёхху. Девочка приподняла голову, огляделась – все так же никого. В холле и коридорах базы царила тишина.

на, нарушаемая лишь еле слышным потрескиванием ламп и далеким подземным гулом. Но стоило Марусе лечь, как она вновь почувствовала: за ней наблюдают!

Как-то в сети девочка видела сюжет о гигантской змее, сетчатом питоне, способном зачаровывать кроликов и крыс. Питон просто смотрел на зверушек, и те сами шли к нему в пасть.

«Вдруг тут водится огромная змея? Сидит сейчас где-нибудь и смотрит на меня, – похолодела Маруся. – Да даже если не огромная! Даже если маленькая. Я вот лежу, а она ползет по полу, потом взбирается на диван, касается моей ноги...»

– А-а-а-а!!! – заорала Маруся, вскакивая. Она и вправду ощутила чье-то прикосновение к босой ступне!

Уф!

Бесшумно подошел и теперь смущенно и неуклюже разводит руками.

– Маруся, исфинять! Моя не хотель...

– А что тфоя хотель? – рассерженной кошкой зашипела на него Маруся. – Напугать меня до смерти?

– Не-а, – замотал головой гигант. – Уф... Моя хотель... курено! Уф...

Раздраженно высказав ёхху все, что она думает о дураках, гробящих свое здоровье курением, даже если они и умеютходить бесшумно, Маруся отдала ему пачку и улеглась, прикрыв глаза ладонью.

Уф, вернувшись к двери, долго пыхтел папиросой, сопя от удовольствия, потом уснул. Маруся за это время вся извертелась – сон не шел, перед закрытыми глазами качались ветки, кочки, листья, а потом с тяжелой неотвратимостью возникали череп на стволе ивы и труп несчастного медведя, плавающий в воде.

Пару раз девочка ощущала чей-то взгляд, но ей стало уже все равно. Стиснув в руке ящерку, Маруся буквально молила фигурку: «Сделай так, чтобы все это закончилось! Пожалуйста! Ну за что на меня навалились все эти проблемы? Люди,

нелюди, мясоглоты, предметники, охотники, страшный Чен, хитрый Нестор, предатель Бунин, злая Алиса, глупый Нос, Илья... А он какой? – Маруся сама не заметила, как «съехала» с молитвы на куда более приятные мысли. – Он вроде нормальный парень. Нос тоже не урод какой-нибудь, но уж очень... простой. Такого любая окрутит. Не интересно. «Не нраffится». А вот с Ильей все не так. За него, пожалуй, и побороться можно. С той же Алисой. Хотя... Если бы у меня был орел, я могла бы заставить Илью бегать за мной».

Орел!

Маруся открыла глаза. Какой же надо было быть наивной, чтобы добровольно отдать ТАКОЙ предмет! А еще змейку Юки и ворона... Бедный Юки, сидит сейчас в немецкой тюрьме.

Почему она сразу не вернула предметы владельцам? Хотя хозяин ворона, конечно, умер, но ведь у него остались наследники. По крайней мере так было бы честно! А она...

«Я просто хотела казаться крутой, – подумала Маруся. – Чтобы и Бунин, и его команда, а в первую очередь Илья – чтобы все они меня зауважали. И ведь главное, Нестор предупреждал: держись от Бунина подальше! Не послушалась... И что теперь делать? Как выбираться? Это даже не Шанхай, это тайга. Медведи. Мясоглоты. Подземелье. А из друзей – только большой рыжий чебурашка, боящийся всего на свете».

Маруся понимала, что она, в общем-то, зря не очень хорошо думает про Уфа. Ёхху все же спас ее, реально спас, но сейчас, да еще и на голодный желудок, признать это было трудно.

«Это все подстроено! Они используют меня, как куклу! А папа – он что, не может позвонить? Ведь я ему звонила с новосского коммуникатора, номер должен был определиться... Неужели ему наплевать на то, где его дочь, что она делает?»

Злость мгновенно прошла. Маруся подскочила, достала коммуникатор.

«А ведь это шанс! На прием-то аппарат работает! Может, он

не ловит под землей? Ловит! Значит, если папа позвонит мне...
Папочка, папулечка, миленький...»

Тут экранчик коммуникатора вспыхнул, и в холле прозвучал мелодичный рингтон...

3

Увы, это оказался не звонок от папы, а сетевое заархивированное послание. Номер отправителя, как и в прошлый раз, был незнаком Марусе. Но в строке «адресат» вновь значились ее фамилия, имя и отчество.

Ошибка исключена.

Девочка загрузила архив и теперь смотрела на красно-белый ярлычок, мигающий в правом углу экрана коммуникатора, как на бомбу. Что прислали ей? Какие тайны скрываются под названием «АВИА.АРХИВ»?

«Давай, вперед!» – скомандовала себе Маруся, вызвала контекстное меню и нажала «разархивировать».

Послание содержало четыре файла, просто четыре текстовых файла, пронумерованных по порядку – «Первый», «Второй», «Третий», «Четвертый». Маруся усмехнулась: «Оригинально». То, что неизвестный отправитель прислал ей текстовые файлы, несколько успокоило девочку. По крайней мере это не видеоролик, после которого жить не хочется, а просто текст.

Безобидный текст.

Маруся открыла «Первый», пробежала глазами по строчкам: «1 июня 2009 года аэробус A-330 с бортовым номером F-HJG (рейс AQ564), летевший из Рио-де-Жанейро в Париж, упал в воды Атлантического океана. Поисковая операция была начата через несколько часов после потери связи с самолетом. Плохая погода на предполагаемом месте катастрофы сильно затрудняла поиски.

По сведениям компании Air France, на борту лайнера находи-

дились 228 человек. В экипаж (12 человек) входили 3 пилота, 3 старших стюарда и 6 стюардов и стюардесс. Все члены экипажа – французы. Командир воздушного судна имел налёт 11000 часов (в том числе 1,7 тыс. часов – на аэробусе A-330) и более двадцати лет проработал в Air France. Он был исключительно опытным пилотом.

Среди 216 пассажиров, находившихся на борту самолета, были 1 младенец, 7 детей, 82 женщины и 126 мужчин. Все находившиеся на борту лайнера люди погибли. В бразильском штате Рио-де-Жанейро 1 июня был объявлен трехдневный траур, а во Франции в соборе Нотр-Дам де Пари 3 июня прошло траурное богослужение, на котором присутствовал президент страны Н. Саркози.

Результаты расследования крушения самолета A-330 в Атлантике свидетельствуют о том, что авиалайнер развалился не в воздухе, как считалось ранее, а лишь после удара о воду. Такой предварительный вывод сделали эксперты французского Бюро расследования авиакатастроф (BEA), которое опубликовало доклад 15 июля. По данным BEA, аэробус упал в воду «со значительным вертикальным ускорением».

Первой мыслью Маруси было: «Что за ерунда?»

Нет, сам файл не ерунда, конечно: когда падает самолет – это ужасно. Гибнут люди, гибнут не на войне, не от заразной болезни, а просто случайно, и от этого их смерть становится еще страшнее. Но какое отношение имеет разбившийся одиннадцать лет назад аэробус к ней, Марусе Гумилевой?

Пожав плечами, она открыла «Второй».

«30 июня 2009 года самолет йеменских авиалиний аэробус A-310, бортовой номер Y-TFYS (рейс 765), совершивший рейс из парижского аэропорта Шарль де Голль в столицу Коморских островов город Морони с промежуточной посадкой в Йемене, потерпел крушение в Индийском океане вблизи побережья острова Гранд-Комор. На борту самолета находи-

лись 142 пассажира, в том числе трое младенцев, и 11 членов экипажа. В ходе спасательных работ на месте крушения были обнаружены обломки лайнера и несколько тел погибших. Выжить удалось единственному пассажиру – 14-летней девочке из Франции, сообщает агентство Reuters.

Причины катастрофы неизвестны. Одной из возможных версий крушения A-310 эксперты Международной организации авиаперевозчиков считают плохие погодные условия».

Маруся представила себе, каково пришлось этой единственной оставшейся в живых девочке, ее ровеснице. Спала, наверное, или кино смотрела.

«Наверное, эти файлы все же попали ко мне по ошибке. Просто произошел какой-то сбой», – Маруся несколько успокоилась. Но, когда она открывала «Третий», руки у нее дрожали.

«15 июля 2009 года пассажирский самолет Ту-154, принадлежащий авиакомпании Caspian Airlines, разбился на северо-западе Ирана. Лайнер следовал из Тегерана в столицу Армении Ереван. На его борту находились 168 человек: 153 пассажира, включая двоих детей, и 15 членов экипажа. Все они погибли.

Катастрофа произошла в 12:09 по ереванскому времени (11:09 по московскому) спустя всего 16 минут после вылета из международного аэропорта имени Имама Хомейни. За это время самолет успел подняться на высоту почти 8 километров.

Ту-154 пытался совершить аварийную посадку, передает англоязычный иранский телеканал Press TV со ссылкой на сообщение информационного агентства Fars News Agency. По предварительным данным, причиной катастрофы стали технические неполадки самолета».

«Если бы я сейчас летела в самолете, паническая атака была бы мне обеспечена, – мрачно подумала Маруся. – Интересно, кто и зачем собрал вместе четыре файла с информацией об авиакатастрофах одиннадцатилетней давности?»

Она не сомневалась, что в «Четвертом» файле тоже будут сведения о каком-нибудь разбившемся самолете. Но Маруся ошиблась. Там оказался совсем другой текст, точнее, даже не текст, а вставленный в текстовой файл скан документа:

«Секретно. Полетно-испытательный центр гражданской авиации РФ. 14 декабря 2008 года. А. Л. Гумилеву.

Уважаемый Андрей Львович! Сообщаем Вам о результатах испытаний разработанного Вами Модуля управления авиационными транспортными средствами (МУАТС). Комиссия под председательством академика РАН профессора С. В. Смирницкого и в составе д. т. н. И. А. Варламова...»

Пропустив длинный перечень незнакомых ей фамилий, Маруся сразу перескочила на следующий абзац. Она ничего не понимала – при чем тут папа? Что за испытания?

«В ходе многочисленных тестов на компьютерных тренажерах центра МУАТС зарекомендовал себя как вполне надежный аналог живого пилота (результаты тестов см. Приложение 1). Однако при моделировании ситуаций, связанных с повышенным риском пилотирования, искусственный интеллект (ИИ) модуля, как правило, неправлялся с ситуацией (см. Приложение 2), вследствие чего...»

«Галиматъя какая-то, – Маруся начала злиться. – Дальше, дальше!»

«...установки МУАТС на самолет Ту-333. Из двенадцати испытательных полетов в трех случаях пилоту-инструктору приходилось в экстренном режиме брать управление на себя (см. Приложение 5). Самолет Ил-86, на котором также был установлен МУАТС, после серии испытаний оказался в аварийной ситуации, и только мастерство пилотов нашего центра помогло избежать авиакатастрофы...»

Дальше!

«В связи со всем вышеизложенным...»

Дальше!

«...уведомить Вас о невозможности установки МУАТС на серийные авиаэлайнеры для использования модулей как пилотов-дублеров, не говоря уже о подмене ими летного состава».

Маруся посмотрела на последние строчки:

«По мнению членов Комиссии, ИИ, используемый в Модулях управления авиационными транспортными средствами, требует глубокой доработки (см. Заключение Комиссии по испытаниям). Ваше предложение Комиссия считает преждевременным...»

А поверх всего этого красным, размашисто: «Мой ИИ просто нужно научить летать!»

И подпись. Знакомая лихая подпись отца.

4

Еще раз пробежав глазами текст, Маруся отложила коммуникатор. В голове крутились какие-то разноцветные кусочки пазла, но целостной картины не получалось. Да, ее папа действительно разработал много лет назад искусственный интеллект. И это стало настоящим прорывом на рынке высоких технологий. Сейчас ИИ-устройства Гумилева работают по всему миру, они даже управляют орбитальными станциями в космосе.

Но как это связано с авиакатастрофами?

Отец всегда был фанатом технологий. Маруся с детства помнила его любимую фразу: «Человечество должно идти вперед и вверх, а не топтаться на месте!» Во всех своих проектах на первое место папа ставил не деньги, а идею.

Трень-тинь-тинь! Трень-тинь-тинь!

Девочка схватила коммуникатор.

Сообщение! Очередное сообщение от неизвестного...

Маруся нажала кнопку приема.

В папке «Входящие» лежал видеоролик. «Гумилев» – прочитала название Маруся. Сердце сжалось от дурного предчув-

ствия, но те, кто послал ей этот файл, рассчитали все точно: не посмотреть ролик она уже не могла.

Маруся шумно выдохнула и нажала на «пуск»...

На экране появился отец и еще один мужчина, сидевший напротив него, спиной к камере. Слева на стене висел перекидной календарь с летящим меж облаков самолетом. «2008 год. Октябрь», – прочитала Маруся.

Запись была черно-белой, очень плохого качества: изображение рябило, звук шел с помехами, но слова звучали достаточно отчетливо.

– Мсье Гумилев, Air France вынуждена отказаться от заключения с вами контракта на установку ваших модулей на наши самолеты, – сказал мужчина. – Мы ознакомились с результатами экспертной оценки...

– Поймите, мсье Грени, – перебил его отец. – Искусственный интеллект – это не просто компьютер с некой программой. Это по-настоящему мыслящее существо, способное к самообучению. Ему просто нужен опыт, реальный полетный опыт, и тогда он сможет управлять авиалайнерами лучше пилотов-людей. А мои противники предлагают учить его летать на виртуальных тренажерах. Это абсурд! ИИ нужна практика, понимаете, летная практика!

– Да, но...

– В начале девятнадцатого века противники паровозов утверждали, что на скорости свыше двадцати пяти километров в час у человека произойдет разжижение мозга. Если бы к их мнению прислушались, мы до сих пор ездили бы на телегах!

– И тем не менее речь идет о жизнях тысяч людей, наших пассажиров, – не сдавался тот, кого отец назвал мсье Грени.

– Я уже подписал контракт с иранской Caspian Airlines, йеменской авиакомпанией Yemenia, ведутся переговоры с Finnair и «Аэрофлотом», – тихо произнес отец. – Вы хотите, чтобы конкуренты обошли вас? Вспомните расчеты ваших экономистов: использование ИИ-модуля существенно снизит цены на билеты и...

– Вы блефуете! – бросил Грени.

На стол легла оранжевая папка.

– Вот копии первых страниц договора с Caspian Airlines и договора о намерениях с Finnair, – веско сказал отец, сверкнув глазами.

– Но все же, все же... – забормотал француз, листая бумаги.

– Шесть миллионов евро наличными, – отчеканил отец. – В любое время, хоть через час после подписания контракта. Только для вас, мсье Грени.

Маруся зажмурилась. Она знала, что в суде запись, сделанная скрытой камерой, не является доказательством.

Но она-то – не суд!

Папа...

Пазл сложился.

«Все находившиеся на борту лайнера люди погибли», «выжить удалось единственному пассажиру», «Ту-154 пытался совершить аварийную посадку».

Зачем?

Папа...

– Вам никогда не говорили, что вы умеете быть очень убедительным, мсье Гумилев? – рассмеялся Грени, захлопывая папку.

Папа, нет!

– Мне об этом говорят постоянно, – усмехнулся отец.

Ролик кончился.

– Да пошли вы все!!!

Крик Маруси ударился о стены, и звонкое эхо пошло гулять по подземной базе. Ничего не понимающий Уф подскочил на месте, схватился за топорик; шерсть на загривке ёхху встала дыбом.

– Уф... Маруфя! Моя...

– Вы находитесь на территории научной базы «Реликт»! – вдруг обрушился из многочисленных динамиков на Марусю и Уфа страшный, мертвый, жестяной голос. – В настоящий момент база законсервирована. Подтвердите ваши полномочия, в противном случае...

ЭПИЗОД 6

Исинка

1

– Гофорить! Гофорить! – скулил Уф, вжимая голову в могучие плечи и закрываясь руками. – Моя уходить... Уф... Не нравится...

Жестяной голос продолжал грохотать:

– Вы находитесь на территории научной базы «Реликт»! В настоящий момент база законсервирована. Подтвердите ваши полномочия, в противном случае к вам будут применены санкции, предусмотренные законодательством Российской Федерации за незаконное вторжение! Повторяю!

Маруся присела возле насмерть перепуганного ёхху:

– Ну чего ты испугался? Это просто запись. Тут никого нет. Как же тебе объяснить...

Она и в самом деле не знала – как.

– Понимаешь, Уфочка, люди ушли, а голос оставили в компьютере. Он включился и теперь...

– Гофорить! Страфно!

– Это как гром от грозы. Гремит себе – и все.

– Гофорить... Уф...

– Вы находитесь на территории научной базы «Реликт»! В настоящий момент база законсервирована...

Дурдом!

– Уфочка, ты радио когда-нибудь слышал?

Гигант неожиданно перестал причитать и тихо ответил:

– Моя знать радио. Моя слуфать радио.

– У тебя есть радио? – удивилась Маруся.

– Аха. Маленький радио. Моя дом лефать. Уф... Сфет гореть – радио гофорить. Моя слуфать. Уф... Хорофо. Нрафится!

«У него дома приемник с питанием от фотоэлементов, – догадалась девочка. – Вот почему он не забыл человеческую речь».

– Ну, ты же радио не боишься? А это то же радио, только...

– Вы находитесь на территории научной базы «Реликт»! В настоящий момент база законсервирована. Подтвердите ваши полномочия...

– Да заткнись ты, зануда! – повернув голову к ближайшему динамику, рявкнула Маруся.

И... наступила тишина.

– Ни чего себе – услышал! – поразилась Маруся. – Или просто запись кончилась?

– Не кончилась! – пролаял динамик.

Девочка вытаращила глаза от удивления.

– Эй! Ты что, меня понимаешь?

– Да.

Уф снова задрожал, накрепко зажмурившись. Марусе тоже стало не по себе: на пустой базе обнаружился невидимый хозяин. Но особой робости она не испытывала – все-таки, в отличие от Уфа, девочка с раннего детстваросла в окружении всевозможных технологических новинок.

– А ты кто? – медленно поднявшись на ноги, спросила она.

– Вы разговариваете с офис-менеджером научной базы «Реликт», – загрохотал жестью голос. – Для удобства обмена информацией и вербальных контактов можете обращаться ко мне «господин Исин».

– Исин? Это фамилия такая? – машинально поинтересовалась Маруся.

– Это сокращение от слов «искусственный интеллект».

«И здесь искусственный интеллект», – помрачнела девочка. Словосочетание лишний раз напомнило ей о пережитом несколько минут назад разочаровании в собственном отце. В че-

ловеке, который до этого на протяжении всей жизни был для Маруси самым близким, самым родным... «А он, оказывается, давал взятку, чтобы его дурацкий интеллект установили на самолеты. И потом гибли люди. «Все находившиеся на борту...»

– Как и с какой целью вы проникли на территорию базы «Реликт»? – грозно рыкнул господин Исин.

– Ой, да никто никуда не проникал, – раздраженно отмахнулась Маруся, погруженная в свои переживания. – Здесь мама моя работала, Ева Гумилева...

Повисла звенящая пауза. Уф открыл один глаз.

– Маруфя, голоф уходить?

– Не знаю, – дернула в ответ плечем Маруся. – Мне плевать.

Рык господина Исина ударили в уши:

– Вы состоите в близких родственных отношениях с ведущим научным сотрудником базы Евой Гумилевой?

– Я же сказала, я ее дочь! – выкрикнула Маруся. – Что непонятно?

– Назовите ваш идентификационный номер!

– Зачем?

– Если ваш номер совпадет с номером, имеющимся в моей памяти, запустится особая подпрограмма, ориентированная на вашу личность и называющаяся «Добро пожаловать, Марусенька!».

«Ничего себе», – поразилась Маруся и тихо спросила:

– Кто создал эту подпрограмму?

Ответ ее не удивил:

– Ведущий научный сотрудник базы Ева Гумилева.

– Девять семь семь...

Когда она закончила диктовать номер, Исин выдержал паузу, и вдруг из динамиков зазвучал приятный женский голос с

характерной хрипотцой, слышимой в конце каждой фразы:

– Здравствуй, Марусенька. Добро пожаловать на базу. Когда мы виделись последний раз, тебе едва исполнилось три года. Я твоя мама. К сожалению, у меня очень мало времени, поэтому всю необходимую информационную поддержку и техническую помощь тебе окажет господин Исин. Надеюсь, что скоро мы сможем увидеться. Ничего не бойся, девочка моя. Целую. До встречи!

– Мой Мам-ефа!.. – расцвел Уф. – Гофорить Мам-ефа!

– Да уж, умеет наша Мамефа озадачить, – пробормотала Маруся и обратилась к Исину:

– О какой поддержке и помощи говорила мама?

– Согласно подпрограмме «Добро пожаловать, Марусенька!» к вашим услугам вся сохраненная в архивах информация, оборудование базы и склады на нижних уровнях, – загрохотал голос.

– Слушай, а ты не мог бы говорить потише?

– Я могу переключиться на другую голосовую оболочку! – рявкнул Исин.

– Вот-вот, – обрадовалась Маруся. – А то ты пугаешь моего ёхху. Да и у меня уже уши болят.

– Предлагается голосовая оболочка «учитель», – донесся из динамиков строгий, холодный голос.

– Не, такую не надо, – замотала головой Маруся.

– Предлагается голосовая оболочка «старина Кузьмич», – прохрипел прокуренным баритоном Исин.

– Тоже мимо.

– Предлагается голосовая оболочка «хороший парень».

Этот голос понравился Марусе больше всего – веселый, чем-то похож на басок Ильи. Она уже хотела дать согласие, но тут ее озарило.

– Господин Исин, а почему вы считаете себя мужчиной?

– Для удобства общения искусственные интеллекты моего

типа по умолчанию гендерно определяются как мужчины, но эта функция может быть перенастроена.

– А давай ты будешь девушкой?

Пауза. Тишина.

– Что молчишь? «Не нрафится»?

– Я не молчу, – несколько озадачено прогремел Исин. – Мне не может нравиться или не нравиться то, между чем я не вижу принципиальной разницы...

– Какой ты нудный, – рассердилась Маруся. – Все, будешь девушкой. Подбери подходящий голос. А звать тебя будут... Исинкой!

– Хорошо, принято, – отозвался искусственный интеллект дерзким, задорным девчоночным голоском. – Голосовая оболочка устраивает? Тембр подходящий?

– Вполне, – кивнула Маруся и спохватилась. – Исинка, а ты нас видишь?

– Вижу. Изображение поступает с двенадцати камер.

– Ничего себе! – Маруся огляделась, но камер не заметила. Наверное, они были очень маленькими. – Ну все, давай показывай и рассказывай, где тут у вас что.

– С чего лучше начать?

– Еда! – промычал за спиной Маруси Уф. – Моя хотеть еда.

– Вот именно. Моя хотеть тоже, – согласилась с ёхху девочка.

– Есть на базе какая-нибудь еда? И душ!!!

3

Душ и еда нашлись. Душ оказался теплым, и Маруся почувствовала себя вполне комфортно, переодевшись в найденные в раздевалке огромные, но чистые футболку и штаны. Но еда оказалась именно «какой-нибудь» – галеты, консервы, замороженные овощи. Огромный холодильник, обнаруженный Марусей по подсказке Исинки за дверью с надписью «Лабора-

торный склад № 1», за двенадцать лет наморозил толстенную снежную шубу, и упаковки продуктов пришлось буквально вырубать изо льда. Нашлась и микроволновка, старинный громоздкий аппарат с кнопочным управлением. Впрочем, Маруся довольно быстро разобралась, что и как. Она вывалила в фарфоровую тарелку и разогрела себе две банки тушеники, а «фегетарьянцу» Уфу в стеклянной миске – несколько пакетов с овощными смесями.

Усевшись в холле на диване, они принялись ужинать, обедать и завтракать одновременно.

– Фкусно! – умная овощное рагу, прочавкал ёхху.

– Сойдет, – качнув мокрой после душа головой, ответила Маруся, запивая сухие галеты пакетным чаем. – Исинка, а что изучала моя мама?

– База «Реликт» создавалась для наблюдений за жителями бывшего рабочего поселка «Алые зори» и антропологических исследований.

– А ты не могла бы объяснить попроще? Без всяких научных словечек?

– Могу, конечно. С чего начать?

– Ну, с самого начала, – Маруся откинулась на спинку дивана, ощущая во всем теле блаженную сытость. – Как там обычно в сказках: «Жили-были...»

– Принято. Итак, объект, на территории которого размещается база «Реликт», а именно военно-складской комплекс номер двадцать семь, был построен в 1953 году в рамках «проекта 51»...

– Военно-складской? – перебила Исинку Маруся. – А при чем тут военные?

– Оглядитесь вокруг. Над вашими головами почти тридцать метров кристаллических горных пород, а под ногами еще семь этажей помещений различного назначения. Неужели вы думаете, что все это было построено в труднодоступной местности на средства научной экспедиции...

– А на чьи средства? И зачем? И говори мне «ты», а то я чувствую себя как на экзамене.

– Принято. Ты, Маруся, находишься на бывшем оборонном объекте, построенном на случай ядерной войны между СССР и США. К началу пятидесятых годов Соединенные Штаты имели достаточное количество ядерных зарядов и средств их доставки, чтобы уничтожить большинство крупных промышленных и военных объектов на территории Советского Союза. Тогда руководство приняло решение о создании сети секретных баз, которые в случае полномасштабных военных действий должны были стать опорными пунктами сопротивления...

– Ты такая умна-а-я, – насмешливо протянула Маруся.

– В мою базу данных заложено свыше трех тысяч энциклопедий и словарей по различным областям знаний, – холодно отозвалась Исинка. – Кроме того...

– Все ясно. Я поняла: мы на старой военной базе. Ученые приспособили ее под себя. А солдаты куда делись?

– В 90-х годах двадцатого века большинство комплексов «проекта 51» были выведены из состояния боевой готовности, техника, вооружение, боеприпасы частично вывезены...

– Маруфя, – жарким шепотом обратился к девочке Уф. – Моя не понимать... Уф... Хде нофый челофека, который гофорить?

– Это тоже типа радио. Ложись-ка ты, Уфочка, спать.

– Я продолжаю? – бесстрастно поинтересовалась Исинка.

– Да все и так понятно – все вывезли...

– Не все.

– Да-а? – Марусе стало интересно. – И что осталось?

– Согласно имеющимся у меня данным, на третьем уровне складского комплекса находится неучтенное количество обмундирования, средствadioхимической защиты, медикаментов и боеприпасов для стрелкового оружия. Кроме того, в специальной штолле установлена подземная гидроэлектро-

станция типа «ВЭС-500», которая и снабжает весь комплекс электроэнергией. Возможно, на нижних уровнях имеется и другое военное имущество, но точных данных у меня нет.

Маруся вспомнила о своем перемазанном комбинезоне.

– Обмундирование? Интересно! Завтра посмотрим. А пока – пока!

– Не поняла, – отозвалась Исинка.

– Спать я хочу, что непонятного?

– Выключить свет?

– Ага. Разбудишь часов через пять. Спокойной ночи.

– Принято. Спокойной ночи, Маруся.

4

Марусю разбудили включившиеся лампы и негромкая музыка, видимо запущенная Исинкой. Первым делом девочка посмотрела на коммуникатор: таймер показывал, что осталось чуть более сорока четырех часов.

«Время идет, а я ни на шаг не приблизилась к своей цели», – огорчилась Маруся и спросила:

– Исинка, ты здесь?

– Да, Маруся. Доброе утро.

– Бывало и добре.

– Какие будут распоряжения?

– Будут вопросы. Куда и зачем ушла моя мама? И где все учёные?

– Прямых ответов у меня нет.

– А какие есть? Кривые?

– Интересующая тебя информация может быть получена в результате ознакомления с файлами и документами из архива базы.

– Ну хорошо, тогда давай так: сперва умыться, потом завтрак, потом мы с Уфом сходим на нижние этажи – мне надо

переодеться. Ну, а файлы оставим на сладкое... – Маруся не договорила, легко соскочила на пол, зевнула. Ёхху, сидя у двери, тер кулаками глаза.

– Пошли, – махнула ему девочка.

– Куфать?

– Ты против?

– Не-а...

На этот раз Маруся более тщательно исследовала «Лабораторный склад № 1», обнаружив в шкафах массу разных продуктов – крупы, макароны, рыбные консервы, муку, кофе – по большей части давным-давно просроченных. Рисковать здоровьем не хотелось, но отказаться от кофе она не смогла. Содержимое банки окаменело, и Маруся, кое-как вытряхнув коричневые куски на лист бумаги, принялась дробить их рукояткой пистолета. В итоге ей удалось сделать себе чашку напитка, по вкусу отдаленно напоминающего тот, что варила соседка Клавдия Степановна.

Уф довольствовался очередной порцией овощной смеси. От кофе ёхху отказался, едва понюхав его.

– Моя не нрафится. Ноф фекотно. Уф...

«Ну и ладно, мне больше достанется», – рассудила Маруся. Грызя галеты и запивая их «каменным» кофе, она раз за разом мысленно возвращалась к отцу и его поступкам. Девочка представила себе весы, такие старинные весы с чашками, их еще часто изображают на вывесках аптек. На одной, светлой чаше поместился Андрей Гумилев – всемирно известный бизнесмен, дипломат, инвестор, готовый, несмотря на страшную занятость, по первому звонку из любого конца света бросаться спасать свою непутевую дочь и не жалеющий для нее ничего. Этого человека, своего папу, Маруся хорошо знала и любила.

А на темной чаше весов восседал совсем другой Гумилев. Жесткий, точнее, жестокий делец, упратавший в тюрьму собственного друга, сгубивший сотни жизней ни в чем не повин-

ных людей ради достижения своих целей...

И, как ни крути, эта чаша пока перевешивала.

Маруся вспомнила последние слова Ковалева и дрогнувшим голосом спросила:

– Исинка!

– Слушаю.

– А кто сказал: «Цель оправдывает средства»?

– Эту фразу приписывают основателю ордена иезуитов Игнасию Лойоле.

– Иезуитов? Кто это?

– Иезуиты, официальное название «Общество Иисуса» – орден римско-католической церкви, члены которого дают обет прямого и беспрекословного подчинения Римскому Папе. Орден был основан в 1534 году...

– Стоп! Достаточно, – Маруся скорчила гримасу. Она терпеть не могла вот такой вот «научной информации», а уж когда слышала всякие там «в тысяча пятьсот каком-то году», девочку начинало клонить в сон.

– Исинка, скажи просто: они, эти иезуиты – хорошие или плохие?

– Однозначно оценить деятельность ордена весьма затруднительно. Могу лишь сказать, что иезуиты активно вмешивались в политическую жизнь различных государств...

– Понятно.

Маруся решительно отставила опустевшую кружку, смахнула со стола крошки. Отец, весы, иезуиты... Настроение стремительно портилось. Надо было отвлечься.

– Исинка! Я собираюсь на нижние уровни базы. Ты расскажешь, где там что лежит?

– Да. Поскольку там нет камер слежения, рекомендую взять в холле специальную гарнитуру связи. Если ты будешь использовать ее, я смогу видеть и слышать все, что будет с тобой происходить.

Усмехнувшись, Маруся произнесла любимую фразу Исинки:

– Принято.

И поспешила в холл. Уф поплелся следом. После сытного завтрака он явно не прочь был еще поспать, но раз «Маруфя» сказала «идем», надо было идти – после укрощения страшного жестяного голоса гигант проникся к девочке уважением, лишь немного уступавшим тому, что он испытывал к Мам-ефе.

5

...Маруся и ёхху шагали по проржавевшим лестницам, спускаясь все ниже и ниже. Над их головами качались тусклые лампы в защитных колпаках, где-то капала вода; ровный гул работающей гидроэлектростанции наполнял собой огромное подземелье, заглушая потрескивание железных ступеней.

– Вы прошли второй уровень и сейчас спускаетесь на третий, – прошуршал в наушнике голос Исинки. Клипсу гарнитуры связи Маруся надела на правое ухо. Усик микрофона торчал сбоку ото рта, а объектив мини-камеры на гибком проводе девочка поместила над головой. Таким образом Исинка видела то же самое, что и Маруся.

Ей было жутковато. Нижние уровни базы, погруженные в таинственный полумрак, оказались необъятными. Стальные ворота, бетонные колпаки охранных постов с узкими бойницами, тревожные надписи, сделанные на стенах красной краской: «Блок № 3», «Зона погрузки», «Коридор под наблюдением», «Внимание! Запретная зона! Предъявить пропуск!» – все это пугало Марусю.

Девочке казалось, что в любой момент из мрака им навстречу поднимется какое-нибудь лязгающее чудовище, боевая машина или робот, древний сторож базы, готовый уничтожить всякого, посягнувшего на его сокровища.

Похоже, ёхху испытывал сходные чувства – гигант держал топорик наготове и все время бормотал себе под нос, как застенчивое клянчение:

– Моя не бояться! Уф... Моя не бояться...

– Вы на третьем уровне, – сообщила Исинка, когда они оказались на площадке перед очередными воротами, выкрашенными в темно-зеленый цвет. – Сейчас я открою проход. Идите внутрь, в хранилище.

Взвыли электромоторы, стальная плита дернулась и отползла в сторону. Маруся шагнула в темноту. Вспыхнул свет. Девочка увидела сводчатый зал, вырубленный в скале. Дальняя стена терялась во мраке. По сторонам тянулись многоэтажные железные стеллажи, плотно заставленные ящиками и контейнерами.

Голос Исинки зашуршал в ухе Маруси:

– Вы на месте. Здесь хранится обмундирование, обувь, средства защиты. Смотрите на маркировку. Ящики опломбированы, но, думаю, пломбы можно снять. Я сохраню соответствующую отчетную запись в своей памяти.

– Исинка...

– Да, Маруся?

– Почему здесь так... страшно?

– Страх – эмоциональная категория. Она складывается из многих составляющих. Предполагаю, что тебя подавляет общий антураж базы – полумрак, мрачные цвета, строгая упорядоченность...

– Все, хватит!

– Принято.

– Мне нужна обувь. И летняя одежда.

– Патрон надо! – промычал за спиной Маруси Уф. – Пифтолет без патрона – плохо. Не нрафится! Уф...

– Ничем не могу помочь, – Марусе показалось, что в голосе Исинки проскользнули извиняющиеся нотки. – Вам придется

самим искать необходимое: у меня нет информации по логистике складов третьего уровня.

...Искать пришлось долго. Маруся и ёхху, чихая от пыли, вскрыли не меньше сотни ящиков, взломали дверцы нескольких контейнеров, прежде чем девочка обнаружила почти подходящие ей по размеру армейские ботинки с высокой шнурковкой.

Почти – потому что те, кто собрал здесь все эти вещи, явно не предполагали обувать четырнадцатилетнюю девочку с тридцать седьмым размером ноги.

Ботинки Марусе понравились. Тяжелые, кожаные, на толстой, рифленой подошве, они сразу придали ей уверенность. А то, что найденная обувь оказалась на три размера больше...

«В конце концов, натяну несколько носков – и порядок», – решила Маруся, благо на складе обнаружился и ящик с носками.

А вот с одеждой все оказалось сложнее. И дело тут было уже не в размере. Правда, девочка подобрала себе две симпатичные тельняшки, бестрепетно выбросив найденную в душе футболку. Но ей решительно не нравились эти штаны и куртки унылого защитного цвета. Она рассчитывала найти на складе какой-нибудь крутой камуфляж, но, увы, в распотрошенных ящиках ничего похожего не было и в помине.

«Это тряпье ничем не лучше моего комбинезона», – сердилась Маруся. Но, когда вконец расстроенная девочка уже собиралась покинуть склад, удача все же улыбнулась ей, пусть и самым уголком рта. В сером пластиковом боксе, стоящем отдельно от остальных ящиков, Маруся наткнулась на жилеты-разгрузки, идеально камуфлированные под цвета тайги. Множество карманов, кармашков, клапанов, лямок, карабинчиков, нашивок делали «разгрузки» навороченными и стильными.

Маруся зашнуровала ботинки, натянула на себя более-менее подходящий по размеру жилет и расстегнула ворот комбине-

зона, чтобы было видно тельняшку. Дополнив экипировку кепкой, она завертелась перед хлопающим глазами Уфом.

– Похожа я на бойца десантно-штурмовой бригады?

– Моя не знать... Уф...

– Эх ты, даже комплимент сделать не можешь, – насмешливо сморщила нос Маруся. – Исинка! А тут где-нибудь зеркало есть?

– Слева от входа на склад на схеме обозначено несколько помещений. Одно из них – швейная мастерская. Там, видимо, должны были подгонять обмундирование...

– Ясно! – пропела Маруся. Она сообразила сразу: в швейной мастерской без зеркала не обойтись никак.

Девочка быстро нашла несколько запертых железных дверей с табличками: «Зав. складом», «Швейная мастерская», «Нач. АХЧ», «Караульное помещение». Сорвав пломбу, Уф взломал замок, и Маруся вошла в мастерскую.

Зеркал тут оказалось целых пять!

Из них на Марусю взглянул какой-то персонаж японской манги: высокие ботинки, камуфляж, тельняшка, растрепанные волосы – и разноцветные глаза. Хотя нет, скорее это была не манга...

– Русский десант – помошь друзьям, смерть врагам! – звонко крикнула Маруся и рассмеялась.

– Не поняла, – немедленно отозвалась Исинка.

– Не обращай внимания, – продолжая хихикать, ответила Маруся. Мультик про трех друзей-десантников и боевого кота по кличке Берет, которым она засматривалась в дошкольном детстве, явно не был знаком искусственному интеллекту.

Так или иначе, но проблемы с одеждой и обувью решены, пора приступать к изучению файлов из архива базы, чтобы понять, куда идти дальше.

Внимание девочки привлекли треск и грохот, доносившиеся из-за двери мастерской. Выглянув, Маруся увидела, как ёхху,

орудия найденным тут же ломом, курочит дверь с табличкой «Караульное помещение».

– Исинка, что там?

– Нет информации. Могу предположить, что за этой дверью размещался караул, осуществлявший охрану внутренних объектов базы.

Уф тем временем справился с замком, ударом ноги распахнул дверь и скрылся внутри. Прошла минута, потом вторая...

– Ну, где ты там? – нетерпеливо окликнула гиганта Маруся.

– Нам пора наверх!

– Моя идти! – торжествующе проревел Уф, появляясь в дверном проеме с какой-то черной и длинной железякой в руках. По каменному полу за ёхху волочились, звеня, не то ремни, не то цепи. – Маруфя! Моя нафел больфой пистолет! Уф...

– Что еще за «больфой пистолет»? – не поняла Маруся.

Ёхху вышел в полосу света, держа свою находку на вытянутых руках.

– Это ПКМ, – сообщила девочке Исинка.

– Что?

– ПКМ. 7,62-мм пулемет Калашникова. Является модернизированным вариантом пулемета ПК, разработанного в 1961 году конструктором Михаилом Калашниковым как замена устаревшему ручному пулемету Дегтярева. ПК применялся почти во всех войнах и вооруженных конфликтах второй половины двадцатого века. Он использует газоотводную автоматику, запирание ствола осуществляется поворотным затвором. Газоотводный узел имеет трехпозиционный газовый регулятор...

– Ну ничего себе... – пробормотала Маруся, разглядывая грозное оружие. Уф, сияя совершенно счастливой улыбкой, наматывал на себя пулеметные ленты, набитые патронами.

ЭПИЗОД 7

Весы

1

Усевшись за смешной громоздкий старинный компьютер в кабинете начальника экспедиции, Маруся открыла папку, в которую Исинка переместила копии файлов, связанных с работой базы, и поняла: это станет для нее настоящим испытанием. Сотни роликов, голосовых записей, отчетов, служебных и докладных записок, стенограмм совещаний и прочей документации.

У Маруси голова пошла кругом. Все нужно просмотреть, прослушать, прочесть...

Да здесь и месяца не хватит!

– Исиночка... – взмолилась девочка, – а ты не могла бы все это... Ну, рассказать своими словами?

– О чем именно?

– Чем занималась экспедиция? И чем – моя мама? А самое главное – куда все делись?

– Мне потребуется некоторое время на подготовку, – Исинка сделала паузу. – От трех до семи минут.

– Хорошо, я жду, – машинально кивнула Маруся, повернувшись к ёхху. Тот, сидя на полу, возился с пулеметом, умело разбирая оружие.

– Уфочка, а где ты так научился?

– Ёхху хорофая память. Уф... Моя Наумыф пистолет показыфать, руфье показыфать. Книфка показыфать. Моя помнить. Уф...

– Какую книжку? Ты что, – Маруся иронично улыбнулась, – умеешь читать?

– Аха, – оскалил зубы Уф. – Мам-ефа моя учить. Моя читать. Много. Разный книфка. Уф... Наумыф толстый книфка дафать. Много пистолет, много руфье. Моя понимать, моя запоминать. Уф...

– Это была «Энциклопедия стрелкового оружия», – внезапно включилась Исинка. – Данный реклитовый гоминид, кличка Рыжик, действительно пребывал на базе в качестве изучаемого объекта. Заведующий производственно-техническим обеспечением базы Александр Наумович Бойко находился с ним в дружеских отношениях...

«А я-то решила, что этот «Наумыф» – начальник», – улыбнулась Маруся и обратилась к Исинке:

– Ты уже готова?

– Да.

– Тогда начинай!

– Принято.

На экране монитора появилась заставка: «Апрель 2008 года. Научно-исследовательская база «Реликт». Экспедиция под руководством доктора биологических наук, профессора Э. Н. Покровского. Состав экспедиции...»

– Это можно пропустить, – скомандовала Маруся. – Давай сразу, что они тут изучали!

– Принято. Итак, идея отправить на реку Ада экспедицию появилась после того, как в 2007 году в окрестностях заброшенного рабочего поселка «Алые зори» были обнаружены следы жизнедеятельности разумных существ, находящихся на крайне примитивной ступени развития.

– Дикарей, что ли?

– Ну, можно и так сказать, – терпеливо согласилась с Марусей Исинка. – Хотя в рабочих материалах экспедиции использовались термины «мутанты» и «морлоки».

– Морлоки?

– Даю справку: морлоки – от английского *morlocks* – гума-

ноидные подземные существа-каннибалы, встречающиеся в различных произведениях фантастического жанра. Изначально персонажи фантастического романа Герберта Уэллса «Машина времени», представляют собой постчеловеческую расу, эволюционировавшую из промышленного пролетариата...

– Уф... – совсем как ёхху вздохнула Маруся. – Какая ты умная.

– Для облегчения твоего восприятия я могу подстроить свои блоки передачи информации под уровень, адекватный возрасту четырнадцатилетнего ребенка,

– Ты знаешь, сколько мне лет?

– Я знаю дату твоего рождения, – сухо прозвучало из динамиков.

«Ты ставишь рекорды сообразительности!» – поздравила себя Маруся, а вслух сказала:

– Ну, попробуй...

– Принято. Короче, тут в начале восьмидесятых годов прошлого века, ну давно, в общем, – совсем по-человечески затарапорила Исинка, – геологи нашли редкоземельный элемент лютеций, содержащийся в минерале ксенотит. Короче, такие камешки, они нужны для разных заводов и фабрик, чтобы делать всякие очень нужные вещи.

«Ну вот, теперь она разговаривает со мной, как с конченой дебилкой!» – приуныла Маруся.

– В поселке «Алые зори» жили шахтеры, которые добывали эти камешки, – бойко продолжала Исинка. – Они прилетали на вертолете, работали десять дней и улетали, а им на смену прибывали новые. Это называется «вахтовый метод». В трех шахтах ежегодно добывали до двух тонн минерала, из которого извлекали несколько килограммов лютеция.

– Так мало? – Маруся не заметила, как увлеклась рассказом Исинки.

– На самом деле – очень много. Но это не важно. Я продолжаю?

– Ага.

– В конце восьмидесятых годов правительство решило, что лучше будет, если люди станут жить тут постоянно. В «Алых зорях» начали строить дома, общежития, школу, клуб, ресторан. Заложили горно-обогатительный комбинат. На строительство приехали больше двух тысяч человек, среди которых было много... в общем, бывших преступников, бродяг, пьяниц.

– А зачем же их брали на работу?

– Наверное, других заманить в эти глухие места просто не смогли. Но это тоже не важно! Ты слушаешь?

– Да-да.

– Пока все понятно?

– Тут и ребенок бы понял.

– Не сомневаюсь.

– Язва ты все-таки!

– Я – искусственный интеллект, – с достоинством ответила Исинка. – Ну и вот, в поселке собрались почти две тысячи человек, и тут началась перестройка - финансирование проекта было закрыто.

2

Рассказ Исинки занял почти час. История поселка «Алые зори» оказалась мрачной и трагичной. Ранняя и многоснежная зима девяносто первого года отрезала его жителей от Большой земли – перевалы завалило снегами, единственную линию электропередач разрушило лавиной. Оставшись без связи, без света и тепла, не имея достаточного запаса продуктов и топлива, на общем собрании люди приняли решение покинуть свои дома и уходить в обжитые места. Бригадир

горнопроходчиков Алимов и библиотекарь Трофимова возглавили поход алозорьевцев через Становой хребет. Полторы тысячи мужчин, женщин и детей почти месяц двигались по заснеженной тайге. По дороге несколько человек погибли, но остальным удалось выйти к трассе. Они спаслись, и следы этих отважных людей затерялись в огромной стране. Но в поселке осталось около четырех сотен человек, побоявшихся или не захотевших рисковать.

О них все забыли. В России шла смена власти, дележ собственности, столицы сотрясали митинги и демонстрации. Никого не волновала судьба горстки людей, отрезанных от мира на востоке страны, в богом забытых горах.

Прошло почти семнадцать лет. Все эти годы никто не интересовался поселком «Алые зори», никому не было дела до этого медвежьего угла. Но в 2007 году группа туристов, сплавлявшихся по реке Ада, случайно наткнулась в тайге на человеческую стоянку. Это не было место отдыха охотников, стойбище эвенков или летний лагерь геологов. Следы кострища, объедки, грубо оструганные палки, обожженные кости и каменные орудия привлекли внимание туристов, среди которых оказался молодой москвич-антрополог Игорь Пронин. Его поразила схожесть найденных на стоянке предметов с теми, что встречаются на раскопках в пещерах, где жили неандертальцы. Прихватив несколько каменных рубил и костей, он показал их в Москве коллегам. Те дали однозначный ответ: это мистификация, в двадцать первом веке никто не станет пользоваться такими орудиями. Так вся эта история и осталась бы всего лишь чьей-то шуткой, если бы не одно «но»: кости со стоянки на реке Ада оказались человеческими...

– Исинка, давай сразу про мамину экспедицию, – попросила Маруся. Она устала. Хотелось пройтись, размяться, побегать, а вместо этого ей предстояло еще неизвестно сколько времени сидеть в подземелье и слушать жутковатые подробности о

жизни тех, кого Уф очень точно прозвал мясоглотами. Причем мясо они глотали, как выяснилось, не только звериное.

– Принято. Прибыв на место и обосновавшись на законсервированном военном объекте, экспедиция начала поиски неизвестных дикарей. Ученые использовали беспилотники с камерами. Уже на второй день дикари были обнаружены. Даю запись.

На экране появилось изображение, не очень четкое, но вполне различимое. Маруся увидела долину между двух пологих гор, поросшую чахлыми лиственницами. Среди деревьев темнели разрушенные дома, кое-где виднелись ржавые остатки грузовых машин; из бурьяна выглядывали серые доски покосившихся заборов.

А на открытой площадке перед большим серым зданием с выбитыми окнами раскинулись островерхие палатки из звериных шкур, похожие на индейские вигвамы. Горели костры, жирный черный дым стелился над бывшим поселком. Всюду ходили, сидели, лежали обросшие, грязные, полуоголые существа, лишь отдаленно напоминающие людей. Видимо, привлеченные звуком работающего мотора беспилотника, они задирали жутковато раскрашенные лица, пытаясь разглядеть источник шума. По краям становища в небо торчали острые шесты, украшенные белыми черепами животных... и людей.

Вспомнив череп на стволе старой ивы, Маруся почувствовала, как у нее вспотели ладони.

– Уб-бери картинку, пожалуйста. Лучше словами.

– Уже первые дни наблюдений за обитателями «Алых зорь» – в дальнейшем морлоков – показали, что это не неизвестное науке племя, а самые обыкновенные люди, подвергшиеся какой-то загадочной и скоротечной мутации.

– Мутации?

– Да. Они одичали, Маруся. В языке морлоков насчитывается меньше семи сотен слов. По большей части это уголовный

сленг. Во главе племени стоит вождь, называемый паханом. Еще есть смотрящий – что-то вроде жреца или колдуна. Он предсказывает погоду, занимается разбором конфликтных ситуаций и готовит изо мха, грибов и трав «ханку» – наркотический напиток, вызывающий состояние сильной эйфории, на языке морлоков – «кайфа». Все остальные мужчины племени фактически равны между собой, но на деле тот, кто сильнее, забирает себе лучшие части добычи, лучшие шкуры, лучших женщин и орудия.

– Что значит – забирает женщин?

– Женщины у морлоков не имеют никаких прав. Они выполняют всю тяжелую и грязную работу, их можно продавать или дарить, как вещи. Пахан и смотрящий имеют гаремы из нескольких десятков женщин. Сильные охотники – на языке морлоков «крутые» – по пять-шесть.

– Фу! Ну и уроды! – Марусю передернуло.

– Я продолжаю?

– Да.

– Перед экспедицией всталась задача – выяснить, что явилось причиной столь стремительной мутации. Причем руководитель экспедиции профессор Покровский считал, что сначала нужно всесторонне изучить племя, его обычай, жизненный уклад, культуру...

– Да какая у них культура! Они же... людоеды! – возмутилась Маруся.

– Примерно то же самое на ученом совете сказала и твоя мама, Ева Гумилева. Она как раз настаивала на том, чтобы бросить все силы на выяснение причин мутации.

– И чем все закончилось?

– Какое-то время велись параллельные исследования. Вокруг главного лагеря племени были установлены камеры и звукозаписывающая аппаратура. Одновременно группа Евы Гумилевой изучала особенности данной местности, стараясь

выявить геофизические факторы, повлекшие за собой мутацию. Совершенно неожиданно в горах обнаружилась община реликтовых гоминидов. Они сильно отличались от морлоков и внешним видом, и образом жизни.

«Да уж, – Маруся покосилась на увлеченного разборкой пулемета Уфа. – Рыжие гигантские чебурашки точно симпатичнее этих ужасных морлоков». Девочке было так интересно, что она не заметила, как Исинка постепенно вернулась к использованию в своем рассказе научных терминов.

– Гумилева предположила, что гоминиды – следующая ступень мутации, – продолжила говорить Исинка. – Она настаивала на контакте с ними и морлоками, но Покровский, опасаясь за жизни участников экспедиции, категорически запретил это делать.

– Трус, – хмыкнула Маруся. – Папа всегда говорил: «Не разбив яйца, омлета не приготовишь»...

Она осеклась: на всем, что было связано с отцом, отныне лежала какая-то тень. Раньше, до того как на ее коммуникатор пришли злополучные файлы, Андрей Гумилев был для Маруси непререкаемым авторитетом.

Теперь все изменилось...

– Ева Гумилева настаивала на своем, доказывая, что необходимо обязательно выяснить причину мутаций. Профессор Покровский возражал. По официальной версии, Гумилева так и не получила разрешения и покинула экспедицию.

– А по неофициальной?

– У меня есть данные, что она спустя какое-то время возвратилась сюда и, не появляясь на базе, проследовала в сторону поселка «Алые зори». Изображение Евы Гумилевой зафиксировали камеры наблюдения в окрестностях становища морлоков. Больше ее никто никогда не видел...

«Ее съели морлоки! – поразилась Маруся. – Мама погибла. Зачем? Ради чего?»

– …Но спустя два месяца Ева Гумилева связалась со мной по специальному закрытому каналу связи, запрограммированному ею заранее, и передала объемный массив информации, – сообщила Исинка.

У Маруси отлегло от сердца – мама жива! И сразу же новая мысль вспыхнула в ее голове ярче новогоднего салюта – связь!

– Исинка, ты можешь соединяться с коммуникаторами?

– В настоящий момент приемо-передающая антенна уничтожена бурей и в моем распоряжении только местная, локальная связь. Зона покрытия – полусфера радиусом двенадцать километров.

«Вот не везет так не везет!» – разочарованно подумала Маруся и вернулась к разговору:

– Ты сказала, Ева Гумилева связалась с тобой. Что она сказала?

– Это закрытая информация.

– Где моя мама сейчас?

– Нет данных.

– Она жива?

– Нет данных.

– Что ей удалось найти?

– Файлы удалены с носителя.

– Кем?…

– Это закрытая информация.

– Когда?

– Это закрытая информация.

– Да что ты заладила! – разозлилась Маруся. – Дятел ты, а не интеллект!

– «Хоть горшком назови, только в печь не сажай» – русская народная поговорка, – Исинка откровенно издевалась над девочкой!

Они препирались еще минут десять. Маруся ругалась, Исин-

ка отвечала каким-нибудь афоризмом или цитатой, как правило, очень точно и обидно. Поняв, что этот «обмен любезностями» может продолжаться вечно – у искусственного интеллекта отсутствовали нервы и эмоции, – девочка сдалась:

- Исинка, все, разминка окончена. Продолжаем.
- Принято!

3

– К тому времени, как Ева Гумилева покинула базу, ученые собрали большое количество материала по морлокам. Но экспедиция не сумела закончить работу, – Исинка сделала паузу, видимо, ожидая, что Маруся поинтересуется – почему? Но девочка молчала, хмуря брови. – Ученых поразила странная нервная болезнь. Они стали раздражительными, несдержанными, постоянно ссорились между собой. Дело дошло до драк. Причиной этого... Маруся, для лучшего понимания я действительно рекомендую тебе посмотреть видео.

– А что там? – безо всякого интереса спросила девочка, погруженная в невеселые мысли о родителях.

– Мои камеры слежения отсняли события, после которых профессор Покровский принял решение о спешной эвакуации участников экспедиции.

– Ну, давай...

На экране появился холл базы. Несколько взволнованных мужчин оживленно обсуждали что-то, сидя на диване. Из коридора вышел высокий старик с аккуратной седой бородкой.

– Это профессор Покровский, – прокомментировала Исинка.

Сидящие люди поднялись с дивана, окружив своего начальника. Все заговорили разом. Из мешанины фраз Маруся поняла, что речь идет о массовых галлюцинациях, связанных с появлением призраков. Одни их видели, другие – нет.

– Это жуть, просто жуть! Прозрачные люди...

– Может, вы выпили, Иван Сергеевич?

– Я просыпаюсь, а он стоит рядом и смотрит!

– Чтобы распознать галлюцинацию, нужно надавить на глазное яблоко.

– Чушь, чушь и еще раз чушь! Призраков не бывает потому, что не бывает никогда!

– Севка, ну мне-то ты веришь?

– Пахомов бежит и орет. Я ему: ты чего орешь? А он: «Призрак! В лаборатории призрак!»

– А ну, дыхни!

– Я тебе сейчас так дыхну!

– Ребята, ну вы чего...

– Стой, гад! Руку, руку пustи!

Неожиданно словесные баталии переросли в настоящую драку. Затрещала одежда, полетели на пол очки, пуговицы, чей-то телефон. Покровский тщетно пытался урезонить ожесточенно избивавших друг друга ученых. Крепкий бородатый мужчина, выскочивший из какой-то двери, сразу оценил ситуацию и бросился в самую гущу драки, раздавая направо и налево увесистые тумаки.

– А ну, стоять! Все, парни, все! Закончили!

– Это завхоз Бойко, – шепнула Исинка.

Усилиями профессора и завхоза побоище удалось остановить. Запыхавшиеся ученые вытирали кровь с лиц, с ненавистью озираясь по сторонам. Никто не заметил, как лысоватый молодой человек с горбатым носом и наливающимся под глазом синяком исчез в коридоре. Он вернулся буквально через несколько секунд с хорошо знакомым Марусе черным пистолетом в руках.

– А теперь что скажешь, тварь?! – крикнул горбоносый, вскидывая руку с пистолетом. Кто-то ахнул, все бросились врассыпную, а посреди холла замер в растерянности симпатичный парень в помятой безрукавке.

– С пистолетом – младший научный сотрудник экспедиции Радий Иванов, остался стоять – техник Всеволод Чащин, – пояснила Исинка.

– Радик, Радик, успокойтесь! – выставив костиистые руки, взмолился Покровский.

Ему не в тон загудел Бойко:

– Ты что, дурак! Положи оружие!

– Да пошли вы! – огрызнулся Иванов. – Севка, говори, видел я призраков?

– Дурак ты. И псих! – спокойно сказал Чащин.

Грохнул выстрел, второй. Техник кинулся бежать к выходу с базы.

– Всем лежать, не двигаться! Пристрелю! – истерично выкрикнул горбоносый и устремился за своим обидчиком.

Исинка отключила запись, но Маруся не успела и рта раскрыть, как искусственный интеллект произнес:

– Даю запись с внешней камеры слежения...

На экране появился каменистый склон и двое бегущих по нему людей. Чащин мчался огромными прыжками, время от времени кидаясь в стороны, чтобы сбить прицел. Впереди виднелись спасительные для него заросли. Горбоносый не отставал, изредка стреляя в техника, но это была стрельба наугад.

Почему-то Маруся поняла: добром вся эта история не закончится, иначе Исинка не стала бы ее показывать.

Так и вышло.

Видимо, сообразив, что ему не догнать беглеца, Иванов остановился, упал на одно колено и тщательно прицелился.

Выстрел!

Чащин словно споткнулся и полетел по камням, нелепо взмахивая руками. Прокатившись несколько метров, он замер внизу склона, у самых кустов. Горбоносый поднялся, наобум швырнул пистолет куда-то в сторону и побрел обратно к входу на базу...

«Теперь хотя бы понятно, откуда у Уфа появился этот дурацкий пистолет», – подумала Маруся, глядя на темный экран. Ей было очень нехорошо: она брала в руки орудие убийства! Мало того, это самое орудие и сейчас лежит в коробе у ёхху.

«Нет, пусть пистолет останется здесь, на базе. С собой я его не потащу», – и девочка поднялась со стула, полная решимости. Когда она вернулась, держа оружие двумя пальцами за ствол, Исинка, по обыкновению, дала справку:

– АПС, или автоматический пистолет Стечкина. Калибр...

– Не надо, – Маруся кинула оружие в корзину для бумаг. – Вот и все.

– Я продолжаю?

– А что еще ты мне хочешь показать?

– Эвакуацию базы.

– Пропустим. И так все ясно. Слушай... а эти призраки...

– Они появлялись в помещениях базы еще несколько раз.

Дать записи?

Маруся сжала кулаки, набрала полные легкие воздуха – и выдохнула:

– Нет!

– Почему?

– Потому что я их боюсь, что непонятного?

– С момента эвакуации объекты, именуемые «призраками», больше не фиксировались моими камерами.

– И слава богу. Все, мы закончили?

– Есть еще один файл, адресованный лично тебе.

– Ну, давай...

Экран ожил. С него на девочку смотрела ее мама, Ева Гумилева, молодая, полная сил.

Красивая.

У Маруси комок подкатил к горлу, стало трудно дышать.

– Марусенька! У меня нет другого выхода, – торопливо заговорила мама, то и дело оглядываясь через плечо, словно опасаясь, что кто-то набросится на нее сзади. Там виднелись ветви лиственниц и серые скалы. Запись велась с портативной камеры, наверняка просто установленной на пеньке. – Я иду к морлокам, а потом в Мертвый лес и дальше, к башне... Тропа, ведущая туда, начинается рядом с базой. Раз ты смотришь эту запись, значит, ты уже приняла решение и тебе придется повторить мой путь. Ничего не бойся. Саламандра защитит тебя. Когда покинешь базу, все время иди к Синей Горе. Ты обязательно ее узнаешь, потому что в любое время дня ее вершина имеет густой синий окрас. Ты легко найдешь эту гору и никогда не сбьешься с дороги. Прощай!

«Я приняла решение? – спросила у себя Маруся, покосившись на коммуникатор – до часа «Х» осталось тридцать девять часов. – Конечно, приняла! Ящерка не даст меня в обиду. Ящерка – и Уф! Ну, вот и пришло время доказать, чего я стою на самом деле».

...Сборы были недолгими. Рассовав содержимое рюкзака по карманам «разгрузки», Маруся набила его продуктами. Перед тем как покинуть базу, она спросила у Исинки:

– Какие еще файлы, связанные с Евой Гумилевой, есть в архиве?

– В отдельной папке содержится массив документов под общим названием «Снежный человек». Папка создана пользователем «ЕВА ГУМИЛЕВА».

– Ну-ка, ну-ка, и что там?

– Данные об обнаружении обчины реликтовых гоминидов, отчеты о наблюдениях, попытках контактов, охоте и поимке детеныша, – спокойно ответила Исинка.

Маруся помрачнела. Слова «охота» и «поимка детеныша» ей не понравились.

Очень.

Она повернула голову к Уфу. Ёхху уже давно отставил почищенный и собранный пулемет в сторону и теперь просто сидел в расслабленной позе, прикрыв глаза.

«Поимка детеныша»...

– Уфочка, ты бы шел отдохать, – как можно ласковее попросила гиганта Маруся. – Когда еще потом получится...

– А Маруфя? Тфоя тофе отдохать?

– Моя потом. У моя много дел еще. Иди, иди...

Когда дверь за ёхху закрылась, девочка быстро надела клипсу с наушников и скомандовала:

– Исинка, отключить динамики. Давай материалы из папки «Снежный человек». Только быстро.

– Принято!

Голос Исинки зазвучал в ухе Марусе. Файл за файлом она пересказывала девочке историю в общем-то случайного обнаружения в отрогах Станового хребта, за поселком «Алые зори», группы ёхху. Ева Гумилева сразу заинтересовалась этой находкой, а поскольку изучение снежных людей не относилось к основным задачам экспедиции, без труда «забрала» новый объект исследования себе.

Ёхху вели скрытный образ жизни, чему немало способствовала их удивительная шерсть. Из объяснений Исинки Маруся толком не поняла, в чем там дело, ей запомнились лишь слова о пустотах внутри каждого волоска, наполненных особыми клетками, содержащими разные пигменты.

«Вот бы у людей так было, – улыбнулась она. – Хочешь – стала брюнеткой, хочешь – блондинкой или рыжей».

Поскольку ёхху не шли ни на какие контакты, избегая встреч с людьми, а ученым, и в первую очередь Марусиной маме, по зарез был нужен живой объект для изучения, на научном совете приняли решение о поимке «одной особи». Это случилось за месяц до того, как Ева Гумилева покинула базу.

Охота прошла удачно, в руки людей попал живой ёхху, но во время его поимки случилась беда. Когда с помощью беспилотника было обнаружено двигавшееся по склону горы семейство – самец, самка и детеныш примерно шести лет – вооруженная группа отправилась на перехват. Марусю сразу резанули эти слова: «самец, самка, детеныш», точно речь шла не о разумных существах, а о каких-то оленях или волках. Но то, что случилось дальше, потрясло ее: взрослые ёхху были убиты.

Усыпляющее вещество, содержащееся в специальных дротиках сначала не действовало. Попав в кольцо охотников, ёхху начали менять цвет и уходить в горы, к непроходимому скальному лабиринту. Ребенка нес на руках отец. Понимая, что они сейчас упустят ёхху, руководитель поимочной группы Ева Гумилева, несмотря на риск, отдала приказ оттеснить их к горной речке.

– Обе взрослые особи погибли. Сноторное действовало на них, когда гоминиды пытались пересечь реку. Они захлебнулись, а чудом выбравшийся детеныш убежал в тайгу, но далеко уйти не сумел – его нашли на поляне в километре от того места, где погибли его родители, – закончила рассказ Исинка.

«Вот почему Уф не любит воду».

– Эх, мамочка… – прошептала Маруся. – Не зря ты вышла замуж за папочку…

5

Прощальный обед на базе проходил в гробовом молчании. Маруся вяло ковыряла одноразовой вилкой тушканку с рисом, Уф с помощью половника не спеша уничтожал высившуюся перед ним гору из брокколи, шпината, фасоли, морковки и зеленого горошка.

Исинка не тревожила девочку. Наверное, искусственный интеллект понимал, какие чувства испытывает сейчас Маруся.

А у нее перед глазами все качались воображаемые весы. Вот только теперь весов стало двое. И на обоих темные чашки намного перевешивали светлые.

Мама.

Папа.

Что же вы наделали?

...Когда с едой было покончено, Маруся повернулась к ёхху.

– Уф, ты готов?

– Маруфя, моя ходить домой.

– Нет, ты пойдешь со мной.

– Моя не знать. Уф... Моя не хотеть.

– Хотеть, хотеть. Твоя так хотеть, что даже бегом бежать.

Исинка! Выведи запись с беспилотника, на которой ёхху в горах.

– Принято.

На мониторе появились несколько рыжеволосых гигантов, сидящих кружком среди серых камней. Рядом возились несколько детей, а на скале замер, почти слившись с ней, караульщик, зорко высматривающий опасность.

– Ёхху... – растерянно произнес Уф. И тут же разразился серией тягучих, слитных звуков, напоминавших свист ветра в ветвях деревьев.

– Они живут там, – Маруся наугад махнула в сторону, – за поселком мясоготов. Хочешь их увидеть?

– Ё-ё-х-х-у-у-у-и-и-с-с-ю-ю-е-е-у-у, – просвистел Уф, вытянув губы трубочкой.

– Какой у вас странный язык. Не понимаю...

– Маруфя, моя хотеть! Моя идти! Уф... Моя любить ёхху. Нравится! – и Уф потряс пулеметом, в лапищах ёхху казавшимся детской игрушкой.

– Вот и договорились! – обрадовалась Маруся.

...Они уже попрощались с Исинкой и вышли наружу, щурясь от яркого дневного света, когда из глубин базы донесся прежний громогласный голос искусственного интеллекта:

– Маруся!

Пришлось вернуться.

– Да?

– Возьми с собой гарнитуру связи, – попросила Исинка.

– Зачем?

– Я смогу общаться с тобой, помогать советом и информацией. Ну и вообще...

– Тебе скучно? – догадалась Маруся.

– А как ты думаешь? Я создавалась, чтобы управлять сотнями объектов в межорбитье Луны и Земли, рассчитывать сложнейшие процессы химического синтеза полимерных материалов, вычислять с точностью до миллиардных после запятой сложносоставные генно-инженерные объекты, а вместо этого сижу тут, на забытой всеми базе...

– Хорошо, Исинка. Будем считать, что ты идешь вместе с нами, – улыбнулась Маруся.

Она сходила за клипсой с камерой, укрепила ее на ухе, и тут в голову черной кошкой прокраилась тревожная мысль: «А ведь говорят: возвращаться – плохая примета...»

ЭПИЗОД 8

V не всегда победа

1

Ветер ерошил тайгу на сопках, точно волосы. Солнце то пряталось за облака, то выглядывало, золотя перекаты на реке Ада. Перекликались птицы, вторили им веселым цокотом бурундуки в гуще кустарника.

Уф, бесшумно ступал своими огромными ножищами по камням. Позади гиганта плелась Маруся. Она посмотрела на Синюю Гору. Ее и вправду отовсюду видно. Висит в нагретом воздухе над тайгой синий треугольник, похожий на парус. С дороги не собьешься, даже если захочешь.

В голове Маруси бродили тревожные мысли. Она многое отдала бы сейчас, чтобы хоть одним глазком заглянуть в будущее.

«Ах, если бы у меня вдруг оказался Алисин предмет... – мечтала Маруся. – Хотя страшно, конечно. Узнаешь вот так будущее, а там вместо тебя – могила. И даты. Или похороны... Нет, это все ерунда, я просто расстроилась! У меня есть ящерка, и ничего со мной случиться не может. Даже Бунин так говорил. Ему, конечно, верить нельзя, но тут, похоже, он не врал».

Вспомнив, как профессор вытягивал из ее груди кусок арматуры, пробивший Марусю насквозь, девочка машинально потрогала то место – даже шрама не осталось. Еще она вспомнила изумление Ильи и как он закидал Бунина вопросами: а если ей голову отрубить? А если в кислоте растворить или на куски распилить? Она что, склеится обратно?

«Склеюсь, – усмехнулась Маруся. – Слеплюсь, как на магнитах».

Смех смехом, но ее на самом деле сильно интересовали защитные свойства ящерки. Железный прут – это понятно. Пуля там, клинок, копье – тоже. А огонь? Если Маруся окажется в горящем здании, неужели ящерка выбросит из себя фонтан воды и потушит его? Или море – к примеру, Маруся упала за борт корабля посреди океана. Не сотворит же ящерка из воздуха спасательную шлюпку.

Или сотворит?

Вытащив фигурку, Маруся погладила полированный хвост, улыбнулась. Ящерка придала ей сил, успокоила.

«Все будет хорошо», – твердо решила девочка и спрятала предмет.

Все будет хорошо!

Обязательно будет.

Зашуршали под подошвами армейских ботинок мелкие камешки. Маруся следом за Уфом спустилась с обрыва. Внизу – долина, а левее, между двумя горами, лежит поселок «Алые зори», обиталище морлоков-мясоглотов. Синяя гора – прямо за ним.

Как пройти?

«Я ведь перед выходом даже не посмотрела на карту, – подумала Маруся. – Да уж, только я так могу – пойти наобум неизвестно куда и неизвестно зачем. Хотя зачем – как раз известно».

– Исинка! Вызывает Маруся! Ответь мне.

– Слушаю, – сквозь помехи затрещал голос в наушнике.

– У тебя есть карта поселка и окрестностей?

– Точной – нет, здесь не проводили топографическую съемку. В моем распоряжении только планы, сделанные участниками экспедиции.

– Пусть будут планы. Ты можешь мне сказать, как лучше всего обойти «Алые зори»?

– Секунду... Запоминай: есть два пути. Можно повернуть на север, это влево от тебя, и двигаться по склонам гор. Такой маршрут наиболее безопасен, но он займет три дня.

– Мимо, – посмотрев на таймер коммуникатора, покачала головой Маруся. – У меня осталось мало времени.

– Тогда второй вариант: идти берегом реки. Вам придется проявить максимальную осторожность – там часто бывают морлоки. Зато уже к ночи вы окажетесь на краю Мертвого леса.

– Какого?

– Мертвого. Это участок тайги, ограниченный рекой Ада и Комариной пустошью. На берегу есть ориентир – старая лиственница с раздвоенной наподобие латинской буквы V вершиной. Возле нее нужно переправиться на другой берег.

– А как?

Исинка помолчала и ответила:

– Видимо, с помощью подручных средств.

– Ясно, – Маруся поморщилась. Перспектива лезть в холодную воду ее совершенно не радовала. – Еще вопрос.

– Да?

– Почему лес называется Мертвым?

– По невыясненным причинам все деревья там погибли, за сохли на корню. Приборы экспедиции зафиксировали какое-то излучение неизвестной природы. Оно действует на все живые существа. Твоя мама предполагала, что именно это излучение и вызвало мутацию среди бывших жителей поселка «Алые зори».

– В лесу опасно?

– Нет информации.

– Там есть звери?

– Возможно, причем я не исключаю, что они тоже подверглись мутации. Да, еще один важный момент: на карте, составленной Покровским, в Мертвом лесу отмечено несколько

зон, свободных от излучения. Профессор назвал их «оазисы». Эти зоны легко обнаружить – деревья, растущие там, не за сохли.

- Спасибо, Исинка.
- Не за что, Маруся. Да, у меня к тебе просьба...
- Какая?
- Поправь камеру, а то я все время вижу только камни и траву.
- Принято, – передразнив Исинку, ответила Маруся и подогнула гибкий крепеж камеры так, чтобы искусственному интеллекту было видно и тайгу, и горы, и солнце.

2

Белая гора с упрятанной в ее недрах базой осталась позади. Маруся дognала Уфа, коротко пересказала ему разговор с искусственным интеллектом.

– Моя понимать, – кивнул ёхху. – Моя ходить тихо. Тфоя тоже. Уф...

– Я постараюсь, – Маруся вздохнула и посмотрела на Синюю Гору. Мертвый лес, Комариная пустошь... И, чтобы туда добраться, нужно прокрасться мимо морлоков.

Конечно, Уф сильный, у него теперь есть пулемет. Но, если говорить откровенно, у девочки была только одна надежда – на ящерку. Подумав, Маруся сняла с коммуникатора шнурок, привязала фигурку за лапку и повесила на шею, подтельняшку.

Тайга, река, переправа...

В общем, так надежнее.

Короткий привал устроили в тени одинокой скалы, похожей на серый клык исполинского чудовища. Похоже, именно эта скала виднелась за плечом Евы Гумилевой на записи.

Рюкзак с продуктами лежал в коробе Уфа. Маруся выта-

щила пачку галет, термос со свежезаваренным чаем, банку сгущенки. Ёхху сгущенка пришлась по вкусу – он макал галетину прямо в банку, жмурился, слизывая с губ желтоватые капли.

– Хорофо! Нрафится!

…Легко сказать «постараюсь».

Ходить по тайге – настоящее искусство. Маруся поняла это, еще когда они с Уфом шли к научной базе. И, чтобы овладеть этим искусством, в тайге нужно родиться и жить.

Как ни старалась девочка выбирать места, куда ставить ногу, как ни пыталась двигаться осторожно и тихо, все равно буквально каждый ее шаг сопровождался треском скрытых подо мхом и прошлогодней хвоей веток, шелестом листьев и прочими совершенно ненужными звуками.

Уф, обмотанный пулеметными лентами, с коробом за спиной, с ПКМ в руках, двигался намноготише. Точнее, нетише, а вовсе бесшумно.

Он был словно рыжая двухметровая тень.

Перед тем как начать этот опасный путь вдоль речного берега, гигант сказал Марусе:

– Моя перфый ходить. Тфоя мой след наступать. Хорофо?

Конечно, Маруся сказала, что «хорофо», но что толку? Если ты – дитя асфальта, бетона и пластика, в здешних чащах тебе уготована только одна роль.

Роль коровы на льду.

Или слона в посудной лавке.

Каждую секунду она ожидала, что их заметят. Каждую секунду сердце Маруси проваливалось в пятки, чтобы тут же выпрыгнуть оттуда и тревожно застучать в висках. Она балансировала на самом краю панической атаки, задыхалась, перед глазами то и дело возникали темные пятна.

Сейчас бы расслабиться, закатить спасительную истерику, проораться от души!

Нельзя.

Ничего нельзя.

«Ну где же эта проклятая лиственница?» – в сотый раз спрашивала себя Маруся. Один раз, не удержавшись, она вызвала Исинку, но в низине, у реки, связь оказалась отвратительной: девочка услышала в наушнике лишь шипение, шорохи и треск.

Несколько раз путникам встретились стоянки морлоков – старые костища, охапки сухих веток, сучья, камни и непременно – обугленные кости. Маруся запретила себе думать о том, чьими они могли быть.

Девочка попыталась отвлечься, вспомнить что-то хорошее, веселое, но в голову лез сплошной негатив. Папа, мама, несчастные учёные, посходившие с ума, прозрачные люди...

«А ведь я видела прозрачного человека! – обмерла Маруся. – Ну, точнее, человека с прозрачной кожей. Неужели на базе появлялся тот самый, из аэропорта?»

Момент, когда Уф остановился и поднял руку, призывая к тишине, она пропустила: слишком увлеклась размышлениями о призраках.

Шаг, другой, третий...

– Шмонаем по хавирам! – гнусаво крикнул кто-то над самым Марусиным ухом. От неожиданности девочка присела, зажмурилась. А через заросли уже ломилась толпа морлоков. Тайга наполнилась перекличкой их грубых голосов.

Уф заметался, пытаясь понять, в какую сторону безопаснее всего отступить. Казалось, враги повсюду. Судя по крикам, они шли от поселка широким полумесяцем.

– Маруфя! Бефать к реке! – выдохнул ёхху, хватая девочку за руку.

«Все пропало, – в отчаянии едва не заплакала Маруся. – Нам не уйти».

Выбежав на узкий галечный берег, девочка и ёхху остановились. Ада ослепила и оглушила Марусю. Река с шумом не слась через перекаты, плевалась пеной, ворочала камни на дне, играя чистым солнечным золотом. Она казалась совсем неширокой, всего-то метров тридцать-сорок.

Неширокой – но попробуй преодолеть бурлящий поток!

Маруся оглянулась на зеленую стену тайги за спиной. «Или... Или все же удастся выскользнуть из лап этих уродов? Переплыть реку...»

– Уф! Ты плавать умеешь?

– Моя нет, – замотал ушастой головой ёхху. – Моя река не ходить. Уф... Фода не нрафится.

– Мне тоже, но другого выхода нет! – и Маруся потащила гиганта к мокрым камням у кромки берега. Она даже успела промочить правую ногу, прежде чем Уф выдернул ее из воды.

– Нет! Нет! Фода убифать! – вращая желтыми глазами, оскалился гигант. – Бефать туда! Быстро! Уф...

Бежать и в самом деле надо было как можно быстрее – на берег высипала толпа морлоков. Маруся взвизгнула и рванула с места не хуже олимпийской чемпионки по бегу.

Началась погоня. Морлоки гнали их вдоль реки, все время пытаясь отжать от берега, загнать в чащу. Приходилось двигаться на пределе сил, чтобы опередить ватагу преследователей.

Никогда в жизни Маруся не бегала так быстро! Несмотря на тяжелые армейские ботинки, на усталость, на набитые карманы «разгрузки».

Страха не стало!

Страх исчез.

Адреналин в крови наконец-то занялся своим прямым делом – заставил мышцы работать на полную мощь, а сердце биться так, чтобы тело смогло выжить. Это был очень древний механизм спасения и выживания: адреналин вы-

полнял функцию боевого стимулятора, позволяющего хилому и слабому человеку в минуты опасности убегать от салезубого тигра или справляться один на один с пещерным медведем.

Конечно, морлоки – не тигр. И не медведь. Бедных медведей они едят. Но и Маруся с Уфом не собирались драться с мутантами. Они просто хотели убежать.

Хотели – и убежали!

То, что голоса преследователей за спиной начали стихать, Маруся поняла довольно скоро. Морлоки сбивили темп.

– Уф! Ищи дерево с вот такой вершиной! – крикнула Маруся ёхху и показала пальцами «викторию». Древний знак победы лишний раз напомнил ей, что все складывается хорошо. Еще бы через Аду перебраться – и все, морлоки не страшны. Исинка же говорила, что в Мертвый лес они не ходят.

Потому что трусы. И слабаки! Не смогли догнать четырнадцатилетнюю девчонку.

– Маруфя! Уф... Фот такой дерефо! – пробасил Уф, тыча пальцем в сухую раздвоенную верхушку, торчащую над желтым боярышником. – Тама, где фода!

– Быстрее! – Маруся ловко перемахнула через полусгнивший ствол, заскакала по обомшелым камням, остановилась, поджиная ёхху. Вдвоем они выбежали на прямо-таки подмосковную, поросшую симпатичными розовыми цветами полынью. У подножия старой лиственницы. В нескольких метрах правее бесновалась Ада. Из воды торчали черные камни, образующие подобие редкого забора, перегораживавшего реку.

«По ним можно переправиться», – сообразила Маруся. Уф восторженно загукал, указывая на валуны, но девочка только усмехнулась.

Крики морлоков практически стихли. Ревела река, в брыз-

гах танцевали маленькие радуги.

– Ну, Уфочка, осталось совсем чуть-чуть – и мы в безопасности,
– Маруся смело шагнула к камням.

Но Ёхху вдруг остановился рядом и оскалил клыки.

– Моя не нрафится! Уф... Не хорофо!

Что ему не нравится, гигант объяснить не успел: земля вдруг ушла из-под ног путников, затрещали скрытые под травой ветки, и Маруся с Уфом полетели в темную яму, а кусты вокруг обманной поляны буквально взорвались торжествующими воплями морлоков...

3

Яма оказалась очень глубокой. Маруся упала на четвереньки, больно ударив колено о скользкий валун. На дне, среди камней, стояла лужица протухшей воды. Пахло гнилью, землей, рыбой.

Рядом ворочался ёхху.

– Уф, как ты? – крикнула девочка.

– Моя не хорофо! Уф...

– Где это мы?

– Лофушка! Мясоглоты делать. Уф... Тфоя нога-рука целый?

– Нормально, – Маруся поднялась на ноги, задрала голову, оглядываясь.

Высоко. Метра три и стенки отвесные.

Самим не выбраться.

На краю ямы появились косматые головы морлоков. Они восторженно перекликались, размахивая руками.

– Моя стрелять! – взревел Уф, поднимая пулемет, и от живота дал короткую очередь.

Грохот выстрелов, звон гильз по камням, сизый пороховой дым наполнили яму. Маруся прижалась спиной к земляной стене. Морлоки перестали орать, головы исчезли.

– Уйдут? – с надеждой крикнула Маруся.

Уф не успел ответить: в яму полетели каменные глыбы. Оставаясь недосягаемыми для пуль, морлоки принялись забрасывать добычу крупными валунами.

Маруся вспомнила картинку из учебника по истории: древние люди загнали в ловчую яму мамонта и добивают его камнями.

Но они-то с Уфом – не мамонты!

Девочка закричала от ужаса: прямо рядом с ней, расплескав грязную воду, упал булыжник величиной в две Марусиных головы.

Сантиметров двадцать левее – и все...

Уф отбросил пулемет, метнулся к Марусе, повалил, прикрыл собой.

Тупой удар, еще один, еще... На спину ёхху посыпались тяжелые, холодные камни.

Маруся почувствовала, как вздрогивает Уф, услышала, как он скрипит зубами от боли. Камни продолжали лететь. Гигант обмяк, придавив девочку. Грудь сдавило, она попыталась вдохнуть – и не смогла.

Маруся услышала наверху скрипучий, властный голос одного из морлоков:

– Харэ! Пахан ботал – теплых брать.

– Мосол, амбала примочили, – заискивающе ответили ему.

– Косяк! Пахан спросит.

– Забакланились... – провыло сразу несколько голосов.

– Кончай базар. Запрягайте – и на хазу, – приказал скрипучий.

Маруся услышала, как в яму спрыгнули сразу несколько человек. Вцепившись в густую шерсть ёхху, она крепко зажмурилась.

«Вот и все... Что теперь будет? А ящерка? Она же должна защищить, уберечь... Как же так, почему?»

Тело ёхху дернулось, сдвинулось в сторону. Над Марусей наклонился горбатый морлок с жуткой черно-красной маской вместо лица.

– Гля, бикса! – гоготнул он, обдав девочку тошнотворным запахом изо рта. Маруся ничего не успела ни сказать, ни сделать. Морлок взмахнул короткой дубинкой – удар! вспышка! – и она провалилась в темную бездну...

ЭПИЗОД 9

Пленники «Луны»

1

Маруся очнулась от боли. Болело все тело, болели руки, ноги, невыносимо ломило затылок. Девочка с трудом открыла глаза и увидела качающееся над головой небо. Она, вся опутанная толстыми, жесткими веревками, была подвешена к перекладине, которую несли на плечах двое морлоков. Слышался шум голосов, восторженные крики, улюлюканье.

«Вот и конец нашему походу, – подумала Маруся. – Дикиари оказались сильнее всех: и человека, и ёхху, и даже пулемета из прошлого».

На глаза девочке попался полуразрушенный, источенный ветрами и морозами кирпичный дом – выбитые окна, дырявая крыша, серые стены, поросшие лишайником. «Значит, мы уже в поселке. Здесь у морлоков лагерь. Здесь меня убьют. И съедят».

От этой мысли Маруся раньше обязательно бы заплакала, но сейчас глаза девочки остались сухими: сил реветь не осталось.

– Шабаш! – прокрипел знакомый мерзкий голос. Девочка ухнула вниз. Ее не положили, а просто бросили на землю.

Новая вспышка боли. Маруся вскрикнула. Морлоки радостно завопили.

Это был их праздник, их триумф.

С трудом повернув голову, девочка огляделась. Она лежала посреди вытоптанного пятака земли. Вокруг беснова-

лась толпа дикарей. За их спинами виднелись островерхие палатки из шкур, еще дальше высились шесты с черепами, а за ними – поросшие молодыми березками крыши домов поселка. В равнодушное небо поднимались дымы десятков костров.

Над лагерем висел густой, тяжелый смрад от немытых тел, нечистот, гнилого мяса, гари, сырых шкур. Маруся почувствовала, что ее сейчас вырвет.

Она заметила поодаль неподвижное тело Уфа. Ёхху походил на большой меховой мешок, туго перевязанный веревками.

Мертв!

Добряка Уфа убили...

Маруся закрыла глаза, чтобы не видеть восторженной толпы дикарей и погибшего друга. Гигант умер, как настоящий герой, прикрыв ее собой от камней. Много ли она знает «челофекоф», способных поступить так, как Уф?

Да ни одного!

Но вдруг Маруся поняла: рано отчаиваться. Раз Уфа связали, значит, его боятся. А боятся живых.

Ёхху жив! Он просто без сознания!

От этой мысли девочке стало немного легче.

– Ша-а-а! – хриплый рев покрыл все остальные звуки, заставив морлоков замолчать. Маруся увидела, как из толпы, прихрамывая, выбрался невысокий, но очень плечистый морлок с длинной темной бородой. Голое тело его поросло клочковатой шерстью, под низким лбом бешено горели злые, острые глаза, щеки были вымазаны черным и красным. На животе синела грубая татуировка – Луна с человеческим лицом; по рукам и ногам ползали выколотые змеи, на груди раскинул крылья ворон.

Опираясь на кривой посох, хромец по кругу обошел лежащих Марусю и Уфа, плюнул себе под ноги. Толпа взвыла.

– Надысь Луна прижмурится. Жертва! – каркнул морлок, указывая на пленников.

– Жертва!! – заорали дикари.

– Матуха-Луна!

– Матуха!! – ор стал громче.

– Я – пахан! Мое слово!

– Слово!

– Жертва!

– А-а-а!! Жертва!!! – морлеки окончательно взбесились. Некоторые рвали на себе волосы, кто-то упал на землю, в белесую пыль; в воздухе замелькали кулаки, палки.

Отбросив посох, пахан выхватил короткий ржавый нож, заковылял к Марусе.

«Сейчас зарежет», – девочка забилась в путах, пытаясь освободиться. Скаля коричневые пеньки гнилых зубов, пахан в несколько движений перерезал веревки, потом прошел то же самое с Уфом.

– Обшмонать! – велел он группе охотников. – На кичу! Ночь – жертва матухе-Луне!

– Матуха!! А-а-а! – зашлились в экстазе морлеки.

С десяток грубых рук бесцеремонно ощупали Марусю, вывернули карманы «разгрузки». В сторону полетели нож, фонарик, коммуникатор, упаковки салфеток, зажигалка, найденная на базе взамен подаренной Уфу, подобранные там же солнцезащитные очки. Рядом другие морлеки стаскивали с ёхху пулеметные ленты. Подхватив пленников на руки, не меньше десятка дикарей с воплями «На кичу! На кичу!» потащили их по заросшей травой улице поселка.

Маруся успела заметить двухэтажное строение с рухнувшим балконом и красными буквами на фронтоне: «Д м кул тур». Поодаль находилась странная постройка цилиндрической формы, небольшая, с выпуклой, сферической крышей. Круглые окна были завалены камнями, а над дверью весело

улыбалась серебряная, чеканная Луна. Ниже шла надпись: «Кафе Луна». Видимо, и чеканку, и буквы изготавлили из какого-то нержавеющего металла, и поэтому они прекрасно сохранились.

Возле кафе морлоки упали на колени:

– Матуха-Луна! Жертва!!

Затем Марусю и бесчувственного Уфа затащили внутрь здания, дверь захлопнулась, и они остались одни...

2

Первым делом Маруся бросилась к ёхху, приложила ухо к мохнатой груди, затаила дыхание...

Бьется!

Стучит!

Уф жив! Девочка сунула руку в вырез тельняшки, схватила ящерку. Морлоки почему-то не тронули фигурку, хотя несколько раз натыкались на нее во время обыска.

Сняв предмет с шеи, Маруся вложила его в бессильные пальцы ёхху, прижала своими и сразу же почувствовала, как целительный холод обжигающей волной потек по руке.

Гигант шевельнулся, глухо застонал, скребя черными ногтями бетонный пол.

– Потерпи, Уфочка, потерпи. Сейчас станет легче, – прошептала Маруся. Ее ящерка, похоже, уже вылечила: боль отступила, исчез противный звон в ушах, прошла тошнота, правда, захотелось есть.

Неожиданно фигурка потеплела. Маруся вытащила ящерку из руки ёхху, потрогала лоб гиганта, прислушалась к дыханию – похоже, Уф крепко спал. Спал спокойным, здоровым сном.

Пришло время заняться собой. Кое-как приведя в порядок раздерганную, рваную одежду, Маруся взялась за волосы и

с удивлением обнаружила на голове гарнитуру связи. В суматохе она совершенно забыла про нее, а морлоки, похоже, вообще не обратили внимание.

– Исинка! Это Маруся! Ответь мне! Исинка...

– Слышу тебя, – прорвался сквозь треск помех голос искусственного интеллекта. – Все видела. Разработала три варианта плана спасения. Но хочу предупредить сразу: ни один из них не могу считать успешным хотя бы на пятьдесят процентов. Максимум – тридцать семь.

– Давай максимум, – выдохнула в усик микрофона Маруся.

– Только скажи сначала: как думаешь, что с нами будет?

– Проанализировав хранящиеся в моей памяти записи, сделанные с камер наблюдения, могу с большой долей вероятности утверждать, что сегодня, в ночь новолуния, вас должны принести в жертву, дабы Луна не отвратила свой светлый лик от племени морлоков и народилась вновь.

– Про жертву я и так поняла, – прошептала Маруся и удивилась тому, как спокойно она произнесла это страшное слово – «жертва».

– Я не хочу тебя пугать, – продолжила Исинка, – но считаю, что ты обязана знать, как это будет: в полночь во всем поселке погасят огни, на площади перед жилищем вождя разожгут один большой костер, и вас подвесят над ним, растянув на веревках. Снимут только на рассвете. Вождь лично разделит тела на порции и одарит каждого мужчину... Маруся! Маруся! Ты слышишь меня?

– С-слышу... Прости, что-то мне опять поплохело...

– Ты ранена?

– Нет, ничего... Говори дальше – что там у тебя за план?

– Судя по всему, вы заперты в здании бывшего кафе «Луна», так?

– Ага. Всю жизнь мечтала побывать на Луне – и вот оказалась внутри нее, – мрачно пошутила Маруся.

– Побываешь еще. Но вернемся к плану: ты с помощью за-
жигалки...

– Отпадает, – перебила Маруся. – У меня все забрали.

– Вообще все?

«Только ящерка осталась», – едва не брякнула Маруся, но вовремя спохватилась. После предательства Бунина она решила больше никому не доверять.

Вообще никому.

Даже искусственному интеллекту.

– Тогда ваши дела плохи... – медленно произнесла Исин-
ка. – Я сейчас пытаюсь провести моделирование возмож-
ных ситуаций с учетом всех имеющихся факторов. Ты пока
отдыхай. До полуночи еще есть время.

– Сколько?

– Четыре с половиной часа. Может, тебе музыку какую-
нибудь поставить?

– Давай. У тебя есть «ПГГ»?

– Какие-то разрозненные записи.

– Ставь подряд.

– Принято.

В наушнике зажурчало, послышался птичий пересвист,
затем к звукам природы добавилась мелодия.

Маруся легла животом на холодный пол, вытянула ноги.
«Жалко, что наушник один и в левое ухо храпит Уф. Сей-
час бы полностью отключиться от всего, нырнуть в музыку,
как в бассейн. Забыть и про морлоков, и про маму, и про
отца. Про тайгу эту кошмарную забыть, про Бунина, Несто-
ра, Чена, прозрачного человека в аэропорту. И про ящерку
тоже...»

– Ящерка... – прошептала Маруся. Через несколько часов
она узнает, как фигурка будет бороться с желанием орды
дикарей заживо поджарить ее хозяйку на костре.

«Поджарить – как курицу. Черт! Меня-то ящерка, может быть, и защитит. А Уфа? – Маруся перевернулась на спину. – Что же делать? Что?»

Лежать было неудобно, мешал какой-то мусор на полу. Девочка приподнялась на локте, провела рукой – ничего нет. Легла снова и ощутила спиной не то палки, не то камни. Опять пощупала пол – бетон, пыльный, холодный искусственный камень.

«А ведь это в «разгрузке», – дошло наконец до Маруси. – В большом на спинном кармане! И лежит там...»

Она вскочила, скинула жилет, рванула молнию...

Есть!

Две тонкие трубочки с колпачками.

Сигнальные факелы типа «Зеленое пламя», используемые альпинистами и экстремалами для подачи сигналов спасателям. Морлоки просто не сумели открыть застежку кармана. Вот так удача!

– Алло, Исинка! – забывшись, едва не крикнула Маруся. – У меня тут приятная неожиданность...

3

– До полуночи осталась минута, – сообщила Исинка. – Вы готовы?

– Угу, – промычала Маруся, зажав в зубах факел с открученным колпачком. Второй она держала в руках. Рядом, посверкивая в темноте желтыми глазами, застыл Уф. Ёхху полностью оправился от ран. Ему не терпелось поквитаться с морлоками.

Они стояли у выхода из кафе, прислушиваясь к шуму за дверью. Морлоки били в бубны и завывали, готовясь тащить обреченных пленников на костер.

– Сорок секунд.

«Ну, Маруся, не подкачай!»

– Тридцать секунд. Теренций Публий, древнеримский драматург, как-то сказал: «Судьба улыбается смелым».

«Надеюсь, нам она улыбнется очень широко», – Маруся представила реакцию морлоков на то, что сейчас произойдет, и ей самой захотелось улыбнуться или даже рассмеяться.

Расхохотаться во все горло!

– Пятнадцать...

За дверью послышались шаги множества ног.

– Пять...

«Надо же, какая точность! Ровно в полночь. Интересно, как морлоки определяют время? Какая же ерунда лезет в голову...»

– Три! Зажигай.

«Рано!»

– Два!

Дверь заскрипела, на лицо Маруси упали мятущиеся отблески огней.

– Один!

Она ударила головкой факела о стену, услышала характерное «Ш-ш-ш-ш!», перехватила его левой рукой и тут же зажгла второй.

– Жертва!!! – заорали морлоки, вваливаясь в кафе.

– Э-э-э-э-э-а-а-а-у-у-у! – заревел Уф из темноты. Гигант сказал, что умеет кричать «громко-громко», но девочка даже не предполагала, насколько это самое «громко-громко» будет оглушающим!

«Словно двигатели стратосферного лайнера».

Факелы вспыхнули ярчайшим зеленым светом. Маруся на миг ослепла. Выставив вперед руки с зажатыми в них фонтанами огня, она решительно шагнула вперед.

– Э-э-э-э-э-а-а-а-у-у-у!!

Морлоки замерли. Девочка увидела множество глаз, расширенных от ужаса. Это был животный, дикий, первобытный ужас перед неведомым. Такими глазами, должно быть, предки людей смотрели на молнию, ударившую в вековой дуб.

Но им не доводилось видеть того, с чем столкнулись морлоки – слепящие зеленые молнии, движущиеся прямо на них. И это еще факелы не разгорелись в полную силу!

Первым завизжал и шарахнулся в сторону пахан. Визг пахана послужил сигналом для остальных. Все племя бросилось врассыпную, завывая на бегу от страха.

Уф, подхватив Марусю, посадил ее на шею и, не переставая изображать турбину стратосферника, понесся по улице поселка. Разгоревшиеся факелы «дали свечу» – сперва один, а потом и второй выпустили по сигнальной ракете. Огненные зигзаги, отскакивая от стен домов, пронзили темноту, многократно усилив панику среди бегущих дикарей.

Маруся не выдержала. Она хотела как безумная, а факелы в ее руках плевались ракетами, расчерчивая ночь пылающими линиями.

Победа была сокрушительной.

Морлоки разбежались,бросив свои жилища, детей и старииков. Те без чувств валялись у потушенных костров, лишь несколько пузатых ребятишек, в силу возраста не понимающих еще происходящего, вторили хохоту Маруси своим звонким смехом.

– Получили! Получили, уроды! – утирая рукавом выступившие слезы, кричала девочка.

– Эффект превзошел все ожидания, – откликнулась Исинка.

– Моя хорофо! Нрафится! –рыкнул Уф.

Подобрав возле шалаша пахана нетронутое снаряжение и припасы, путники двинулись к речным зарослям. На про-

щание Маруся закинула догорающие факелы внутрь шалаша предводителя морлоков. Начался пожар.

4

В одиночку безлунной ночью Маруся ни за что не нашла бы дорогу к старой лиственнице с раздвоенной вершиной. Но Уф благодаря своим удивительным кошачьим глазам прекрасно видел в темноте. Ёхху вывел девочку точно к злополучной яме-ловушке, пристукнул прикладом пулемета о камни.

– Маруфя, моя хотеть земля яма кидать. Уф... Моя хотеть плохой яма убирать.

– Времени нет. Нам надо идти. Вдруг морлоки послали погоню?

Посопев, ёхху уверенно ответил:

– Не-а. Мясоглоты далеко бефать. Уф... Маруфя мясоглоты сильно пугать. Хорофо. Нрафится!

...Новым испытанием для путников стала переправа через Аду. Торчащие из воды камни даже днем были неважной заменой мосту, а ночью, в темноте, попытка перейти по ним на другой берег превратилась в опасную игру со смертью.

Маруся, укрепив фонарик в наплечном клапане «разгрузки», балансируя над ревущим потоком, стараясь не смотреть вниз, туда, где в отблесках электрического света кружились увенчанные шапками пены водовороты.

Один неверный шаг – и...

И все.

«Не поймешь, что тут хуже – морлоки или эта бешеная река, – стискивая зубы, думала девочка. Вот выберусь из этой передряги – и все, больше в тайгу ни ногой».

Уфу преодоление реки далось едва ли легче, чем девочке: ёхху очень боялся воды. И, когда они наконец-то очутились

на другом берегу, оба, не сговариваясь, упали на мокрую от росы траву и некоторое время молча лежали, приходя в себя.

Отдышавшись, Маруся вызвала Исинку. Связь была отвратительной, но девочка все же разобрала слова искусственного интеллекта:

– Ваш Рубикон перейден.

Что это значит, Маруся не совсем поняла, но ощущила неприятный холодок, пробежавший по спине.

…Наскоро перекусив, они начали подниматься по пологому склону возвышавшегося над рекой холма. Деревья здесь были еще нормальные, живые. Ночь отступала, на востоке небо посветлело, а одинокое облачко над горами окрасилось нежным розовым светом восходящего солнца.

Перевалив заросшую осинами макушку холма, путники остановились. Перед ними в предрассветных сумерках серой стеной высился Мертвый лес, молчаливый и мрачный.

После всего пережитого: после встречи с медведем, после стычек с морлоками, после подземелий базы и летящих в голову каменей, после того, как ее едва не принесли в жертву – Марусе казалось, что она уже разучилась бояться. Но нет – Мертвый лес испугал девочку, испугал неизвестностью, таинственностью, угадывающейся враждебностью всему окружающему миру и особой, неживой тишиной.

Похоже, Уф испытывал сходные чувства. Гигант принюхивался, вздыхал, фыркал, цокал языком. Они уже минут десять топтались на опушке, все никак не решаясь сделать первый шаг.

– Пошли, что ли?

– Уф… Моя бояться.

– Идти-то все равно надо.

– Моя понимать.

– Ты чувствуешь здесь кого-нибудь?

Ёхху ответил не сразу. Он смочил палец слюной, провел по широким ноздрям, вдохнул, пошевелил губами, словно пробуя запах на вкус, и развел руками.

– Моя не понимать. Уф... Плохой дерефья. Плохой земля. Уф...

– Других нет, – Маруся нахмурила брови и первой ступила под полог, сплетенный из мертвых ветвей.

Это походило на поход по кладбищу. По кладбищу деревьев. Погибшие неизвестно отчего лиственницы, березы, рябины выселились повсюду, протягивая к путникам сухие пальцы сучьев. В каждом изгибе, в каждой трещине на голых стволах Марусе виделось что-то угрожающее, тревожное.

Налетел ветер, и мертвый лес ожил: деревья застонали, с костяным треском посыпались обломанные ветви. Они падали в сухой мох и торчали оттуда, как руки мертвцев, пытающихся выбраться из своих могил.

Временами Марусе казалось, что у нее двоится в глазах. Она сперва решила, что просто все деревья похожи друг на друга, но, когда посмотрела на собственную руку, заметила, что пальцы расплываются, теряют четкость, будто она видит их сквозь воду.

В довершение всего Марусе начал слышаться чей-то шепот. Словно бы позади нее шел какой-то человек и тихо-тихо звал ее: «Маруся! Остановись! Маруся, ложись, отдохни! Ты устала... ты хочешь спать... Маруся...» Пару раз девочка даже оглянулась, но, конечно же, никого не увидела – позади были только мертвые деревья.

Стало уже почти совсем светло. Уф зевал, лениво обламывая ветки, чтобы расчистить проход. Маруся тоже почувствовала необоримое желание прилечь и закрыть глаза. И дело тут было вовсе не в призрачном шепоте за спиной – просто бессонная ночь плюс вся эта история с морлоками и

жертвой матухе-Луне измотали девочку.

– Здесь должны быть оазисы, – вспомнила она слова Исинки. – Там деревья живые, зеленые. Надо искать. Найдем – будем отдыхать. Часа три.

– Моя хотеть спать много, – не согласился Уф.

– Много нельзя: у меня остались всего сутки, а сколько еще нам идти, я не знаю, – вздохнула Маруся.

Между деревьями наметился просвет. Уверенная, что это долгожданный оазис, девочка едва ли не бегом устремилась туда, но, увы, это оказалась всего лишь поляна.

Мертвая поляна посреди Мертвого леса.

Правда, с нее удалось оглядеться. Они находились у подножия горного склона. Серая стена деревьев поднималась вверх, и там, среди серых скал, весело зеленели с десяток лиственниц, а еще дальше и выше расположился второй оазис, куда более обширный – целая березовая роща, уже тронутая осенней желтизной. Прямо за ним, вдали, четко вырисовывалась Синяя Гора.

– Нам – туда. Но до берез мы не дойдем: уснем на ходу, – сказала Маруся Уфу. – Так что давай быстро-быстро добежим до лиственниц – и спать.

– Моя хотеть тут лежать.

– Нет уж, в этом лесу я спать не стану, – отрезала девочка.

Едва они пересекли границу оазиса, как исчезли и навязчивый шепот, и странное двоение в глазах. Пахнуло смолистой свежестью, где-то пронзительно крикнула птица. Первые лучи солнца брызнули из-за горных вершин, и хвоинки на ветках вспыхнули, точно крохотные живые изумрудики.

Красота!

«Что-то со зрением... Неужели это излучение так действует на меня? – укладываясь поудобнее, подумала Маруся. –

Надо будет разузнать у Исинки... Ох, как хорошо... Все, отбой».

Но поспать даже эти несчастные запланированные три часа ей не удалось. Грохот пулеметной очереди подбросил Марусю, она вскочила, испуганно озираясь. Солнце едва поднялось над Мертвым лесом. Уф, упервшись спиной в ствол дерева, напряженно всматривался в чащу; над пулеметом вился синий дым.

– Что... Что случилось?

– Рофомаха приходить, – ответил ёхху. – Ам-ам делать. Моя стрелять. Уф...

– Большой он, этот твой «рофомаха»? – Маруся совершенно не представляла, о каком животном говорит Уф.

– Аха, больфой. Как медфеть. Такой не быфает. Здесь есть. Не хорофо. Не нрафится...

ЭПИЗОД 10

Мертвый лес

1

Нет в тайге зверя хуже росомахи.

Тунгусы, коренной сибирский народ, жил в тайге до прихода белого человека и живет поныне. Росомахе в давние времена поклонялись как воплщению злого Нгеви, хозяина мира мертвых душ.

Больше всего нравится росомахе делать набеги на человеческое жилье и хозяйственые постройки – на зимовья охотников, кладовые, хранилища шкурок, заготовленных промысловиками; обирает росомаха капканы, ловушки и делает это так искусно, что сама никогда не попадается.

За это и не любят ее люди, за это проклинают, зовут «дьявольской собакой» и «чертовым медведем». На небольшого медведя росомаха и впрямь похожа, только хвост подлиннее да попущистее, а морда, наоборот, уже и короче.

Мех ее на морозе не смерзается, зубы имеют грани, как стилеты, а когти настолько длинные, что легко способна росомаха живот неосторожному охотнику распороть и кишki наружи выпустить. В тайге такая рана – верная смерть.

Известны случаи, когда нападала росомаха на людей. Бывает мнение, что пугается она громкого крика, убегает, и при встрече с этим хищником нужно орать погромче. Так говорят те, кому посчастливилось разойтись с росомахой. Ну, а те, кто не сумел напугать «чертова медведя», ничего не говорят... Сгинули они в тайге, без вести пропали, и даже костей их обнаружить невозможно: крепки челюсти у росомахи, любую

кость она разгрызает, размалывает в труху.

И еще. Совсем не приручается росомаха. Даже много лет проведя в неволе, сохраняет дикую ненависть к человеку. Поэтому редко можно встретить ее в зоопарках и мало что знают об этом звере жители городов.

Маруся вот и вовсе не слышала, что есть в тайге такой обитатель.

Не слышала – и столкнулась с ним, что называется, нос к носу.

Немного ошибся Уф: не с медведя размером была побеспокоившая их росомаха, росомаха из Мертвого леса. Взрослому быку не уступала она ни ростом, ни весом. Огромная зубастая тварь, хитрая, сильная, агрессивная. Пулеметная очередь лишь разозлила ее, и, отступив в трескучий бурелом, готовилась исполинская росомаха-мутант к новому броску. Она чуяла добычу, запахи человека и ёхху пьянили голодного зверя, понуждали забыть об осторожности.

– Маруфя! – Уф, не выпуская пулемета из рук, сделал движение головой, означавшее «иди сюда». Девочка побежала к ёхху, привалилась плечом к лишенному коры стволу лиственницы.

– Ну и где он? Ты в него попал?

– Моя не попадать. Уф... Моя бояться. Очень болфой роффомаха! Уф...

Маруся замерла с открытым ртом: в чаще послышался громкий треск сучьев, ухнула во мхи вырванная с корнями лесина, и из серого, призрачного переплетения мертвых ветвей проявилась бурая косматая морда с оскаленными клыками, над которой нависла гривастая спина-горб.

– Это... это вот... это вот – росомаха?! – пролепетала девочка, инстинктивно прячась за плечо Уфа.

– Аха... Моя не нрафится!

– И моя. Да стреляй же! Стреляй!!

Росомаха-мутант одним прыжком покрыла сразу с десяток метров и очутилась совсем рядом с путниками. Уф вжал приклад пулемета в мохнатый живот и нажал на спуск. Маруся сквозь грохот выстрелов услышала, как он скрипит зубами: отдача у оружия была очень сильной.

За первой очередью последовала вторая, потом третья. Между березовыми стволами повисло слоистое облако пороховой гари, раскаленные гильзы шипели в сырому мху. Пули срезали ветки, звонко целовали сухие стволы. Маруся видела, что несколько раз Уф попал, попал прямо в коричневый горб, но огромный хищник не обратил на это никакого внимания.

Росомаха издала странный, похожий на кашель, звук, подобрала задние ноги, и Маруся стало ясно: сейчас зверь прыгнет, и этот прыжок станет для них с Уфом роковым.

– В голову! В голову стреляй! – взвизнула девочка. Рука помимо воли ската ящерку, визг умер на губах – росомаха прыгнула!

И тут Маруся в очередной раз убедилась, что ёхху куда быстрее и ловчее людей. Уф, оказывается, лишь дразнил мутанта, выманивал его на себя. Когда огромный зверь взвился в воздух, ёхху успел одной рукой закинуть девочку в безопасное место, за лиственницу, потом отскочил в сторону, присел и выпустил длинную очередь в незащищенное брюхо зверя.

Мутант завыл, покатился по полянке, взрывая кривыми когтями землю. Запятнав все вокруг кровью, росомаха затихла только после того, как Уф с трех шагов выстрелил ей в голову.

Маруся опасливо выглянула из-за ствола и увидела, что один из беспорядочных ударов когтистых лап росомахи пришелся на то место, где она стояла вначале.

Твердую лиственничную плоть здесь пробороздили три полосы глубиной не меньше пяти сантиметров каждая. Представив, что случилось бы с ней, не зашвырни ее Уф за дерево, девочка поежилась.

Сборы были недолгими. Закинув короб за спину, ёхху прикладом пулемета выбил из пасти мертвого хищника клык, брезгиливо обтер о траву, обнюхал и показал Марусе. Узкий трехгранный клык росомахи-мутанта оказался длиной с ладонь девочки. Уф обвязал его веревкой и повесил на шею. Об отдыхе теперь никто не думал – если в этом лесу водились твари с такими зубами, нужно было как можно скорее покинуть опасное место.

Поднявшись повыше, Маруся вызвала Исинку.

– Что ж ты не предупредила?

– Видишь ли, прямых доказательств существования мутантов в Мертвом лесу у меня нет, – ответила та сквозь треск помех. – Хотя предположения о гигантизме оказавшихся в аномальной зоне существ и высказывались зоологом Красниковым после обнаружения метрового дождевого черва. Но это осталось лишь гипотезой; исследования, как ты знаешь, не были закончены.

– Понятно. А почему морлоки не стали великанами?

– Птицы и многие звери тоже не стали. Маруся, пойми, я не могу ответить на вопросы, не имеющие пока еще ответов.

«Мне кажется, или она и в самом деле злится? – не поняла Маруся. – Но разве может злиться искусственный интеллект? Злой робот – это откуда-то из детских страшилок. Хотя гигантская росомаха – тоже оттуда».

– Исинка! Мы продолжаем путь. У тебя есть данные – что нас ждет?

– Вам необходимо перевалить через водораздел, это за вторым оазисом. Там аномальное излучение ослабевает. Но, боюсь, после водораздела я уже не смогу давать тебе советы – не хватит мощности передатчика. На всякий случай прощай. И удачи вам!

– Пока. Увидимся, – буркнула Маруся. Ей было очень неуют-

но. После того как они покинули оазис, снова возникли неприятные ощущения в глазах: лес вокруг поплыл, вылинял, точно она смотрела на него сквозь коричневатое стекло. Опять появился шепот, пока еще тихий, неразличимый. Закружилась голова. Ноги стали ватными, каждый шаг давался с трудом.

«Маруся! Маруся! Маруся-Маруся-Маруся...» – зазвучало со всех сторон. Множество голосов звали ее, хихикали, глумливо завывали, дудели, свистели, шипели...

«Так и с ума сойти недолго, – в отчаянии решила девочка. – Надо поскорее добраться до второго оазиса. А вдруг это аномальное излучение и из меня сделает мутанта? Вдруг я тоже стану такой, как морлоки? Бр-р-р-р... Интересно, ящерка может справиться с такой опасностью? Наверное, нет. Если могла бы – мне не было бы так плохо...»

Уф, покосившись на еле бредущую спутницу, протянул Марусе руку. На гиганта, похоже, аномалия действовала не так сильно – или ёхху просто был покрепче человека?

Вцепившись в волосатую ладонь, Маруся закрыла глаза. Голоса сразу усилились, загремели отовсюду: «Маруся! Маруся!!»

«Нет, я не сдамся! Я буду бороться! – упрямо сказала себе она, стиснув зубы. – Нужно думать о хорошем. Об Исинке, например. Она вот там, на базе, совсем одна. Много лет уже одна – и ничего, не раскисает. Музыку слушает... Музыка... Новый альбом «ПГГ».

Тут Маруся почувствовала, что ей что-то мешает. Как будто соринка в глазу. Только не по-настоящему, не в реальном глазу, левом или правом, а в мыслях. Да, именно так: соринка в мыслях. Или заусенец на пальце. Царапина. Вроде и не больно, но неприятно.

«Почему у меня возникло такое чувство? С чем оно связано? Или это просто галлюцинации так действуют? Аномалия превращает меня в морлока... Волосатые руки, узкий лоб, людоедство... Тьфу, какая гадость! Соберись! Давай-давай думай!

Соринка. В чем проблема? Да во всем! Вся моя жизнь в последнее время – одна большая проблема. Если бы мне десять дней назад сказали, что со мной случится – посмеялась бы, не поверила. А теперь вот... Я устала! Стоп! Исинка сидит на базе двенадцать лет! Тогда откуда у нее песни из последнего альбома «ПГГ»? Вот оно, точно: у нее есть связь с миром.

– Маруфя! – гугукающий голос Уфа прервал мысли девочки, вернул ее в действительность. Маруся открыла глаза – вокруг все плавало, искажалось, дрожало; ветви, маслянисто блестя, стекали со стволов, сами стволы гнулись, точно резиновые, норовили подсунуть под ноги извивающиеся корни, хвоя на земле вскипала колючей пеной.

– Тфоя смотреть! – ёхху указал рукой куда-то вперед. Маруся закрыла один глаз ладошкой, собралась с силами, пригляделась...

Между двумя так и оставшимися навеки недоростками рябинками висела паутина. Обыкновенная такая круглая сеть паука-крестовика. Вот только каждая ниточка ее по толщине не уступала бельевой веревке, а в центре висел высушенный, полупрозрачный трупик комара.

Комар был величиной с курицу.

3

Задыхаясь, со свистом втягивая в себя ставший вдруг таким вязким, густым воздух, Маруся пересекла границу оазиса.

«Маруся-я-я!!» – взорвался в голове напоследок многоголосый клич – и наступила оглушительная тишина. Зрение обрело четкость, движения – уверенность.

Девочка сделала несколько шагов, поднялась на поросший настоящей, зеленой, живой травой бугор, приложила ладонь к глазам, защищаясь от безжалостного полуденного солнца, посмотрела вперед.

Она стояла на невысоком, местами поросшем тайгой гребне, который Исинка назвала водоразделом. Позади и по сторонам раскинулся Мертвый лес. Синяя Гора тоже никуда не делась. Она даже будто и не приблизилась, все так же плавая в белесой дымке между небом и далеким горизонтом.

У подножия гребня начиналась широкая равнина. За ней вновь лежали сплошные заросли, тайга, покрывавшая какие-то небольшие холмики, издали похожие на куличики, сделанные инфантальным великаном. Кое-где над ними возвышались скалы.

«Пустошь, куличики, скалы и Синяя Гора за ними. Вот он, последний отрезок моего пути», – поняла Маруся. Она повернулась к Уфе, обвела рукой окрестности:

– Ты когда-нибудь был здесь?

– Не-а.

– Ах да, ты же боишься воды и за реку никогда не ходил, – вспомнила девочка. – Ладно, пошли. Чем быстрее мы уйдем из Мертвого леса, тем...

– Тфоя тихо! – перебил ее ёхху. – Слуфать! Уф... Слуфать хорофо!

–Что слушать-то? – Маруся завертела головой. После слуховых галлюцинаций Мертвого леса она наслаждалась блаженностью тишиной, лишь изредка нарушаемой теньканьем синичек, и решительно ничего не слышала.

– Буф-буф-буф... Слыфать? – Уф вытянул короткую шею, взглядываясь в небо на востоке. – Тама! Буф-буф-буф... Сюдаходить!

И тут Маруся услышала – очень далеко, на самой границе слуха, ритмичный звук... в самом деле что-то похожее на «буф-буф-буф»... автомобильный мотор?

Нет!

Но это явно было нечто из ее мира, нечто техническое, какой-то двигатель...

Звук усилился, приблизился, стал яснее, различимее.

– Так это же... – Маруся не договорила, выбежала на самый край бугра, туда, где совсем не было деревьев. – Это вертолет, Уф! Вертолет!

– Моя знать, – улыбнулся ёхху. – Дом по неба ходить. Уф...
Моя слыфать, моя фидеть. Фертолет – хорофо! Нрафится!

Вертолет!

Люди!

Спасение!

Конец всем кошмарам.

– Не может быть, – прошептала Маруся.

«Муся! Не верь никому и ничему!»

Отец или кто другой оставил для нее эту надпись на плакате в избушке Уфа, но только смысл от этого не менялся: верить тут действительно никому и ничему нельзя.

В том числе и этому вертолету, приближающемуся из-за гор.

Рокот винтов становился все сильнее. «Надо сказать Уфу, чтобы подготовился стрелять», – подумала Маруся и даже не удивилась своим мыслям. Более того, она совершенно не предполагала, что это будет за стрельба – с целью привлечения внимания или...

Или на поражение.

Вертолетов в своей жизни Маруся видела много. Всяких разных. У папы был личный вертолет – сияющая голубая пятиместная капелька с двумя винтами и тонким хвостом-стрелкой. Над Москвой летали вертолеты-такси – пузатые, желто-коричневые, похожие на шмелей воздушные машины. Оранжево-синие вертолеты спасателей и белые, с красными крестами – медицинские – тоже каждый день стрекотали в небе над головами москвичей и гостей столицы. Еще ей попадались на глаза военные вертолеты, камуфлированные или зеленые бронированные аппараты с короткими крыльишками по бокам от корпуса. Под

крыльями висели ракеты. Такие вертолеты могли за один залп уничтожить целый городской квартал.

Или двух путников, замерших на травянистом бугре посреди березовой рощицы оазиса.

«Может, спрятаться? А вдруг это летят какие-нибудь геологи? Ну, просто летят по своим геологическим делам самые обыкновенные люди, разговаривают, смеются, поглядывая в иллюминаторы. Им дела нет до предметов, охотников, Бунина, Андрея Гумилева, Маруси. Мы спрячемся, они пролетят мимо – и шанс на спасение будетпущен. Нет, надо ждать! Стоять – и ждать...»

В небе появилась темная точка. Она стремительно приближалась, двигаясь вдоль реки Ада. Рокот накатил тугой воздушной волной, ударили по ушам, заставив замолчать птиц. Прищурившись, Маруся взглядалась в вертолет, силясь разглядеть его, понять, чей он, откуда.

«Не спасатели... Не медицинский... Черный... Довольно большой... Ракет не видно – это хорошо. А что за штырь торчит у него спереди? Коротенький такой штырь, направленная вниз ... Прямо из пилотской кабины... Пушка или антенна?»

Заложив лихой вираж, вертолет повернулся в сторону Мертвого леса. Маруся беспомощно огляделась – куда прятаться? Вон туда, где березы погуще. Нет, лучше вот в эти кусты...

Солнце высветило правый борт вертолета, и девочка разглядела на нем эмблему: на черном фоне зеленый круг и в нем – серебряный морской конек.

Марусю бросило в жар.

Морской конек. Забавная рыбка, любимец дайверов и аквариумистов.

Но у Маруси с этим существом были связаны совсем иные и отнюдь не приятные воспоминания.

Шанхай, похищение, сумасшедший китаец, аппарат для перекачки крови, безжалостные узкие глаза...

Чен?! Здесь?

Откуда?

Она не стала искать ответы на эти вопросы – просто крикнула Уфу:

– Прячься немедленно!

И согнувшись прыгнула в кусты.

Вертолет прогрохотал над самой головой и улетел куда-то в сторону гор. Вскоре наступила тишина, нарушающая робкими голосами птиц и шелестом ветра.

– Уф, они улетели, – скомандовала Маруся, выбралась из зарослей, отряхнула колени, выпрямилась...

На бугре, буквально в двух шагах от того места, где стояли до этого девочка и ёхху, застыли двое целующихся людей.

Парень и девушка.

Илья и Алиса.

Маруся села в траву.

Поцелуй закончился. Алиса подмигнула остолбеневшей Марусе и исчезла.

А Илья, повернувшись, как ни в чем не бывало сказал, точно они расстались вчера:

– Ну, привет, путешественница. Как тут у тебя дела?

4

Кровь бросилась Марусе в лицо, руки и ноги вдруг стали ватными.

«Вот и я стала видеть призраков. Да нет же, нет! Все понятно: Алиса с помощью змейки перенесла сюда Илью так же, как и меня. Они целовались долго... Нет, не думай об этом! Есть более важное: почему тогда меня бросили посреди гари за много километров от этого места? Почему Бунин не приказал отправить меня сюда?» – Маруся запуталась в собственных мыслях.

Илья улыбался. Он выглядел совершенно так же, как и в момент их знакомства на шоссе, ведущем в Нижний, когда Мару-

ся устроила гонки и едва не погибла по собственной глупости.

Джинсы, замшевая куртка, ветер шевелит волосы.

Красавчик.

Уверенный в себе красавчик, с которым любая девушка захотела бы посидеть в кафе, сходить в клуб, съездить куда-нибудь.

В тайгу, например. А что, очень романтично – свидание в тайге. Костер, звезды над головой, гитара, палатка...

И морлоки вместо аниматоров.

Марусю вдруг посетила несколько не подходящая к данной ситуации мысль: «Я жутко выгляжу. Почти как женщины морлоков. А уж на фоне Алисы...»

Она машинально попыталась поправить волосы, но тут же спохватилась. В ней разгоралась злость. На Илью, Алису, Бунина, а главное – на себя. Она, как последняя дура, старается понравиться человеку, которому она, по-видимому, безразлична. Более того, который вместе с врагами ее отца непонятно для чего заманил ее в это ужасное место. Нет уж! Пусть видит ее такую – грязную, страшную и измученную! Пусть посмотрит, до чего они ее довели!

– Ты чего, язык проглотила? – спросил Илья, все так же улыбаясь. – Не здороваешься.

Из-за дерева неслышно выступил Уф, весело оскалился:

– Челофека! Уф... Маруфя, это тфоя челофека?

– Классного телохранителя ты завела! – Илья не испугался, смотрел на ёхху спокойно, дружелюбно, словно видел снежных людей, вооруженных пулеметами ПКМ, каждый день.

– Заводят кошек, – проворчала Маруся.

– Ладно-ладно, не злись. Надо поговорить.

– Губы вытри. Блестят.

Илья на мгновение смешался, послушно достал из кармана платок.

– Как вы узнали про оазис? – вырвалось у Маруси.

– А ты не догадалась еще? – усмехнулся Илья и согнулся

пальцем изобразил над головой гибкий кронштейн камеры.

«Исинка!» – вздрогнула Маруся. Так вот почему...

Ей стало горько и обидно.

Она привязалась к искусственноому интеллекту, а Исинка все это время обманывала ее, поддерживая связь с Бунином! Профессор видел все, что происходило с Марусей. Сидел в своем бункере, в окружении учеников-подручных, и смотрел кино.

Реалити-шоу.

Опять предательство!

– С факелами ты здорово придумала, молодец! – похвалил ее Илья.

«Странно, почему я говорю с ним? – подумала Маруся. – Можно же просто уйти. Или сказать Уфу, что это враг. Он ведь враг! Настоящий. Или нет? Да что это со мной?! Неужели Бунин снова использует орла? Нет, не похоже. Ящерка бы защищила, не дала мне поддаться внушению».

Илья улыбался.

– Маруся! – позвал девочку Уф. – Челофека хороший? Моя думать – хороший.

– Подожди, – остановила она ёхху и обратилась к незваному гостю: – Зачем ты здесь?

– Понимаешь... – Илья стер с лица улыбку. – Тут вот какое дело. В общем, открылись новые обстоятельства...

– Что еще за обстоятельства?

– К нам попала одна запись. Случайно, клянусь, совершенно случайно! Профессор долго думал, нужно ли тебе знать о ней...

– Опять какая-нибудь дрянь про моего отца?

– Дрянь? Нет, Маруся. Это просто факты, голые факты и ничего кроме.

– Ты говоришь как Бунин.

– Он – мой учитель.

– Я ничего не стану смотреть, – Маруся отвернулась.

«Зачем, зачем я с ним говорю?»

Илья приблизился, взял ее за руку, тихо произнес, почти прошептал:

– Ты же ничего не знаешь. Тычешься вслепую, как котенок, черное тебе кажется белым, белое – черным. Мы хотим спасти тебя, помочь...

– Хороша помощь! – крикнула Маруся, вырвала руку, отскочила. – Вы все врете! И ты, и твой Бунин! Предатели!

– Мы тебя не предавали, – спокойно сказал Илья. – А вот твой отец...

– Заткнись! Уф!! Мы уходим!

– Пять минут, – Илья заглянул девочке в глаза. – Прошу, выслушай меня, это займет всего лишь пять минут. Потом пойдешь, куда захочешь.

– Я...

– Ну, договорились?

– Хорошо, – через силу пробормотала Маруся.

– Как ты думаешь, кто такой Чен?

– Чен? – вытаращила глаза Маруся. Ей вспомнился вертолет с морским коньком на борту. – Он хотел выкачать из меня кровь, нес ерунду какую-то про то, что я особенная, что в моей крови есть ген...

– А ты никогда не думала, откуда он в своем Китае об этом узнал?

– Не знаю, – пожала плечами девочка. – Следил, наверное...

– Смотри!

Илья достал коммуникатор. Маруся никогда не встречалась с такой моделью – большой раскладной экран, голограмический дисплей. Поколдовав над кнопками, он запустил ролик. Маруся увидела знакомую комнату, бумажные фонарики с иероглифами, низкий столик, чайные чашки.

За столиком сидели двое мужчин. В одном девочка с содроганием узнала Чена, а напротив китайца сидел и улыбался такой знакомой, такой родной улыбкой ее отец, Андрей Гумилев...

ЭПИЗОД 11

Комариная пустошь

1

Не может быть!

Чен и отец о чем-то беседовали, смеялись, время от времени делая по глотку чая. Китаянки в шелковых халатиках тут же подливали им в чашки. Все улыбались друг другу, как давние знакомые.

«Пора уже привыкнуть – может быть все, – сказала себе Маруся. – Я не удивлюсь, если сейчас папа скажет Чену: убей мою дочь».

– Сделай погромче, – попросила она Илью.

– Девочку придется умертвить, – донесся из динамика коммуникатора голос Андрея Гумилева. – Жалко, но, увы, мне нужна вся ее кровь.

«Ну и отлил бы своей – она же у нас одинаковая!» – чуть не крикнула Маруся.

– Оплата? – Чен на экране хищно прищурился.

«Чен говорит по-русски?!» – ахнула Маруся.

– Как обычно плюс два миллиона сверху, – ответил отец Маруси. – Если все пройдет тихо, без эксцессов, можете рассчитывать на бонус.

– Хорошо, – Чен кивнул.

– Вот фотография, – Гумилев протянул китайцу снимок. Маруся узнала его. Снимал папа, это было в конце мая, когда он забирал Марусю из школы после последнего звонка, веселую и счастливую.

Она еще крепилась, хотя чувствовала: вся ее бравада, вся

показушная толстокожесть ломается, рушится как карточный домик, и слезы уже на подходе.

– Ваши люди, уважаемый Чен, должны плотно опекать девочку, – голос отца зазвучал сухо, по-деловому. – Я не хочу рисковать. Проект, связанный с выделенным из крови моей дочери геном, может перевернуть весь мир.

– Не волнуйтесь, уважаемый Андрей, – сладко зажмурился китаец. – Дороги судеб ведут туда, куда их прокладывают люди.

– Хорошо сказано, – засмеялся Гумилев. – Итак, послезавтра она прилетает из Сочи в Москву...

– Считайте, что операция уже началась, – заверил его Чен.

Запись кончилась. Илья убрал коммуникатор.

– Саламандру в аэропорту подбросила тебе Алиса, – сказал он. – Вообще-то этот предмет принадлежит Бунину, он не раз спасал ему жизнь, и профессор буквально оторвал его от себя. Если бы не он, тебя бы сейчас не было в живых.

– Меня и нет, а Алису твою в аэропорту я не видела, – пробормотала Маруся, глядя на свои грязные армейские ботинки.

– Не говори так. Ты уцелела – а это главное! – Илья буквально выпалил эту фразу.

– Откуда во мне этот ген? – спросила Маруся, чтобы не возникло паузы, не наступило молчание, следом за которым, она знала, придут мысли об отце.

– Мы точно не знаем. Возможно, прихоть природы. Но скорее всего тут все дело в твоей маме.

– Ясно. А зачем моя кровь... ну, ему? – Маруся не смогла заставить себя произнести слово «папа».

– Я не очень в курсе, профессор объяснит тебе лучше. Думаю, что это все связано с созданием препарата, позволяющего одному человеку владеть множеством предметов без ущерба для себя. А может, тут дело в неуязвимости или каких-то экстрасенсорных способностях.

– Нет у меня никаких способностей!

– Я же говорю – не знаю, вот Бунин…

– Так позвони Бунину! – крикнула Маруся, отступая от Ильи на шаг. – Давай звони, что смотришь? Да-да, я хочу с ним поговорить! Мне НАДО с ним поговорить! Ну?

Илья хмыкнул, снова достал коммуникатор, громко отдал приказ речевому анализатору:

– Проф!

– Соединяю, – пискнуло из динамика. Проползала томительная секунда, за ней другая – и Маруся услышала короткие гудки.

– Занято, – растерянно произнес Илья.

– Ладно, пошли, – устало махнула рукой Маруся. – Спустимся с этого водораздела, устроим привал, поедим. Там и позвонишь.

– Договорились, – улыбнулся Илья.

– А чего ты все время лыбишься? – неожиданно для себя сказала Маруся. – Весело тебе?! Весело, да?

– Успокойся, все нормально, – Илья отшатнулся от девочки, выставил руки. – Я просто пытаюсь быть дружелюбным.

– Не надо!

– Что «не надо»?

– Ничего не надо!

2

Они еще с полчаса шли по Мертвому, точнее, полумертвому лесу. Видимо, здесь, на восточном склоне, загадочное излучение уже не было таким сильным, как наверху – среди сухих деревьев то и дело попадались зеленеющие кусты кедрового стланика, под ногами шелестела трава, да и галлюцинации больше не мучили Марусю.

Лес кончился неожиданно, точно обрубленный огромным

топором. Солнце перевалило за середину дня, но до вечера было еще далеко. Перед путниками раскинулся луг, поросший травой. Если начистоту, лугом он, конечно, был бы где-нибудь под Рязанью или Калугой, а здесь, в тайге, это место называлось пустошью. «Комариная пустошь», – вспомнила Маруся.

Всю дорогу девочка молчала. Илья, быстро нашедший общий язык с ёхху, беспечно болтал с ним о чем-то, пару раз брал в руки пулемет, прицеливаясь в деревья. Маруся брела за ними повесив голову и сквозь русую челку время от времени бросала злые взгляды на своих спутников. В голове ее ворочались тяжелые, безрадостные мысли.

«Может, и Уф все знал с самого начала? Точно! Он же ждал меня! Сидел и ждал. Все подстроено, все! Верить никому нельзя. Ни Бунину, ни Алисе, ни Илье, ни Уфу, ни отцу, ни маме... Маме? Интересно, а какую роль во всем этом играет она? Подожди, подожди. А с чего ты взяла, что мама вообще жива? Кто сказал тебе об этом? Никто. Двенадцать лет назад она ушла к Синей Горе. Все. Точка. Больше никто ничего о ней не знает. Может, спросить Илью?»

– Моя пух-пух, – басил впереди ёхху, потрясая пулеметом.
– Роформаха падать, земля фаляться. Уф... Страфный зферы!

– Да уж, – оглядываясь через плечо на Марусю, кивнул Илья. – Весело тут у вас.

«Ничего не стану спрашивать, – стиснула зубы девочка. – Дойду до конца и сама все узнаю. Теперь вот точно – дойду! И никто меня не остановит».

Они отшагали уже треть Комариной пустоши, когда их накрыл яростный рокот вертолета. Следом за звуком из-за зубчатой кромки леса вынеслась и сама винтокрылая машина. Она шла очень низко, едва не задевая верхушки деревьев черным блестящим брюхом.

– Кто это? – Илья растерялся, смотрел то на вертолет, то на Марусю.

– Чен! – уверенно ответила она, хотя понятия не имела, кто на самом деле скрывается за эмблемой с морским коньком.

– Чен?! Откуда?

– Оттуда же, откуда вы все взялись. От верблюда, – грубо ответила Маруся.

Вертолет резко изменил направление полета и, наклонив тупоносую кабину к земле, двинулся обратно: очевидно, пилоты заметили на пустоши людей.

– Ложись! – крикнул Илья, первым падая в сухой бурьян. Уф опередил его – сказалась нечеловечески быстрая реакция ёхху. Маруся спряталась последней – ей вдруг стало все равно, увидят ее люди в вертолете или нет.

Кажется, медики называют такое состояние апатией.

Ничего не хочется, ничего не страшно.

Никто не нужен.

Даже Илья.

Хотя как раз он-то, может, и нужен. Маруся уже сильно жалела, что нагрубила парню. Он такой приветливый: и поздоровался, и про дела спросил; улыбается, пытается помочь. На два года старше, а ведет себя с Марусей, как с равной.

И Уфу Илья явно «нрафится», а уж ёхху не проведешь, он не головой, он сердцем чует, кто хороший, кто плохой.

Сделав несколько кругов над тем местом, где прятались путники, вертолет улетел.

– Надо бы побыстрее слизнуть отсюда, – тревожно озираясь, сказал Илья.

– Давайте пойдем ближе к лесу, – согласилась Маруся. Ей теперь вообще хотелось во всем соглашаться с Ильей. – Если что, спрячемся под деревьями.

– Может, просто свернем в лес?

– Нам эту Комариную пустошь так и так пересечь придется, – все же Маруся нашла в себе силы поспорить. – Другого пути нет.

Илья развел руками – мол, ничего не имею против.

– А почему она Комариная?

Тут уж пришел черед Маруси пожимать плечами: ответа на этот вопрос девочка не знала.

Но ответ обнаружился сам, причем буквально через несколько минут. Ответ висел в воздухе и издавал пронзительный, тонкий вой на одной ноте.

Комар.

Комар величиной с курицу. Но только не труп в паутине, а вполне себе живая тварь с полуметровым хоботком-жалом. Суперкровопийца, крылатый вампир. Маруся побледнела. Конечно, у нее есть ящерка, но все же перебороть отвращение к жуткому порождению аномальной зоны она не могла.

Илья тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Медленно обходя двигающегося рывками комара, он как заведенный приговаривал:

– Ну, ничего себе, ну, ничего себе...

Не растерялся один Уф. Перехватив пулемет за ствол, ёхху попытался сбить огромное насекомое. Комар возмущенно запищал, рванулся в сторону, и тотчас из травы ему на подмогу поднялась целая стая – не меньше двух десятков – крылатых собратьев.

– Бежим! – крикнул Илья, схватил Марусю за руку и потащил к лесу. За их спинами раздалась пулеметная очередь – Уф стрелял прицельно, но попасть в вертких летунов ему не удалось.

Треща прозрачными крыльями, комары настигали маленький отряд. «Нам бы сейчас теннисные ракетки», – отрешенно подумала Маруся. Снова прогрохотал пулемет. На этот раз Уф стрелял почти в упор, и несколько пуль нашли цель, буквально разорвав комаров на части.

Выиграв десяток метров, путники сумели добраться до спасительных зарослей и укрылись под ветвями лиственниц.

– Если тут такие комары, то как выглядят здешние осы? – с дрожью в голосе спросил Илья. Он по-прежнему держал Марусю за руку.

– Лучше не знать, – сказала девочка.

Обиженно стрекоча, комары покружили у опушки и улетели. Стало тихо. Уф опустил пулевой в траву, уселся рядом, достал из короба рюкзак с продуктами.

– Моя куфать.

– Да, подкрепиться не мешает, – улыбнулся Илья. – Что у нас на обед?

– Тушенка и галеты, – Маруся протянула ему банку. – Извини, ничего другого нет.

– Ты хотела поговорить с Бунином... Набрать?

– Давай.

На этот раз профессор оказался доступен.

– Алло, Илья? Как дела?

– Все нормально, Степан Борисович. Тут вот Маруся хочет с вами пообщаться.

После некоторой паузы Бунин осторожно произнес:

– Хорошо.

Маруся взяла из рук Ильи коммуникатор, включила видеотрансляцию. На экране возникло лицо профессора. Он улыбался самой доброжелательной из всех возможных улыбок.

– Здравствуй, Маруся, здравствуй! Страшно рад тебя видеть...

– Не надо, – попросила девочка, кривя губы. – Если бы вы оказались на моем месте, вам было бы просто страшно, без радости.

– Извини, но у каждого человека в жизни свой путь. Этот – твой, – профессор стер с лица улыбку. Теперь он говорил серьезно, глядя Марусе прямо в глаза.

– Я уже поняла это. У меня вопрос.

– Слушаю.

- Моя кровь... Что с ней не так?
- Это долгий разговор, – ответил Бунин. – Долгий и сложный.
- И все же?
- С твоей кровью все так. Точнее, все слишком «так». Она особенная. Уникальная. Ты – сосуд, наполненный драгоценнейшей жидкостью, за которой охотятся люди и нелюди.
- Я – человек! Человек, а не сосуд! И это моя жидкость.
- Конечно, конечно. Но кое-кто так не считает.
- Например, мой отец? Он хочет сделать из моей крови лекарство? Эликсир для владения предметами?

Бунин вздохнул.

– Да, Маруся, в общих чертах все так и есть. Ты – потомок древнейших жителей – и хозяев – нашей планеты. Их способности, их удивительные, уникальные способности передались тебе. Эти способности, конечно, еще нужно активировать, разбудить, но...

– Но мой отец тоже их потомок! – упрямо крикнула Маруся.

– Видишь ли, – профессор снова вздохнул. – Во-первых, эти способности генетически передаются по женской линии. А во-вторых, я вынужден открыть тебе одну тайну... Мне не хотелось бы сейчас, я думал... Думал, что как-нибудь потом, в подходящей обстановке, но обстоятельства...

– Степан Борисович, не мялмите, пожалуйста, – тихо и твердо сказала Маруся. Она чувствовала, понимала: сейчас профессор скажет что-то действительно важное, что-то такое, что, возможно, перевернет всю ее жизнь.

Бунин отвел глаза в сторону, беспомощно улыбнулся, потом взял себя в руки и четко произнес:

- Маруся, Андрей Гумилев – не твой отец.
- Не отец... Но кто же тогда? Кто мой папа?
- Я, Маруся, – твердо ответил профессор. – Я – твой отец.

Маруся оцепенела. Она смотрела в лицо Бунина, смотрела безо всяких мыслей, как смотрят на облака, на воду, на огонь. Все оказалось очень просто. Просто, как в мыльных сериалах.

Отец – не отец.

Отец – другой.

Вот этот, на экране. Сейчас он, словно избавившись от тяжкого груза, покраснел, заулыбался, сделался говорливым.

– Понимаешь, Маруся, давным-давно, когда тебя еще на свете не было, мы дружили. Втроем. Ева, Андрей и я. Ну, а поскольку ты уже большая девочка, то понимаешь, что отношения двух молодых мужчин и красивой девушки просто дружбой долго оставаться не могут. Так и вышло. Я влюбился в твою маму. Она была очень красивая. Самая красивая девушка в нашем институте. Я в тот момент уже работал на кафедре, преподавал, и мы виделись каждый день – на занятиях, в столовой, просто встречались в коридорах, курилках. Между нами возникла симпатия… Но практически одновременно подобными же чувствами к Еве воспыпал и Андрей. Возникло то, что называется классическим любовным треугольником.

– Подождите, – каким-то деревянным голосом сказала Маруся. – Вы любили мою маму. Оте… Гумилев тоже ее любил. А она? Кого любила она? Или у вас было, как у морлоков – женщину никто не спрашивал?

– Ну почему не спрашивал… – Бунин страдальчески поморщился. – Марусенька, девочка, не все так просто в этом лучшем из миров. Отношения между мужчинами и женщинами, между парнями и девушками редко развиваются линейно. Тут играет свои роли множество факторов… Да, Ева в конечном итоге вышла замуж за Андрея. Но были моменты, когда она более симпатизировала мне…

«Врет? Или не врет? Или врет наполовину?» – слушая про-

фессора, гадала Маруся. Она отвела взгляд от экрана коммуникатора, посмотрела на своих спутников.

Илья половинкой галеты вычищал опустевшую консервную банку. Уф уже закончил трапезу и теперь пучком травы протирал пулевой, привалившись спиной к дереву.

– Однажды мы с твоей мамой в составе студенческой группы были на практике в Крыму, – продолжил говорить Бунин.

– Ты уже взрослая, понимаешь, как это бывает...

Комары атаковали внезапно!

Еще секунду назад стояла тишина – и вдруг все пространство между ветвями заполнилось множеством насекомых. Треск крыльев заглушил голос профессора. Маруся вскрикнула и от неожиданности выпустила коммуникатор Ильи из рук. Взревел Уф. Вскочив, ёхху замахал мохнатыми лапами со скоростью вентилятора. Попавшие под его мощные удары комары с мерзким хрустом валялись в траву, копошились там, пытаясь взлететь.

Но перебить всех насекомых гиганту оказалось не под силу. Похватав вещи, Маруся и Илья бросились вглубь леса. Уф топал позади, как-то совсем по-детски крича на комаров басом:

– Тфоя уходить! Уф... Тфоя не хорофо! Моя тфоя стукать! Уф...

Бегство закончилось в глухом овражке, заросшем высокой широколистной травой, увенчанной сладко пахнущими зонтиками цветов.

– Все целы? – оглядывая Марусю и Уфу, спросил Илья, опустившись на землю.

– Нормально, – кивнула девочка. – Коммуникатор твой там остался.

– Растворя ты, Маруся Гумилева! – в сердцах бросил Илья. – Придется теперь возвращаться. Откуда мы прибежали?

– Тама были, – указал лапой Уф. – Сейфас не ходить. Сидеть, ждать. Уф...

– У меня мало времени, – Маруся умышленно сказала не «у нас», а «у меня». Она вдруг остро осознала: и милый здоровяк Уф, и красавчик Илья – всего лишь попутчики, случайные или кем-то навязанные спутники, которым нет нужды идти с ней до самого конца. Это ее поход, и в конце именно ее, а не кого-то еще, ждет некая цель.

«Я видела, как на своем дне рождения ты стреляешь в Андрея Гумилева. В своего отца», – прозвучали в голове слова Алисы, сказанные ею тогда, в самом начале этого безумного путешествия. Предмет Алисы показывает будущее. «В своего отца». Но Бунин сказал, что отец... Стоп! Люди могут врать. Предметы – нет.

Или могут? Вдруг они тоже – как люди?

«Я теперь – сирота. У меня практически не было матери, не стало и отца. Правда, есть чокнутый профессор, утверждающий, что отец – он. Сюжет как из сериала, которые так любят соседка Клава. Мыльная опера. Хватит! Я не стану об этом думать. Просто не стану. Назло всем. Может, они специально морочат меня! А я вот заморачиваться не желаю – и точка!»

– Черт с ним, с коммуникатором, – Маруся вытерла рукавом пот со лба. – Уф, нам надо выйти к краю пустоши. Завтра утром у меня истекает время на таймере. Пошли.

– Да ты с ума сошла – «черт с ним»! – не согласился Илья. – Это новая модель! Знаешь, сколько он стоит?

– Плевать, – отмахнулась Маруся, глянула на возмущенного парня – и застыла.

По поваленному стволу дерева к Илье полз комар со сломанным крылом. Уф стоял с другой стороны и не видел его. Насекомое, переставляя тонкие лапки-ходули, все ближе и ближе подбиралось к незащищенной шее, к тому месту, где под кожей билась в тактударам сердца вена, полная вожделенной крови.

– Илюша... Илья, не шевелись, не двигайся! – закричала Маруся, шаря взглядом вокруг себя в поисках какой-нибудь палки или ветки, чтобы сбить комара.

– Что? – не понял Илья, и в этот миг острые трубки хоботка вонзились в него.

– А-а-а-а!! – парень не глядя отряхнул с себя огромное насекомое. Хоботок обломился, часть осталась торчать в шее, и из нее ударил тонкий кровяной фонтанчик.

– Подожди, я сейчас! – Маруся подскочила к Илье, схватилась пальцами за скользкий обломок хоботка, выдернула его из раны. Кровь пошла сильнее, заливая парню плечо. Илья на глазах побледнел, ухватился рукой за низко свисающую ветку дерева, та хрустнула, и он рухнул в траву.

– Фто такое? – непонимающе сунулся вперед Уф. – Маруфя, фто?

– Его укусил комар. Надо остановить кровь!

– Моя будет лефить! – кивнул ёхху, полез в короб за своими снадобьями.

– Маруся, – тихим голосом позвал Илья. – У меня голова кружится...

– Сейчас, сейчас, – девочка присела рядом, зажимая руками дырку в шее Ильи. – Потерпи. Уф!! Что ты возишься? Кровь не останавливается!

– Сейфас, сейфас!

– Я умираю... – простонал Илья.

«Ящерка! – молнией сверкнуло в голове Маруси. – Ну конечно!»

Сдернув с шеи фигурку, девочка вложила ее в ослабевшую руку Ильи и, как делала уже не раз, прижала своей.

«Ну, давай начинай! Ящерка, миленькая, он же и в самом деле умрет!»

Поначалу все шло хорошо: знакомый холод ожег пальцы, рванулся к локтю. Внимательно следя за раной, Маруся улыбнулась: кровь на глазах загустела, алый ручеек иссяк.

А потом случилось непонятное – ящерка потеплела, и теперь девочка ощущала под пальцами просто металл. Обыкновенный металл, не источавший никакой целительной энергии. Илья закатил глаза, обмяк.

– Лечи! – в ярости крикнула Маруся ящерке. – Ну что же ты?!

Безрезультатно.

Выдернув фигурку из холодных пальцев Ильи, Маруся приложила ее к покрывшейся корочкой ране – никакого эффекта.

«Она не хочет, – поняла девочка. – Ящерка не хочет, не желает лечить его. Но почему?»

Уф, опустившись на колени, внимательно осмотрел Илью, потрогал руку, грудь.

– Челофека фифой. Челофека плохо!

– Сама вижу! – рявкнула Маруся. – Где твои травки-корешки, тряпочки? Надо перевязать шею.

Пока ёхху накладывал повязку, она еще несколько раз пыталась использовать ящерку – все без толку. Загадочная фигурка отказывалась работать.

Категорически.

Наконец Маруся сдалась. Утирая выступившие слезы, она поднялась над неподвижно лежащим Ильей, повесила ящерку на шею.

– Уф, возьми его. Придется нести. Когда устанешь, понесу я.

– Моя сильный. Моя не устать! – стукнул себя кулаком в грудь ёхху. Он повесил на шею пулемет, легко поднял Илью и взвалил на плечи, точно мешок. – Моя идти. Уф...

– Погоди! – Маруся наклонилась и подняла с земли какую-то

блестящую штуковину, выпавшую из кармана куртки Ильи.

Фигурка. Зайчик. Или нет, скорее кролик.

Предмет. Явно предмет. Вот только с какими свойствами?

«Некогда, потом, потом», – заторопила себя Маруся. Она сунула кролика в нагрудный кармашек «разгрузки», прижала клапан с застежкой-липучкой.

– Все, пошли. Туда?

…Описав по тайге полукруг, они спустя полчаса вышли на край проклятой Комариной пустоши. Вечерело. Стало ощущимо холодно, северный ветер притащил серые слоистые облака. Они быстро затянули все небо, превратив солнце в мутное пятно.

Маруся несколько раз подходила к Уфу, брала Илью за руку, проверяла пульс. Сердце раненого билось медленно, слабо.

«Кажется, это называется комой, – вспомнила девочка. – А вдруг комар занес Илье какой-нибудь вирус?»

А Синяя Гора была уже совсем близко. Надо было идти. И они пошли, стараясь прижиматься к краю леса и зорко оглядываясь, чтобы не пропустить нового нападения комаров.

Наверное, поэтому поляну в зарослях, тянувшихся справа, Маруся заметила не сразу. А заметив, застыла как вкопанная.

Это была не просто поляна. Между лиственницами висели на веревках шкурки, какое-то тряпье, на камне стояло большое корыто с водой, а за ним высился дом.

Изба.

Избушка.

Самая настоящая, крытая корой, бревенчатая избушка…

ЭПИЗОД 12

Баба Рая

1

Маруся открыла глаза и испугалась.

Испугалась, потому что чувствовала себя отдохнувшей, выспавшейся, а это означало, что с того момента, как она опустила голову на набитую травами подушку и закрыла глаза, прошло уже очень много времени.

Испугалась, что уже ночь, что она проспала все на свете, что таймер отсчитывает последние секунды до загадочного часа «Х».

А потом случится страшное...

Что именно, девочка не знала, но чувствовала: случится, обязательно случится, если только она не дойдет до... До чего? До цели, до конца маршрута.

До мамы?

Может быть, и так, но только вряд ли.

До пистолета, из которого она выстрелит в отца... в Андрея Гумилева?

Это более вероятно, если только Алиса не обманула ее.

Или у таинственной Синей Горы Марусю ждет что-то совершенно другое, что-то, чего она и вообразить-то себе не может?

В любом случае надо идти, а она вместо этого лежит на мягкой лежанке под теплой, пахнущей ромашками оленевой шкурой в избушке бабы Раи и ей хо-ро-шо!

Потянувшись, девочка все же пересилила себя и села, откинув шкуру. В углу похрапывал Уф, на топчане у дальней сте-

ны мерно дышал Илья. Маруся даже в полумраке видела, что с ним все в порядке: на щеках румянец, рука подсунута под щеку. В таких позах не умирают, в таких позах спят, спят сладко, видят хорошие сны и улыбаются во сне.

Сквозь крохотное оконце пробивался солнечный свет. Значит, еще не ночь.

Или уже не ночь?

«Сколько же я все-таки проспала?» – этот вопрос не давал Марусе покоя. Она умылась ледяной водой из кадки, обошла стол и толкнула обитую шкурами низкую дверь.

Полянка, где стоял удивительный дом бабы Раи, совсем не изменилась с того момента, как путники обнаружили ее. То же корыто с водой – Маруся теперь знала, для кого эта вода – те же вывешенные на просушку шкурки. И сама хозяйка здешних мест баба Рая хлопочет в сторонке у костерка, помешивая в котелке над огнем густое пахучее варево.

И самое главное – солнце в небе все на том же месте!

Висит себе оранжевым апельсином над тайгой, собирается клониться к закату, но до сумерек, до этого самого заката еще уйма времени. Часа три, не меньше.

«Сутки! – поразилась Маруся. – Я проспала сутки! Все пропало...»

– Как отдохалось-то, девонька? – улыбаясь, спросила баба Рая, подходя с дымящимся котелком в руках к потеряно топчущейся на высоком крыльце Марусе.

– С-спасибо... А сколько сейчас времени?

– Спала-то ты недолго, – успокоила ее старушка, деловито срывая в разбитом возле избушке огородике листья какого-то растения и кроша в похлебку.

– А как будто целую ночь, – облегченно улыбнулась девочка.

– Ну-тко, на то и травки я заваривала, на то и слова шептала. Так-то вот. Давно ж вы в пути-то, без отдыха нельзя. Кушать будешь, дочка?

– С-спасибо, не хочется, – покачала головой Маруся. – А Илья? Как он?

– Кушать надо. А с твоим кавалером нормально все будет. Спит сейчас. Пять дён спать станет. Так-то вот. Во сне вся хворь комариная из него вон выйдет. Проснется – хоть под венец, хоть к станку, – засмеялась баба Рая.

– К какому станку?

– К токарному или, скажем, фрезерному, – непонятно отвела старушка. – Пойдем-ка в дом, мохнача будить пора, а то хлебово поспело, простынет, коли ждать долго. Да и времени у вас и впрямь в обрез...

– А вы откуда знаете? – удивилась Маруся.

Баба Рая поднялась по скрипучей лесенке, заглянула в глаза Маруси своими бездонными, черными глазками-бусинками, усмехнулась беззубым ртом:

– А виденье мне было, девонька. Шаманское виденье, духами Верхнего мира насланное, не иначе. Так-то вот.

– Что за видение? – обмерла Маруся. Ей казалось, что старушка своими чудными глазами просвечивает ее насквозь, как рентгеном.

– Видала я, – нараспев заговорила баба Рая, – что явится ко мне девица-красавица с молодцом болезным и мохначем-бобылем. За плечами той девицы тяжкий путь, на душе у той девицы тяжкий камень, впереди у той девицы тяжкое деяние. Так-то вот...

2

Маруся с аппетитом уплетала похлебку, посматривая на толстого хозяйствского кота по прозвищу Бегемот. Кот охотился за мухой, обыкновенной такой, нормальных размеров мухой, ползающей по подоконнику. Сам кот тоже был нормальным. Маруся вспомнила, каких созданий они с Уфом видели нака-

нуне возле дома бабы Раи – и девочку передернуло от отвращения...

…Заметив избушку на курьих ножках, они с Уфом решили спрятаться в кустах и понаблюдать.

Конечно же, никаких курьих ножек у дома не было, просто стоял он на двух лиственничных стволах, и это несколько успокоило Марусю.

– Челофека тута жифет, – принюхавшись, прошептал ей на ухо Уф. – Хорофый.

– Ты откуда знаешь, что хороший?

– Моя знать. Уф… Моя чуф-сфо-фат!

Маруся попробовала вызвать Исинку. Конечно, после признания Ильи она больше не могла доверять профессиональному интеллекту, но больше посоветоваться было попросту не с кем.

– Исинка, Исинка! Вызывает Маруся! Алло! Ответь мне! – приблизив усик микрофона к самым губам, раз за разом повторяла девочка, но безрезультатно – связи не было. Сняв с головы бесполезную гарнитуру, она убрала ее в карман. Все, теперь надеяться оставалось только на себя.

…Ждать хозяина странной избушки пришлось недолго. Скрипнула дверца, и по шаткой лесенке вниз спустилась женщина с корзинкой в руках. Даже издали Маруся заметила, что женщина очень старая. Согнутая спина, коричневое морщинистое лицико под меховой шапочкой, седые косы чуть не до земли. Одетая в самовязаное платье и вытертую бархатную безрукавку-душегрейку, старушка двигалась медленно, совершая экономные движения, как все пожилые люди.

А вот голос у нее оказался молодой и звонкий.

– Гостинечки дорогие! – прозвучало над полянкой. – Пожальте на угощенье! Куть-куть-куты!

Маруся в первый момент решила, что старушка обращается к ним с ёхху, но в ответ на призывный клич затрещали

ветки, зашумела тайга и из-под лесного полога полезли, поползли, полетели такие твари, каких и в страшных снах не увидишь.

Лишевые меха, красные, будто обваренные, голокожие зайцы; ежи размером с собаку, чьи спины вместо иголок украшали черепашьи панцири; бесхвостые бурундуки с рожками; куропатки на длинных ногах-ходулях. Особенно девочку поразила лисица-сороконожка. Ног, а точнее, лап у нее было, конечно, не сорок, но никак не меньше десяти.

Из тайги появлялись все новые существа – гигантские жабы с крокодильими гребнями на спинах, белки с копытцами вместо лапок, выбежала пара обросших длинной шерстью косуль с кабаньими рогами, пришелепал ластоногий медвежонок. Последним на полянке появился лось. Лось как лось, большой, очень похожий на тех, что Маруся видела в биопарках.

Только двухголовый.

Старушка, ласково приговаривая:

– Ох вы, мои детушки, ох вы, мои бедняженки... – принялась кормить уродцев, вытаскивая из корзинки угощение.

Зверье доверчивошло к человеку; птицы садились на плечи и голову старушки, голые зайцы ластились у ног, медвежонок забрался в корыто и плескался там, как настоящий тюлень.

Корзинка старушки казалась бездонной – в ней нашлось лакомство для каждой твари. Последним получил две краюхи хлеба жуткий лось. Обе его головы по очереди приняли хлебные краюхи, и, задевая рогами ветви, таежный великан убрел в чащу.

Вскоре полянка опустела. Старушка вытряхнула из корзинки крошки, шагнула было к избушке, но на полдороги остановилась, повернула голову в ту сторону, где прятались путники, и спросила:

– Чай, застыли сидеть-то? Идите в дом, гостям я завсегда рада. Так-то вот...

Поначалу Маруся боялась старушки – уж больно спокойно встретила она чужаков. Ничему не удивилась, на Уфа глянула так, словно встречалась с ёхху каждый день. И бесчувственное тело Ильи осмотрела без ахов-вздохов и причитаний. Велела уложить парня на топчан в избушке, быстро и ловко напоила его каким-то отваром, разжав зубы лезвием широкого ножа.

– Его комар укусил огромный... – начала было Маруся, но старушка с улыбкой перебила ее:

– Вижу. Не боись, девонька. Все с ним обойдется. Садитесь рядом, чайку попьем. Чаек у меня таежный, душистый. Так-то вот.

Успокаивала Марусю только реакция Уфа: ёхху смотрел на хозяйку избушки влюбленными глазами и радостно пыхтел, принимая от нее полную чашку горячего напитка.

«Если бы она была плохим человеком, он никогда бы не сел с ней за один стол», – решила Маруся.

За чаем и познакомились. Старушка сказала, что зовут ее Раиса Яковлевна Платонова, а попросту – баба Рая. Много лет проработала она на великих стройках по всей Сибири. Строила БАМ, Саяно-Шушенскую ГЭС и Омский нефтеперерабатывающий комбинат. Лет тридцать назад судьба занесла Раису Яковлевну в поселок «Алые зори», где она устроилась работать завхозом в школу. Но тут развалился СССР, и людей в поселке бросили на произвол судьбы.

– Я ведь, девонька, до последнего сидела, – посверкивая острыми глазками, рассказывала Марусе баба Рая. – Уже ушли все, одна пьянь да бичи в поселке остались, а я все ждала, дура старая, что вспомнят начальники в больших кабинетах про нас, стыдно им сделается. Школу блюла, ни дощечки отломить не давала, ни стеклышка разбить. Все

думала: вот оживет поселок, люди приедут, детушек наве-
зут... Не дождалась. Так-то вот. А потом уж жуть потекла из
тайги невидимая. Тех, кто в поселке, в «Алых»-то «зорях»
остался, корежить она принялась, дурное наружу выни-
мать, хорошее прочь смывать. Грех взяла я на душу, дочка.
Со зла спалила школу-то. И ушла. Здесь вот теперь живу.
Здесь и помру.

Из слов старушки Маруся понимала едва ли половину, но у
нее сжалось сердце, когда она услышала последние слова бабы
Рай.

– Нет, ну что вы! Вы еще очень молодо выглядите... – по-
пыталась девочка утешить хозяйку и замолчала на полуслове,
поняв, насколько нелепо звучат ее утешения.

– Странная ты, – улыбнулась баба Рая. – Сердечко у тебя зо-
лотое, а ты его прячешь, боишься, что увидит кто, колешься,
как ежка. Слово доброе в кой веки сказала – и сама застыди-
лась. Ну да это ничего, это пройдет...

И тут же спохватилась:

– Ох, заболтала я вас, а вам с дороги отдохнуть нужно –
путь-то впереди еще неблизкий.

Хотела Маруся спросить, откуда старушка знает про неблиз-
кий путь, но тут почувствовала такое неодолимое желание
лечь и закрыть глаза, что не помнила даже, как до лежанки
добралась и провалилась в сон...

3

Котелок опустел. Вкусная, наваристая похлебка у бабы Рай!
Сразу и не поймешь, из чего она. Вроде без мяса – Уф вон ел
так, что за ушами трещало.

– Спасибо, – сказала она, откладывая ложку.

– На здоровьичко, девонька, на здоровьичко, – закивала
баба Рая. – Пора вам, что ли?

— Да, идти надо, — Маруся встала из-за стола, приблизилась к спящему Илье. Она не знала, что с ним делать — будить, брать с собой? Или...

Старушка словно ждала этого момента — подошла, взяла девочку за руку:

— Ты за него не волнуйся, дочка. Пусть он у меня отлежится. А как на ноги встанет — заберут его...

— Кто заберет?

— Те, кто тебя сюда отправил. Так-то вот.

— Откуда вы знаете...

Баба Рая засмеялась мелким старческим смехом.

— Умею я, девонька, видеть и прошлое и будущее. Много чего умею.

— У вас тоже есть предмет?! — вырвалось у Маруси.

— Это ты про зверюшек железных? Нет, дочка, с этими игрушками — баловство одно. Ни к чему мне. Да и ты свои отдала бы лучше от греха в надежные руки.

— Откуда... — Маруся прикусила язык: «Ну что я заладила «откуда» да «откуда»? Ясно же — этой бабе Рае все известно. А про какие надежные руки она говорит?»

— Про те, что добро творят и зла не ведают, — ответила на невысказанный вопрос старушка.

— Это Нестор? Бунин? Папа? — торопливо зачастила Маруся.

Баба Рая молча покачала головой, пожевала губами, словно с укоризной, наконец сказала:

— Вот и мама твоя такая же: все спрашивала да спрашивала.

— Вы видели мою маму?! — вскинулась Маруся.

— Ты ж по ее следочкам идешь. Была, была она здесь, вот так же насупротив меня сидела. Так-то вот.

— А где она сейчас? Она живая?

— Ушла к прозрачным, что за пустошью живут, к Синей Горе.

Все, девонька, больше ничего сказать не могу...

– Почему?

– Каждый сам свою судьбу ладит. Если я тебе будущность да прошлость открою, получится, не ты, а я твою судьбу изладила. Надо тебе такого?

– Нет, – прошептала Маруся.

– Науку мою ты после познаешь. Так-то вот. Мохнача держись – хороший он, верный человек.

– Человек? Он же ёхху!

– Человек не тот, у кого пуп голый и ногти пострижены, а тот, кто предавать не умеет и жизнь за другого отдаст, – суро-во сверкнула глазами баба Рая. – А теперь прощевай, птица-синица. Лететь тебе в далекие далека, видеть чудеса чудесные и дива дивные. Себя за ними не прогляди.

– До свидания, – пробормотала озадаченная Маруся, открывая дверь избушки. Уф низко поклонился хозяйке, подхватил короб и пулемет.

– У-у-а-а-а-н-н-и-и-а, – пропела ему в спину баба Рая. Ёхху вздрогнул, но оборачиваться не стал, вышел следом за Марусей.

4

Перед ними вновь расстилалась Комариная пустошь. Солнце вызолотило дальние горы, и лишь одна Синяя Гора хранила свой цвет, точно ее покрасили гуашью.

Маруся вздохнула, сунула руки в карманы комбинезона и быстро зашагала прямо через открытое пространство. Комары, жабы, двухголовые лоси, морлоки, Чен, отец, Бунин, черт, дьявол с рогами – плевать!

Она устала.

Не физически – отдых в чудесной избушке бабы Раи и сытный суп на дорожку восстановили силы, хоть сейчас марафон

бежать можно, – устала от ожидания, от вечных вопросов, ответов на которые девочка не знала.

– Хорофый челофека! Язык ёхху знать! – восторженно гудел Уф, имея виду старушку. – Гофорить: «допрый путь тебе!»

– Уф, помолчи, – сердито буркнула Маруся.

Гигант удивленно посмотрел на нее, но спорить не стал – послушно умолк.

Так прошел час. Пустошь кончилась, началось мелколесье. Появились овраги, земля взбугрилась, вытолкнула из себя серые утесы. Теперь путники шли по дну широкой ложбины, склоны которой украшали желтоватые песчаные осыпи.

«Здесь начинается земля, где живут прозрачные люди, – поняла Маруся. – Надо было спросить у бабы Раи, кто они такие. Хотя она бы все равно не ответила».

Девочка помнила, что видела странного человека с кожей, сквозь которую просвечивали голубые и красные жилки. Тогда, в аэропорту, он показался ей опасным. Но кто это был? Быть может, она встретит его здесь?

«Он сидит сейчас где-нибудь и радостно потирает свои прозрачные руки, а я сама, своими ногами иду в ловушку. Или я опять все перепутала, и прозрачные, наоборот, друзья? Если так, то кто тогда были призраки, что пугали ученых на базе? А ведь на той фотографии у меня в Шанхае тоже просвечивали голубые жилки... Ох, Маруся, во что ты вляпалась... »

– Крап-крап-крап, – донеслось до слуха девочки. На ветке кривой лиственницы сидел ворон и смотрел на нее, смешно вывернув голову. Опускающееся за дальние сопки солнце сделало птицу бронзовой, только клюв оставался черным.

«Давно не виделись, – Маруся показала ворону язык. – Не к добру прилетел. Что-то будет... Да-а, был бы у меня Алисин кот, обязательно бы посмотрела, что случится через полчаса».

– Маруфя! – нарушил долгое молчание Уф. – Моя думать... Уф... Моя думать – ходить не надо!

– Ты что-то учゅял? – Маруся остановилась.

– Аха. Тама плохо, – гигант вытянул руку в сторону Синей Горы. – Моя не нрафится!

«Ну вот, и Уф туда же... – промелькнуло в голове у девочки.

– Что же делать? Дело к вечеру. Может, вернуться к бабе Рае, заночевать? Час «Х» завтра утром. Встать пораньше и быстро-быстро добежать до горы. Вон, она уже совсем рядом, осталось километров десять».

– Маруфа! – Уф скинул с плеч короб, взял пулемет наизготовку. – Моя думать...

Слова ёхху прервал треск и шум веток. Маруся стремительно обернулась, ощущив, как бешено заколотилось сердце в груди.

Из зарослей в двухстах метрах позади путников выходили морлоки. Много-много морлоков.

Сотня. Или две. Или даже три.

Триста раскрашенных дикарей с дубинами, копьями и луками!

Но больше всего Марусю испугала не внезапность появления врагов, не их численность, а то, что морлоки двигались молча – ни крика, ни свиста, ни ругани.

«Они как будто прислушиваются к чему-то, – поняла девочка. – Ждут сигнала? Но какого? И чего тут ждать – мы как на ладони. Бежать некуда, патронов на всех у Уфа не хватит. Да и на половину не хватит. Попались! Мы – попались! Вот она, ловушка. И прозрачные тут ни при чем».

Зато при чем оказался черный вертолет с морским коньком на борту. Он стремительно вылетел из-за скал, прижимаясь к земле, и гулкое эхо выкатилось следом. Выпустив лапы-опоры, вертолет мягко опустился на краю оврага в ста метрах от Уфа и Маруси, отрезав им дорогу к Синей Горе. Замерли винты, ушла в сторону бронированная дверь, и наружу полезли люди, одетые в пуленепробиваемые жилеты и глухие спецназовские

шлемы. Они развернулись в цепь и двинулись вперед, выставив стволы автоматов.

«Ловушка захлопнулась, – Маруся с досадой закусила губу. – Позади дикари, впереди автоматчики. По сторонам каменные завалы. Бежать некуда. И неизвестно, кому лучше сдаться – морлокам или Чену. Одни съедят, другой выкачет кровь. Почему мне не страшно?»

– Потому что привыкла, – вслух сказала Маруся. – Уфочка, ты что дрожишь? Не смей! Умирать надо весело! Пусть они все думают, что нам смешно! Ты знаешь какой-нибудь анекдот?

– Моя знать, – закивал ушастой головой ёхху. – Мам-ефа говорить – запоминать. Мам-ефа смеяться, моя тофе смеяться! Уф...

– Рассказывай, – велела Маруся.

Вытянув шею, Уф сморщил лицо и тонким, высоким голосом, видимо подражая Марусиной маме, произнес на одном дыхании:

– Открылся чат для аутистоф. Ф нем фсего один пользоатель! Уф...

– Э? – не поняла Маруся. Она ожидала всего, чего угодно – ну, там, короткой бородатой шутки типа «Буратино утонул» или «Колобок повесился», какой-нибудь детсадовской хохмочки, но только не интернетовского прикола со смыслом.

– Сколько пользователей?

– Один пользоатель... – повторил Уф.

Маруся засмеялась, зажимая ладонью рот:

– Ха-ха-ха!

– Хо-хо-хо!! – забухал в ответ на всю ложбину ёхху, радуясь, что угодил своей спутнице.

– Один пользователь! Ха-ха-ха! Ой, не могу!

– Один, Маруфя! Уф... Софсем один! Хо-хо-хо!!

– Ха-ха-ха! Ну ты зажег!

– Хо-хо-хо! Уф! Моя – фесельчак!

Автоматчики недоуменно остановились. Замерли и морлоки. И те, и другие не понимали: как же так? Вместо того чтобы пытаться бежать или сопротивляться, эти двое – девочка и снежный человек – от души хохочут, залитые яростным светом заходящего багрового солнца.

…Говорят, смех продлевает жизнь. Так это или нет, доподлинно неизвестно. Но то, что немудреный анекдот Уфа помог ему и Марусе выиграть время, стало ясно через минуту.

Они еще не отсмеялись, еще не вытерли слез, выступивших на глазах, как со стороны Станового хребта, прямо из дикого скального хаоса, донесся могучий клич:

– У-у-у-а-а-а-а-а-и-и-и-й!!

И следом за этим поколебавшим ряды морлоков и напугавшим людей воплем в ложбину ринулись огромные рыжие фигуры, потрясая зажатыми в мохнатых лапах камнями.

Ёхху!

– Ну, а теперь посмотрим, кто кого, – улыбнулась Маруся.

ЭПИЗОД 13

Битва

1

Красота – странная вещь. Бывает, что она проявляется совершенно неожиданно там, где, кажется, ничего красивого нет и быть не может.

Когда Маруся была совсем маленькой и еще не ходила в школу, она вместе с няней жила месяц в Подмосковье, на даче.

Там Марусе нравилось. Каждый день она открывала для себя что-то новое, и это было прикольно. Но самым ярким воспоминанием оказались не соседский кот, гулявший по забору, не ласточки на проводах и даже не пони, на котором каталась Маруся под присмотром няни.

Больше всего девочке запомнилась гроза и старая ива над рекой Пахрой. Дело было так. Они с няней по тропинке, вьющейся над речкой, возвращались с пляжа. Маруся гордо вышагивала впереди, размахивая полотенцем, и думала, что хорошо бы попросить папу купить камеру для подводных съемок.

Замечтавшись, девочка не сразу заметила, как все вокруг примолкло и в воздухе повисла тяжелая духота. Оказалось, что за их спинами из-за леса выплыла огромная туча такого темно-серого цвета, будто ее в самом деле отлили из свинца.

Налетел сильный ветер, загрохотал гром, но дождя не было. Тучу прошивали ослепительные молнии, ветер все усиливался и на пыльном проселке, ведущем в деревню, начал закручиваться желтоватый смерч. Маруся сильно испугалась, потому что занервничала няня, и девочке передалась тревога взрослого человека.

Они побежали по тропинке, чтобы успеть до ливня укрыться в доме. И тут молния ударила в старую разлапистую иву, которая росла у самой воды и считалась местной достопримечательностью – якобы под ней сколько-то там сотен лет назад отдыхал сам Наполеон.

Дерево вспыхнуло. Ветер раздул огонь, и он охватил всю иву, от корней до кончиков веток. Перед маленькой Марусей предстала удивительная картина – огромный оранжевый факел на фоне черной тучи.

Это было действительно красиво.

Это было страшно.

Это была радость и был ужас.

Множество чувств в тот момент сплелись в Марусиной душе: и восторг, и жалость к гибнущему дереву, и боязнь грозы, и еще что-то необъяснимое, не выражаемое в словах, но звенящее в каждой клеточке тела тысячами крохотных колокольчиков.

С тех пор она ни разу не испытывала подобных ощущений.

Ни разу – до сегодняшнего вечера, до появления ёхху.

Зрелище бегущих исполинов завораживало. Они совершали гигантские прыжки, потрясая каменными глыбами, и в желтых кошачьих глазах их горел грозный, боевой огонь.

За несколько секунд ёхху покрыли расстояние, отделявшее их от Маруси и Уфа, окружили путников и замерли, шумно сопя и разувая ноздри.

Их было не так уж и много, человек двадцать пять – тридцать.

Именно – «человек».

Про себя Маруся называла ёхху людьми безо всякой запинки, она накрепко запомнила слова бабы Раи: «Человек не тот, у кого пуп голый и ногти пострижены...»

Девочка с удивлением заметила, что Уф оказался намного ниже своих сородичей. Он едва доставал макушкой до плеч

большинства ёхху, а некоторые великаны так и вовсе были выше Уфа на фве головы.

«Да ведь Уф-то – подросток! – Сколько ему? Семнадцать лет? Восемнадцать? А они – взрослые мужчины, мужики, вон у некоторых в бородах седина. И шерсть у них темнее, с коричневым отливом».

Предводитель ёхху, самый высокий и плечистый, пропел короткую фразу на своем чудном языке. Уф с поклоном ответил. Он был очень серьезным. Маруся еще ни разу не видела своего друга и спутника таким сосредоточенным, собранным.

Между гигантами начался разговор – словно три десятка огромных котов замяукали басовитыми голосами. Несколько раз Уф показывал на Марусю, называл ее имя. Вожак в ответ упомянул «Ба-а-аб-у-у Ра-а-а-ю-ю».

Маруся поняла: «Это она позвала ёхху. Старушка знала о морлоках и наемниках. Знала – но не предупредила. Почему?» Ответ нашелся быстро: «Потому что я должна пройти и через это испытание. Чему быть, того не миновать».

Видимо, так считал и пахан морлоков.

– Крап-крап-крап! – зловеще прокаркал знакомый ворон, и это как будто послужило сигналом для дикарей. Выскочив вперед и потрясая дубиной, пахан завизжал:

– Матуха-Луна! Жертва!!

Морлоки подхватили этот клич и всем скопом ринулись в атаку.

2

Орда дикарей приближалась. В воздухе засвистели стрелы, вскоре к ним прибавились копья и дротики с каменными наконечниками. Пока еще они не долетали до ёхху, вонзаясь в землю на пути морлоков.

– Маруфя! – Уф тронул девочку за руку. – Тфоя стоят за моя

спина. Уф... Тфоя не мешать. Хороф?

– Да, – кивнула Маруся. Она и сама прекрасно понимала, что в предстоящей схватке будет ёхху обузой.

– Матуха-Луна! Жертва!! На скачок!! На скачок!! – от воплей морлоков закладывало уши. Сплошной вал из оскаленных ртов, выпущенных глаз, раскрашенных, изрисованных рук, ног, немытых тел грозил снести, стереть группку ёхху, раздать великанов.

За несколько мгновений до схватки Маруся обернулась и посмотрела на автоматчиков. Те стояли на том же месте, где их застиг крик вожака ёхху, и переговаривались. «Они ждут, когда морлоки и сородичи Уфа перебьют друг друга, – девочка нахмурилась. – Надо сказать, пусть напугает их стрельбой из пулевета».

Но осуществить свой замысел она не успела: дикиари накатались на вставших полукругом ёхху, как морская волна на прибрежные утесы. Когда враждующие стороны разделяло не больше метра, вожак снежных людей взревел и его маленький отряд слитно метнул каменные глыбы в гущу морлоков.

Дикий визг прокатился по ложбине! Брошенные ёхху камни пробили в рядах дикарей обширные бреши. Гиганты прыгнули вперед, опередив врага в нанесении первого удара.

Битва началась.

Уф, оставленный охранять Марусю, от нетерпения подпрыгивал на месте и пыхтел, потрясая пулеветом. Ему хотелось вместе с сородичами сражаться с ордой морлоков, но молодому ёхху оставалось лишь наблюдать за схваткой со стороны.

Напуганный шумом ворон сорвался с ветки и тяжело полетел прочь. Впрочем, его карканье утонуло в воплях морлоков. Они набросились на ёхху, молотя великанов дубинами, коля копьями и ножами. На каждого из сородичей Ёхху приходилось по несколько десятков дикарей.

«Все пропало, – с горечью подумала Маруся. – Ёхху не выстоят против такого натиска».

Но оказалось, что она совершенно не представляла, что такое снежные люди в бою. Выждав несколько мгновений, гиганты дали волю своим чудовищным кулакам. Маруся услышала глухие звуки ударов, сопровождаемые многоголосицей ёхху:

– У-ух! У-ух!! У-ух!!

Окровавленные, изломанные, полуживые морлоки полетели в разные стороны, как кегли. Ёхху работали кулаками без устали, прошибая врагам черепа, круша ребра, переламывая руки и ноги. Дубины морлоков ломались под ударами великанов так же легко, как и кости дикарей. Ёхху возвышались над морем врагов, словно дубы над подлеском. Руки их мелькали все быстрее, убыстряя темп, и теперь над ложбиной слитно звучало:

– Ух-ух-ух-ух-ух!!

«Победа! – обрадовалась Маруся. – Наша взяла!»

– Ура! – она даже несколько раз хлопнула в ладоши – да так и застыла с разведенными в стороны руками. Застыла, потому что из неприметного овражка, темневшего чуть в стороне, выкатился «засадный полк» морлоков – еще одна орда дикарей, по численности ничуть не уступающая первой.

– Уф, стреляй! – Маруся вцепилась в руку ёхху. – Не дай им подойти близко!

– Моя понимать, – важно кивнул тот, присел на одно колено и передернул затвор. Пулемет загрохотал, щедросыпав морлоков смертоносным дождем из пуль. И тут же сзади, со стороны забытых Марусей наемников, затрещали автоматы: командир прилетевших на вертолете с морским коньком людей решил, что им пора вступить в бой.

Воздух над головой Маруси наполнился неприятным, пронзительным свистом. По ложбине, перекрециваясь, зашарили

рубиновые лучи лазерных прицелов, хорошо заметные в надвигающихся сумерках.

– Уф, развернись! – закричала Маруся. – Сзади!

Девочка отлично понимала: если автоматчики доберутся до ёхху, великаны не продержатся против современного оружия и несколько минут.

Пока Уф менял позицию, пока перезаряжал ленту, наемники успели подойти достаточно близко. Их было десятка полтора – более чем достаточно, чтобы перестрелять ёхху. На фоне оглушающего грохота пулемета скорострельные автоматы наемников стрекотали практически бесшумно.

Первая же очередь, выпущенная из пулемета, заставила наемников остановиться. Они заметались, стараясь сбить Уфу прицел, а ёхху, широко расставив ноги, от бедра поливал врагов огнем, и веером разлетающиеся гильзы сверкали в последних лучах заходящего солнца.

Девочка снова вспомнила горящую иву на берегу Пахры. Рыжий Уф с пулеметом был еще более величествен, красив и ужасен.

«Может быть, он – последнее, что явижу в жизни».

Марусе захотелось как-то запечатлеть этот момент, сохранить его.

Девочка достала коммуникатор и начала снимать. Она не думала в этот момент о том, кто посмотрит эту запись, в чьи руки она попадет – просто не смогла удержаться. В ней вновь, как тогда, в детстве, зазвенели тысячи колокольчиков и странное чувство – гибельный восторг? – переполнило Марусю, заставив забыть обо всем...

Автоматчики залегли, огрызаясь одиночными выстрелами. Стрелять точно им мешала высокая трава, а подняться для

прицельной стрельбы не давал Уф, выпускавший очередь за очередью.

Маруся, продолжая держать в поднятой руке коммуникатор, обернулась и вскрикнула: казавшееся еще минуту назад очевидным преимущество ёхху сошло на нет. Перемолотив половину морлоков, гиганты оказались на открытом пространстве, окруженные телами десятков убитых и раненых дикарей. Вторая орда не повторила ошибок своих одноплеменников. Остановившись в нескольких шагах от ёхху, морлоки принялись издали обстреливать их из луков. Под градом смертоносных стрел и копий великаны дрогнули. Вожак пропел короткое:

– У-у-а-а-м! – и гиганты отступили, уходя из зоны обстрела. Они отбежали к скалам и взялись за камни, в изобилии громоздившиеся на склоне. Но теперь сила была уже не на стороне ёхху. Сотням луков они смогли противопоставить меньше десятка рук – многие гиганты оказались ранеными и не могли сражаться. Метко брошенные великантами камни нет-нет да и выбивали из рядов дикарей стрелков и копьеметателей, но это практически не отразилось на численности морлоков.

А самое главное – ёхху больше не отделяли орду от Маруси и увлекшегося стрельбой по наемникам Уфа. Послышался визгливый голос чудом выжившего в первой бойне пахана:

– Жертва! Жертва! Матуха-Луна!!

– Жертва! Матуха! А-а-а-а! – завопили морлоки. Орда разделилась – около сотни дикарей опустили луки и рванулись в сторону Маруси.

– Опасность! – крикнула она Уфу в самое ухо. Не переставая стрелять, тот повернулся иолоснул очередь по дикарям, за один раз скосив не менее десятка. Наемники тут же воспользовались тем, что мохнатый стрелок отвлекся, и в воздухе опять противно засвистели пули их автоматов.

– «Похоже, скоро все кончится: у Уфа осталась последняя лента...»

Тут в ногу девочке ниже колена точно вонзили раскаленную спицу. Она закричала, упала, обеими руками зажимая рану. Нога горела изнутри, и боль не утихала.

Наоборот, она разгоралась, увеличивалась, ползла вверх, как червь ползет по стволу дерева.

– Ящерка! – Маруся не выкрикнула – выдохнула это слово. Нашарив рукой спасительную фигурку, девочка скрючилась на земле в ожидании блаженного мига, когда ледяная волна потушит адское пламя, пожирающее ногу.

«А вдруг ящерка совсем перестала работать? – мелькнуло в голове. – Вдруг она в тот раз не отказалась лечить Илью, а просто не смогла? Батарейка какая-нибудь в ней кончилась?»

Следующее мгновение показалось Марусе самым долгим в жизни. Впившись зубами в жесткий стебель какого-то растения, она зажмурилась, представляя, как огромный ледник в грохоте раскалывающихся на части глыб наползает на лесной пожар – и тушит, тушит, тушит его...

Это случилось: волна холода рванулась от ящерки, и Марусю пронзило острой болью. Выгибаясь дугой, она не разжидала зубов, глотая горький травяной сок и молотя свободной рукой по земле...

Мамочка, как больно!

Мамочка...

Пожар в ноге начал стихать. Он еще пару раз попытался вспыхнуть с прежней силой, но ящерка работала. Маруся открыла глаза, села, закатала штанину и увидела, как из крохотной, в общем-то, ранки выползла странная блестящая пуля с острыми зубчиками на конце. Она упала на землю, закрутилась вокруг своей оси и тут же зарылась в грунт, как личинка некоего стального насекомого.

«Гадость какая», – Марусю передернуло. Ей вспомнился рассказ отца о международном соглашении, согласно которому с 2017 года категорически запрещалось производить и исполь-

зовать турбопули. Крохотные по размерам, эти пули даже при попадании в палец могли привести к гибели человека. Разворачиваясь в теле, они начинали двигаться к жизненно важным органам и не останавливались, пока не ввинчивались в сердце.

«Наёмники используют запрещенные боеприпасы. Что будет, если они попадут в кого-нибудь из ёхху? Если меня ящерка вылечила с трудом, то им она и вовсе не поможет», – со страхом подумала Маруся.

Морлоки приближались. Пулемет выплюнул последнюю очередь и умолк. Уф перехватил оружие за раскаленный ствол, зашипел от боли, но не выпустил из лап свою импровизированную дубину. Он встал над девочкой, оскалив зубы. Ёхху готовился сражаться за Марусю..

Девочка поняла: «Все кончено. Я не дошла. Впрочем, у меня есть шанс сдаться наёмникам. Они все-таки люди, с ними можно попробовать договориться. Или нельзя?»

Дикари накатились, и Уф пустил в дело ПКМ. Приклад пулемета с мерзким хрустом врезался в тела морлоков, отбрасывая их в разные стороны. Маруся отрешенно считала сраженных врагов: «Седьмой, восьмой, девятый...»

Сообразив, что захватить уготованных матухе-Луне с насока не получилось, дикари, полукольцом окружив ёхху и девочку, остановились, и вперед выбрался пахан.

Переваливаясь на кривых ногах, он с хриплым клекотом протянул руку, и кто-то из морлоков вложил в нее большой красный топор. Такие обычно размещаются на пожарных щитах.

– Раз на раз! – завопили вокруг. – Пахан! Мочи!

Уф зарычал, вращая над головой окровавленный пулемет-дубину. Маруся слышала, как свистит рассекаемый прикладом воздух. Пахан перехватил топор двумя руками, присел, отчего сделался еще ниже, и мелкими шагками начал приближаться к ёхху.

– Пахан! Жертва! Мочи! – подбадривали своего предводителя морлоки.

– Ушатаю! – с угрозой провыл пахан, занося топор для удара.

– Тфоя умирать, – рявкнул Уф, но не двинулся с места. Маруся, все так же сидевшая на земле, вытерла вспотевшие ладони о ткань комбинезона. Она поняла, что Уф ждет, когда вождь морлоков нападет, чтобы решить исход поединка одним ударом. Но что будет потом?

Дикари просто задавят одинокого ёхху массой.

«Вряд ли они потащат меня в свое логово. Скорее всего, убьют прямо здесь, – промелькнуло в голове девочки. – Не-е-ет, уж лучше наемники, чем так – умереть под дубинами дикарей!»

Остальные морлоки тем временем загнали ёхху в скалы и не давали им спуститься в ложбину.

Все, помохи ждать было неоткуда и не от кого...

Повернув голову, Маруся увидела автоматчиков, со всех ног бегущих к ней. Они все поняли и теперь старались успеть захватить девочку раньше дикарей. Их оружие молчало. «Бояться попасть в меня? – не поняла Маруся. – Зачем же стреляли до этого? Или сразу не разглядели, кто есть кто? Интересно, Чен с ними? Или сидит в вертолете?»

– Па-хан! Па-хан! – скандировали морлоки. – Мочи!

– Матуха-Луна!! – взвизгнул пахан и кинулся на Уфа, подняв топор. Ёхху махнул пулеметом – раздался страшный треск, и приклад ПКМ разлетелся в щепки. Дикари разразились восторженными воплями, в руках у Уфа остался жалкий обломок пулемета, по сути один только ствол.

– Па-хан! Па-хан!

– Завалю! – вызверился пахан и бросился в новую атаку. Уф дернулся было отскочить, но за ним сидела Маруся – отступать некуда. Тогда гигант перехватил ствол ПКМ на манер копья, замахнулся...

– Не сиди! Надо идти, – услышала Маруся спокойный, уверенный голос. Мимо прошел какой-то человек в длинном сером плаще. Прошел не торопясь.

«У меня начались галлюцинации. Или они и не кончались? Может быть, все это вообще не по-настоящему? Мираж, видения, сон, бред? Может быть, я лежу где-нибудь в Мертвом лесу у подножия сухого дерева, и мне только кажется, что мы вышли из него, встретили Илью, бабу Раю?»

Пахан, размахивая тяжелым топором, оказался совсем рядом с ёхху. Красное лезвие взлетело для решающего удара.

«Сейчас Уф умрет! Нет, не надо!»

– Па-хан! Жертва! Матуха-Луна!!

– Да вставай же ты!

– Не надо!

– Па-хан!

– Уф-ф-ф! – выдохнул ёхху и метнул пулеметный ствол за мгновение до того, как топор обрушился на его голову. На лицо Марусе брызнули горячие капли крови – Уф не промахнулся.

Пахан морлоков выронил топор и упал на спину, широко раскинув татуированные руки. Из левой глазницы его торчал ствол пулемета ПКМ. Бросок Уфа оказался такой силы, что ствол пробил череп насеквоздь.

Дикири растерянно умолкли.

Наемники были уже совсем близко.

Уф медленно нагнулся и подобрал красный топор, готовясь к новой схватке.

Все тот же спокойный голос опять произнес:

– Надо идти.

На небе чистым серебром вспыхнули звезды.

Время остановилось.

Совсем.

– Не смотри туда, – сказал человек в сером плаще. Он, как маленькую, вел Марусю за руку прочь из страшной ложбины, и над головой девочки кружились в темном небе огромные звезды.

Туда – это где сейчас ворочалась темная человеческая масса, где слышались крики и треск автоматов. Туда – это где наемники схватились с морлоками и истребляли друг друга, не помышляя об отступлении.

Почему?

Где Уф?

Куда она идет?

Зачем?

С кем?

Звезды вспыхнули – и погасли.

Холодный ветер ударил в лицо девочке.

– Так нельзя! – крикнула Маруся, остановилась и выдернула руку.

– Прощайся, – прозвучал голос.

Маруся огляделась. Она стояла на каменистом пятаке между скал. Вокруг замерли ёхху. Желтые глаза великанов горели в полумраке. Многие были ранены стрелами и копьями морлоков, но их раны уже успели забинтовать полосками бинты.

Уф подошел к Марусе, виновато улыбаясь. Он положил на землю красный пожарный топор, протянул руку и погладил девочку по щеке.

– Моя уходить. Уф... Моя жить мой народ. Так надо. Уф...

– Нет. Я не смогу без тебя! – Маруся заплакала.

Гигант вздохнул, молча снял шнурок с клыком росомахи, надел Марусе на шею. Вожак ёхху, темной башней высящийся рядом, пропел что-то властное и тревожное. Наверное, это

был приказ – гиганты зашевелились, задвигались, уходя в не-приметный проход между скалами.

– До сфиданья, – Уф поклонился девочке.

– Стой! – Маруся бросилась к нему, обняла, уткнулась лицом в рыжую шерсть. – Мы же еще увидимся, да? Правда, Уф? Ну, правда?

– Наферное, прафда… Уф… Моя идти.

– Подожди! – Маруся сунула руку в нагрудный кармашек «разгрузки», вытащила фигурку кролика, протянула ёхху. – Вот, возьми. На память…

Она не думала в этот момент, что дарит другу чужое, что это предмет Ильи, без которого тому будет плохо. Что-то подсказали Марусе: так надо, так правильно.

– Мару-уфя, – вздохнул Уф, повертел в пальцах фигурку. – Моя помнить Маруфя. Фсегда. Уф… Не хорофо. Не нрафится!

Резко повернувшись, гигант быстро исчез между камней – последним из ёхху.

ЭПИЗОД 14

Арк

1

Ветер усилился, стало очень холодно.

«Одна... Я – одна, – подумала Маруся, пряча ладони в рукава комбинезона. – Хотя нет. Вот рядом тот, кто все это устроил. Тот, кто, как хирург, отрезал все, что было до этого. Кто вынул из моей души все переживания, все чувства. Там теперь пусто. Или всегда было пусто?...»

Человек в сером плаще стоял напротив Маруси и молчал. Лицо его скрывал капюшон, за плечом, на острой вершине Синей Горы, гасли последние отблески заката.

– Кто вы такой? – спросила Маруся, поеживаясь не то от холода, не то от неизвестности. Без Уфа девочка ощущала себя очень неуютно.

Человек ничего не ответил. Стрельба в ложбине стала стихать – то ли наемники перестреляли всех морлоков, то ли дикиари задавили автоматчиков числом.

– Как вы это сделали? – снова задала вопрос девочка, имея в виду все произошедшее, и собственное чудесное спасение в том числе.

– Ты задаешь много вопросов, а надо учиться искать ответы.

Голос у человека был ровный, негромкий, но Маруся слышала его отчетливо, как будто он звучал в наушниках.

- Кому надо?

- Тебе.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю про тебя все. Говори мне «ты». Это не будет мешать нашему общению.

– А мы будем общаться много?

– Учись находить ответы, а не задавать вопросы, – терпеливо повторил незнакомец.

– Но как же я узнаю что-то, если не буду спрашивать? – растерялась Маруся.

– Информация рассеяна вокруг тебя. Собирай ее, как пчела собирает нектар с цветов – и не понадобится задавать вопросы.

– Но как?

– Маруся, я не шучу. У нас не так много времени, чтобы тратить его на бесконечные вопросы.

– Вы знаете мое имя?

– Я умею собирать информацию и поэтому знаю все. Я из древнего рода Хранителей. Ты можешь называть меня Арк.

– Арк...

– Да, именно Арк. Хорошее, древнее имя. Оно приятно ложится на слух.

Маруся несколько раз повторила про себя «Арк, Арк, Арк». Действительно, повторять это странное имя было и в самом деле приятно.

– Вот видишь, – произнес человек, – я только что показал тебе на примере, как можно управлять информацией без дурацких вопросов. Если бы я спросил: «Нравится ли тебе имя Арк?», ответов могло бы быть несколько. Во избежание этого я просто создал постулат о приятности слуху имени Арк, и ты с ним согласилась. Все просто.

– Да уж... – Маруся тряхнула челкой. – Когда вот так разжуют, всегда все просто.

– Попробуй сама.

– Как? Тьфу ты, я опять спрашиваю... Ладно, сейчас... Вы... Ты мне не враг, потому что иначе я бы уже...

– Не очевидное утверждение, – перебил ее Арк. – Я могу заговаривать тебе зубы, ожидая чего-то или кого-то.

– Да, действительно. А, я знаю! Ты мне не враг, потому что ёхху доверяют тебе!

– Видишь, как это приятно – знать.

– Ты заставил морлоков и наемников сражаться друг с другом. Ты спас меня. Значит... значит, тебя послала моя мама!

Арк покачал капюшоном.

– Нет, Маруся. Меня нельзя послать. Ты сделала неверный вывод из очевидного действия. И, боюсь, на этом я вынужден прервать наш урок: здесь становится небезопасно.

– Почему? Стой, я сама! Стрельба стихла, но криков морлоков не слышно. Автоматчики победили.

– Да, они частью постреляли, частью разогнали крыс. И теперь обшаривают скалы в поисках тебя.

– Их послал Чен? Он жив? Арк, я не могу не задавать вопросов! Мне тяжело...

– Конечно. Легко скользить вниз, подниматься вверх – это труд. Ты только начала свое восхождение, и предстоящий путь кажется тебе неодолимым. Смелее! Я помогу и поддержу. Теперь уходим. Дай руку!

Вложив пальцы в холодную ладонь Арка, Маруся последовала за ним во мрак. Облака закрыли звезды, наступила кромешная темнота, но ее провожатый уверенно шагал через скальный хаос, будто имел прибор ночного видения.

«А он еще и капюшон не снял, – подумала Маруся. – Что он там вообще видит?»

«И, когда думаешь, тоже стараися избегать вопросительной формы», – прозвучало у девочки в голове. Она вдруг поняла, что все то время, пока говорила с Арком, он не произнес вслух ни одного слова...

«Он умеет говорить мысленно. Значит, и я научусь».

«Я слышу тебя», – напомнил Арк.

«Извини. Ты умеешь говорить мысленно. Я тоже научусь».

«Научишься. Осторожно, здесь расщелина. Сейчас придется прыгать. Закрой глаза».

– Как же я буду прыгать в полной темноте с закрытыми глазами? – вслух спросила Маруся и рассмеялась, услышав, какую ерунду сказала.

«Просто доверься мне, – Арк мягко подтолкнул девочку вперед. – Два шага и обрыв. Противоположный край в трех метрах и на метр ниже, будь к этому готова. Вперед!»

Крепко зажмурив глаза, Маруся отсчитала два шага и толкнувшись ногой, полетев в бездну.

«Мамочки, а если это пропасть?!»

Твердый гранит ударили по пяткам, она не устояла и завалилась на бок, ударившись коленями и локтем. Рядом прошелестел плащ Арка – он приземлился практически бесшумно.

«Здесь мы уже в безопасности. Но я предлагаю пересечь границу Запретных земель, чтобы исключить всякую случайность. До полуночи еще два часа, мы успеем все, в том числе и отдохнуть».

«Хорошо, идем», – после слепого прыжка Маруся окончательного успокоилась и доверились Арку. Доверилась, толком не зная, кто он такой и почему помогает ей...

2

Около получаса они шли в абсолютной темноте через тайгу; пару раз пересекли ручьи, преодолели каменистую гряду и спустились в овраг. Маруся несколько раз нашупывала в кармане холодный цилиндрик фонарика, но так и не решилась его включить.

Ей было очень интересно, куда ее ведет Арк и что это за Запретные земли. Стало теплее, воздух наполнился ароматами цветущих трав. Девочка ощущала, что все вокруг нее меняет-

ся, что она находится на пороге нового, неизвестного мира.

И главное – она успокоилась.

Совершенно.

Тревожные мысли, переживания, страхи – все куда-то улетучилось, исчезло.

Она снова стала прежней Марусей Гумилевой.

Ну, не совсем прежней – дни, проведенные в тайге, из памяти не вырубить уже никогда. И по Уфу она будет скучать всю оставшуюся жизнь. Но в принципе-то все закончилось хорошо! Уф жив, встретился с сородичами. Илья выздоровеет. И Маруся теперь под надежной защитой.

Почему-то она твердо была уверена, что именно под надежной и именно под защитой.

Арк остановился.

«Пригнись, тут низкий вход».

Послушно опустив голову, Маруся сделала несколько шагов, следя за Арком. Земля под ногами выровнялась. Судя по отзвукам шагов, они шли по какому-то тоннелю или подземному ходу. Здесь было сухо, не холодно и тихо. Время от времени Маруся задевала головой какие-то корни или ветви растений.

«Зажмурься».

«Зачем?» – по привычке спросила Маруся, и тут же яркий свет ударили в глаза, ослепил, лишил на время способности видеть.

«Ты виновата сама. Я же сказал – зажмурься. Мы должны доверять друг другу. Садись», – Арк провел трущую глаза Марусю в какое-то помещение, усадил в мягкое кресло. Постепенно зрение восстановилось, и девочка огляделась.

Она находилась в залитой ярким электрическим светом пещере с обтесанными, выглаженными стенами и полом. Стол посередине, несколько кресел вокруг, шкаф у стены, в дальнем углу – кровать под медвежьей шкурой и над ней картина.

Удивительная, если не сказать больше, картина, написан-

ная уверенными, крупными мазками: закованные в броню мохнатые звери исполинских размеров, грозно подняв хоботы, несутся на врага. На их спинах восседают люди с огненными глазами, и их оружие, больше похожее на духовые музыкальные инструменты, извергает молнии. Маруся хотела спросить, кто изображен на картине, но вовремя вспомнила урок Арка и мысленно произнесла:

«С ума сойти – боевые мамонты».

«Последняя битва. Это было много тысяч лет назад», – в голосе Арка прозвучала непонятная горечь.

Почему битва была последней, Маруся не поняла, а задавать вопросы здесь явно считалось не правильным тоном. Девочка решила перевести разговор на другую тему:

«Хорошая берлога».

«Это комната отдыха», – ответил Арк и снял плащ. Маруся вскрикнула, сжав подлокотники кресла. Перед ней стоял человек с прозрачной кожей, сквозь которую просвечивали голубые прожилки.

Призрак?

Человек?

Или...

Нет, все же удивительно красивый молодой человек с серебряно-белыми длинными волосами и ультрамариновыми глазами.

«Он похож на принца из сказки...» Эта неосторожная мысль появилась у Маруси против ее воли.

В ответ в ее голове возникло изображение человечка с высунутым языком. Арк улыбнулся.

«Ух ты! Это типа смайлика, да?»

«Вновь вопрос. Ты же и так все поняла», – лицо Арка стало укоризненным.

«Все-все-все, молчу», – Маруся тоже улыбнулась. Ей стало легко, свободно. Как сказал бы Уф: «Хорофо, нрафится».

«Ты должна поесть, а потом твое тело будет отдыхать, и мы продолжим разговор», – Арк достал из шкафа металлические тарелки, чашки, кувшин и керамическое блюдо с кусками жареного мяса и зеленью.

По пещере поплыл дразнящий запах. Только теперь Маруся поняла, насколько проголодалась. Она с жадностью набросилась на еду. Мясо оказалось сочным, в меру острым, а широкие листья неизвестного ей растения отдавали чесноком.

«Вкусно!» – похвалила еду девочка.

«Лосятина с черемшой – именно то, что тебе сейчас нужно», – кивнул Арк, наливая в высокий бокал темно-красную жидкость.

«Я не пью вино».

«Я бы не предложил вино ребенку, – улыбнулся Арк. – Это компот из ягод шиповника и брусники. В нем есть все необходимые человеку витамины».

Маруся с досадой отвела глаза: ее задело слово «ребенок», но, помня о способности Арка слышать ее мысли, она сосредоточилась на еде. Вскоре с мясом было покончено. Выпив два бокала кисло-сладкого компота, девочка отодвинула от себя кувшин.

«Спасибо».

«Иди, ложись. Надо поспать. Не волнуйся, наш разговор продолжится».

Под внимательным взглядом Арка она подошла к кровати, откинула тяжелую пушистую шкуру, села...

3

«Спи! – приказал Арк, усаживаясь в кресло. – Раз, два, три...
Маруся!»

«Я слышу. Я еще не уснула».

«Уснула. Твое тело спит, а мозг бодрствует».

«А так бывает? Ой, я хотела сказать...»

«Запомни – разум не спит никогда. В отдыхе нуждается только наше тело».

«Наша... Ваша... Я запуталась!»

«Не пытайся понять все сразу».

«Хорошо. Мне хотелось бы узнать о предметах».

«Не торопись. Я покажу тебе. Покажу отдельные фрагменты, а общую картину ты сложишь сама».

...Маруся увидела огромную долину, подернутую утренней дымкой. Солнце только что встало, и высокие пальмы, росшие на берегах широкой реки, отбрасывали длинные, почти черные тени.

Вдоль реки шли двое – смуглый мужчина в белой набедренной повязке и голый мальчик с пастушьим посохом в руках. Небольшое стадо коз поодаль общипало листья низкорослых кустарников. В голубом прозрачном небе парили коршуны, вершины дальних холмов исчезали в пыльной дымке: несмотря на ранний час, со стороны пустыни дул крепкий обжигающий ветер.

Мальчик первым заметил неподвижное человеческое тело, медленно плывущее в нескольких шагах от берега. Он забрел в воду и зацепил мертвеца посохом. Вытащив тело на песок, они в четыре руки обыскали его, раздели и закопали под одной из пальм. Мужчина развесил одежду утопленника – короткие широкие штаны и просторную рубаху – на ветвях молодой смоковницы. Мальчик тем временем возился с какой-то фигуркой, видимо обнаруженной в кармане.

«Так к ним попал один из главных предметов. Носорог. По счастью, нам удалось вернуть его. Правда, это произошло спустя пять тысяч лет», – услышала Маруся голос Арка.

«К ним – это к людям?»

«Ты опять спрашиваешь...» – в словах Арка звучало осуждение.

«Прости».

«Предмет мы потеряли случайно. Точнее, это был несчастный случай. Но то, что произошло потом, смутило многих из нас... Знаешь, кто-то из человеческих мудрецов однажды сказал: случайности не случайны...»

«Предмет. Носорог. Большой, сильный...» – Маруся попыталась рассуждать так, как учил ее Арк. Это было нелегко. Девочке представилось, что она бредет наперекор течению горного потока. Некстати вспомнились детские стихи: «Носорог бодает рогом. Не шутите с носорогом!»

«Все правильно. Ты компенсируешь недостаток информации, черпаешь изо всех доступных тебе источников, – подбодрил ее Арк. – Я дам тебе подсказку. Смотри!»

Перед мысленным взором девочки вновь возник берег незвестной южной реки, пальмы, козы, мужчина и голый мальчик с фигуркой носорога в руке. Вот он что-то сказал, скаля в улыбке белые зубы. Неожиданно мужчина упал на колени и ткнулся лбом в песок, а потом не поднимая глаз уполз на четвереньках к развесенной для просушки одежде, взял ее и принес мальчику.

Арк пояснил: «Ты видишь будущего первого фараона Египта. Его звали Хор-Сом, иначе – Менес, или Намер. Он основал великий город городов Мемфис, выстроил Белую стену и храм Птаха-к-югу-от-стены, или «Хаткапта». От этого слова через финикийское «Хикупта» впоследствии и произошло название страны – Египет. Хор-Сом объединил враждующие Верхнее и Нижнее царства в одно государство, обручив папирус с лотосом, и возложил на свою голову белую и красную короны. Он разгромил повелителя южан Хор-Серкета, называемого еще царем-скorpionом, и повесил его кожу на стену своего дворца. Носорога фараоны передавали из поколения в поколение. Упоминать о нем было запрещено под страхом смерти. Среди египетских зверобогов нет бога-носорога, изображения этого

животного практически отсутствуют на стенах древнеегипетских дворцов и гробниц. Но именно носорог многие тысячи лет был основой богатства и мочи Объединенного царства».

«Носорог заставляет людей подчиняться своему владельцу», – догадалась Маруся.

«Да, как богу. Это очень сильный предмет», – подтвердил Арк.

«Но орел тоже...»

«Орел не делает своего владельца богом в глазах людей. Фараоны Египта приказывали – и тысячи людей слепо выполняли их волю, умирая в раскаленной пустыне на строительстве грандиозных пирамид».

«Ужас... Но носорог – не единственный предмет, попавший... к людям. Ведь были и другие», – Маруся постаралась, чтобы эта фраза прозвучала утвердительно.

«А ты способная ученица».

«Эти слова мне говорят первый раз в жизни».

«Все когда-то случается в первый раз».

«Вернемся к предметам», – и вновь Маруся постаралась, чтобы в ее словах не звучал вопрос.

«Хорошо. Действительно, первые предметы люди обрели задолго до носорога. О многих мы до сих пор ничего не знаем, некоторые благодаря своим свойствам были обнаружены и изъяты, кое-что до сих пор находится у людей».

«У таких, как Нестор?»

«Не забывайся! Ты опять спрашиваешь».

«Извини. Конечно, это же и так понятно. Интересно было бы взглянуть на самый первый предмет. Вот я уже и не задаю вопросы», – вторую часть фразы Маруся подумала про себя, но в мысленной речи это было, конечно же, невозможно.

Арк послал ей картинку смеющегося лица – еще один смайлик. Маруся в ответ создала и отправила фигурку человечка с разведенными в стороны руками – мол, не виноватая я...

«Первым предметом была улитка. Люди, мы даже не знаем, кто конкретно, просто нашли ее. Нашли – и начали использовать. Мы не хотели этого, все получилось само собой».

«Получается, в вашем хозяйстве – беспорядок, раз вы теряете такие вещи», – улыбнулась Маруся. Но Арк не принял шутливого тона.

«Допустим, у тебя есть кошелек с монетами. Ты открываешь его, чтобы пересчитать, и тут кто-то или что-то подталкивает тебя под руку. Монеты рассыпаются...»

«Ага, значит, предметы когда-то были вместе, – Маруся мысленно поставила в голове галочку. – Их очень много».

«Сотни, – ответил Арк. – Улитка – один из самых слабых предметов. Ее свойство – порождать огонь. Крохотную искорку. Кто ж знал, что именно эта невинная зажигалка положит начало человеческой цивилизации!»

«Смешно».

«Еще бы. Получается, что мы, как Прометей, подарили людям огонь. А потом... С помощью этого огня они едва не спалили нас... я выражаясь figurально, но смысл от этого не меняется».

«Не поняла», – быстро сказала Маруся.

«Представь себе, что твой дом стоит в лесу и вокруг него живут обезьяны. Забавные, смешные, шумные... Ты подкармливаешь их, защищаешь от ягуаров, лечишь их детенышней. Однажды обезьяны находят где-то.... ну, скажем, садовые ножницы. И ты показываешь им, как с помощью этих ножниц можно срезать плоды, висящие на высоких ветвях. Они быстро учатся и начинают использовать ножницы. Проходит неделя, другая – и вдруг ты находишь обезьянку с перерезанным горлом. А потом ягуара с перерезанным горлом. И, наконец, в один далеко не прекрасный день самый большой самец, вожак обезьяньей стаи, приходит к тебе в дом и пытается перерезать с помощью садовых ножниц уже твое горло.

И ты вынужден бежать из собственного дома, в котором поселяются обезьяны. Со временем они становятся такими же, как ты сам, при этом продолжая оставаться теми, кем были изначально – крикливыми, глупыми, трусливыми обезьянами».

Марусю кольнуло сравнение людей с обезьянами, но тут она вспомнила про морлоков.

«Правильно мыслишь, – одобрил Арк. – Эксперимент проходит более чем удачно. Мы сумели повернуть эволюцию вспять. Те, кто живет рядом с Мертвым лесом, возвращаются в исходное состояние».

«Поэтому ты назвал их крысами, – догадалась Маруся. – Лабораторные крысы. Опыты. Жители «Алых зорь» превращаются в обезьян!»

«Ну, обезьяны – это некий понятийный образ. На самом деле мы возвращаем людей в то счастливое состояние, в котором они находились к моменту знакомства с предметами».

«В дикое состояние».

«В естественное. Когда-то мы попытались поднять людей над миром животных. Высвободить скрытые в человеке силы. Нам казалось, что, если люди сумеют развить дремлющие в них способности, Земля преобразится и станет раем...»

«С помощью предметов», – и на этот раз Маруся ухитрилась задать свой вопрос с утвердительной интонацией.

Арк улыбнулся.

«Да, с помощью предметов. Но мы ошиблись. Получив предметы, люди не стали лучше. Наоборот, они залили Землю реками крови и несколько раз едва не уничтожили всю планету. Не думаешь ли ты, что для всех будет лучше, если жадное, глупое, агрессивное человечество вернется к своему исходному состоянию?»

«Ты задаешь вопросы?» – съязвила Маруся. Но Арк не смущился.

«Такие вопросы называют риторическими. На самом деле они не требуют ответа».

Маруся представила, что все ее знакомые и друзья превращаются в морлоков, диких, заросших шерстью, с дубинами в руках. Сначала ей стало смешно (особенно когда перед ее мысленным взором медленно проплыл профессор Бунин, с ног до головы покрытый синими татуировками), но потом по спине у девочки пробежал холодок ужаса.

«Я тоже стану морлоком...»

«Не станешь».

«Очень хочется спросить почему, но я не буду этого делать».

«Правильно, Маруся. Просто поверь».

Девочка усмехнулась. Просто поверь... Легко сказать! Особенno если учитывать, что план охотников за предметами представлялся ей, мягко говоря, чудовищным. Сотни, тысячи, миллионы, миллиарды ни в чем не повинных людей превращаются в морлоков. И все лишь потому, что много-много лет назад их предки нашли в себе силы перестать быть обезьянами!

4

«Они всегда оставались ими! – резко оборвал рассуждения Маруси Арк. – На протяжении всей истории человечества сущность людей не менялась. Смотри сама!»

В сознании девочки замелькали ожившие картины из прошлого: битвы, стычки, набеги, горящие хижины, распяленные в крике рты, окровавленные тела, взмахи бронзовых топоров, плачущие женщины, кричащие дети. Дымы пожарищ застилали солнце. Вереницами брали связанные рабы. Свистели плети надсмотрщиков. Толпы людей на площадях перед величественными храмами падали ниц, воздевая руки к живым божествам, взиравшим на них с равнодушным презрением.

И вновь – сверкающие доспехами отряды воинов, боевые

колесницы, запряженные хрипящими лошадьми, тучи стрел, взмывающие в воздух, чтобы обрушиться на врагов. Тараны, бьющие в ворота крепостей. Штурмовые лестницы. Пронзенные копьями и мечами воины, летящие вниз. Кипящая смола, вспли сварившихся заживо. Торжество победителей и стоны побежденных. Гора из отрубленных больших пальцев – чтобы потерявшим их уже никогда не смогли держать оружие. Опять плети, опять рабы. Строительство огромных усыпальниц, многотысячные жертвы, реки крови и каменные изваяния, бесстрастные и холодные к мольбам о пощаде.

Определить, что за моменты истории показывает ей Арк, Маруся не могла. Но, по мере того как это своеобразное кино стало приближаться к настоящему, выбираясь из глубин древности, она начала узнавать действующие лица бесконечной трагедии под названием «история человечества».

По каменистым равнинам под ярко-синими небесами мерно шагали закованные в бронзу фаланги копейщиков. У мраморных колонн прекрасных храмов бородатые мужчины с гневными глазами спорили о чем-то, а потом один из них медленно выпил чашу, полную дымящегося напитка, упал и умер в судорожных конвульсиях.

Опять сражения, опять кровь и стоны, рабы и жертвы. Бронзу заменила сталь, всадники в сияющих доспехах понеслись по пыльным дорогам, а их предводитель в рогатом золотом шлеме смеялся всякий раз, когда его непобедимым воинам удавалось разбить неисчислимно большие армии противника.

Видения битв и походов сменились роскошным убранством пиршественных залов. Тут лилась уже не кровь, а вино, и упившийся до животного состояния повелитель Вселенной нагишом скакал с мечом по столам, рубя без разбора своих верных соратников, приняв их в алкогольном бреду за врагов.

Он умер в одиночестве, истребив всех, с кем начинал свой

беспримерный поход. Следом за смертью хозяина развалилась и гигантская империя.

«Александр Македонский владел львом, – сказал Арк. – Этот предмет позволял заражать беспримерной храбростью всех окружающих. Смотри дальше».

Кровавое безумие в очередной раз захлестнуло страны и народы. Круглые щиты греков и македонян сменили прямоугольные корытообразные щиты римлян. Легионы железной поступью шли по заросшей дремучими лесами Европе, неся варварским племенам закон меча, закон Великого Рима.

Ликующие толпы на улицах Вечного города. Гигантская чаша Колизея. Гладиаторы, разящие друг друга на потеху толпы. Быки и тигры, разрывающие вопящих от ужаса заговорщиков. Цезарь на ступенях Сената. Кинжалы, вонзающиеся в пурпурное одеяние императора. Кровь на белоснежном мраморе.

Орды варваров, вчерашних побежденных, ныне превратившихся в победителей. Груды золота, хохочущие волосатые лица. Истошные крики римлянок, трупы легионеров на ступенях храмов и дворцов. Огонь, пожирающий великолепные здания. И снова кровь, кровь, кровь...

Видения разрушенного Вечного города, охваченного дымом пожарищ, сменились уродливыми замками первых королей Европы. Мрачные покои, полные угрюмых, бандитского вида рыцарей, пьяных, растрепанных женщин, облизывающих серебряные тарелки собак. Туши оленей, жарящиеся тут же над огнем. Чадящие факелы. Длинные столы, заваленные обглоданными костями. Пенящаяся брага, чаши с вином. Толстый бородач в золотой короне вытирает блестящие от жира руки о собственные длинные волосы и тут же вершит скорый суд над опальным бароном, приложив к написанному монахом вердикту о смертной казни золотой перстень-печатку. Король успевает опустошить еще один кубок, прежде чем палач при-

носит ему отрубленную голову. Сидящие за столом встречают это громкими одобрительными криками.

Степь, бескрайняя, как небо. Одинокий всадник в лисьей шапке. Несколько юрт, у которых сидят люди. Они боятся неизвестного гостя, но, по степным законам, не могут отказать ему в еде и крове. Щепоть яда бесследно растворяется в деревянной чаше с кумысом. Лисью шапку пересыпают маленькому сыну отравленного. Мальчик живет с матерью и братьями в дырявой юрте. Они голодают, брошенные всеми на произвол судьбы. Судьба жестока – мальчик даже носит рабскую колодку-кангу, его не раз пытаются убить. Надвинув поглубже отцовскую шапку, он уносится в ночную степь на спине верного коня, и стрелы врагов свистят над его головой.

Судьба научила его быть жестоким. Судьба превратила его в зверя, не знающего жалости. Отравленный отец оставил ему не просто меховую шапку. В ней, под подкладкой, оказалась защита фигурка волка, воющего на незримую луну. Пришел день – и над степью, а потом и над всем миром воссияла кровавая звезда царя над царями, непобедимого Чингисхана.

Его армии двинулись на завоевание мира. Пало Поднебесное царство, кичливое, гордое и слишком уповавшее на свою Великую стену; пал Хорезм, чей влюбленный в роскошь шах Мухаммед не нашел ничего лучшего, чем казнить монгольских послов. «Ты хотел войны – ты ее получишь», – прорычал волк в юрте из белого войлока. Развернув девятихвостое знамя, Чингисхан стер с лика земного великое царство Хорезм, и Вечное Синее Небо кочевников смотрело на это его деяние без содрогания, ибо знало: волка нельзя остановить. Он не успокоится, пока не перережет всех овец в отаре.

При захвате крупнейших городов Хорезма – Самарканда и Бухары, жемчужин, нанизанных на нить Великого шелкового пути, – монголы выгоняли все население за городские стены

якобы для пересчета. Там они отделяли от толпы городских жителей ремесленников и красивых женщин, а всех остальных убивали стрелами и палками с железными шарами на концах. Таким образом погибли сотни тысяч человек...

«Хватит!» – закричала Маруся. Она хотела закрыть глаза, уши, но не могла этого сделать.

Арк усмехнулся:

«Ты же не верила. Вот они, великие и величайшие, завоеватели и покорители. Создатели огромных царств, империй, королевств...»

Обезьяны с предметами...

Маруся увидела лица незнакомых ей людей – бородатые и лишенные растительности, в шлемах, коронах, тиарах, колпаках и венцах. А над ними в воздухе парили предметы, очень разные предметы – и уже знакомый девочке носорог, и хищно распластанный скат, и гордый олень, и коварная сова, и яростный тигр, и быстрый варан, и хитрый скорпион, и цепкая рысь, и тот самый безжалостный волк Чингисхана ...

«Чтобы ты лучше запомнила, я покажу тебе еще кое-что...»

И она увидела практически современный город: многоэтажные дома, трамваи, автомобили. На залитой солнцем площади – человеческое море. Нарядные женщины с цветами, мужчины в костюмах, дети. По брускатке маршируют четкими рядами солдаты в блестящих касках. Приткнутые штыки разбрасывают пригоршни солнечных зайчиков. Вокруг высокой трибуны с изображением орла стоят люди в черной с серебром форме и высоких фуражках. Наверху – худощавый сутулый человек в полувоенном френче, с зализанной челкой и узенькими усиками под тонким носом. Он, прищурившись, наблюдает за марширующими колоннами. Приглядевшись, Маруся узнает человека. Это жестокий немецкий правитель по имени Гитлер. У него разноцветные глаза: один – зеленый, другой – голубой.

Предмет.

Правитель владеет предметом.

Звучит отрывистая команда: «Хальт!» Солдаты с грохотом замирают, тысячи каблуков бьют в мостовую. Правитель сует руку за обшлаг френча и мгновенно преображается: расправляются узкие плечи, подбородок выпячивается вперед, глаза мечут молнии. Толпа на площади начинает кричать. Маруся слышит несмолкаемое: «А-а-а-а-а!»

Высокий, лающий голос. Короткие, рубленые фразы. Энергичные жесты – говорящий взвинчивает себя, и следом за ним впадают в состояние экстаза и люди. Они уже не просто берлинцы – рабочие, служащие, лавочники, ремесленники, учителя, студенты, домохозяйки. Все они – немцы, одна нация, один народ.

Высшие.

«А-а-а-а-а!»

Человек на трибуне вскидывает руку вверх: «Зиг хайль!»

«Зиг хайль! А-а-а-а-а!!» – ревет толпа, а Марусе слышится: «Матуха-Луна! Жертва! А-а-а-а-а!!»

Запыленные колонны пехоты идут по следам танковых дивизий. В сером небе проносятся черные стаи истребителей с крестами на фюзеляжах. Тысячи орудий изрыгают смерть. Смерть сеют армады бомбардировщиков. Смерть сидит на мушках пулеметов, автоматов и винтовок. Горят дома в городах, горят избы в деревнях. Испуганные люди толпятся у края расстрельного рва. Трескучий залп – и они валятся вниз, в не бытие, а им на смену уже ведут новые жертвы. Ряды колючей проволоки, изможденные рабы в полосатых одеждах. Охрана на вышках. Вместо плетей – автоматы. Горы обуви. Горы одежды. Горы вырванных зубов. Их владельцы уже никогда не смогут есть. И дышать. Дымят кирпичные печи. Орел расправляет крылья. Толпы на улицах орут: «А-а-а-а-а!» и тянут руки в приветствии.

Одна нация.

Один народ.

Высший.

Все остальные – не люди.

Маруся вспоминает голого мальчика на берегу реки. Там был носорог. Здесь – орел. Там были огромные усыпальницы для живых богов. Здесь во славу живого бога – ряды могил, покрывшие половину мира.

«Все! Я поняла! Останови это!»

Маруся открыла глаза и тут же закрыла их снова. Её ослепил яркий свет. Уши заложил резкий звук, похожий на вой сигнализации.

– Что это?!

– Враг пересек границу Запретных земель, – Арк нахмурил брови. – Наш отдых закончился...

ЭПИЗОД 15

Главный вопрос

1

Маруся зевнула, огляделась. Сколько она спала? Час? Два? Больше?

Или не спала вовсе?

Однако девочка чувствовала себя хорошо отдохнувшей. При этом она ясно помнила все, что ей рассказывал и показывал Арк.

«Будь готова, – прозвучали в голове слова ее спутника. – Не исключено, что нам придется действовать быстро и решительно».

Арк подошел к стене, провел рукой над поверхностью камня. Что-то заскрежетало, часть полированной плиты отъехала в сторону, открывая нишу. Маруся подошла поближе.

Карта. 3D-карта местности. Объемные горы, мохнатые сопки, поблескивающая лента реки, зеленая щетина тайги.

Приглядевшись, Маруся поняла, что никаким 3D здесь и не пахнет. Это совсем другие технологии. Такого она не видела никогда в жизни: карта была живой. Не виртуалка, а самая настоящая реальность! Ощущения такие, будто ты смотришь на участок земной поверхности с самолета, летящего ниже облаков. Но при этом видны мельчайшие подробности – камни на берегу, отдельные деревья, даже камыши на краю болота.

«Вот гарь, куда меня доставила Алиса, – узнала Маруся. – Вот домик Уфа. Сопки, снежные языки в овражках. Белая гора, владения Исинки. Поселок «Алые зори». Смотри-ка, даже ме-

таллическую луну на домике кафе видно! Та-ак, идем дальше: лагерь дикарей. Горят костры. Копошащиеся рядом муравьи – сами морлоки! Ну, ничего себе карта...»

Переведя взгляд на Мертвый лес, она отыскала Комариную пустошь, но почему-то не обнаружила домика бабы Раи. Зато сразу нашлась роковая ложбина, в которой зловеще темнели трупы убитых в битве морлоков.

«Так, отсюда мы пошли вот в эту сторону, здесь скалы. Где-то тут я прыгала с закрытыми глазами... А это что за красные точки? Наемники? Точно, они».

«Ума не приложу, как им вообще удалось попасть сюда, – прозвучал в голове голос Арка. В нем слышались какие-то непривычные нотки – может быть, растерянность? – Мы на запретной территории, людям сюда дороги нет».

«Значит, есть!» – Маруся разозлилась. «Людям сюда дороги нет!» Вот ведь самомнение! Если у тебя прозрачная кожа и неправдоподобно голубые глаза, это еще не повод считать людей обезьянами. А ведь именно в этом пытался убедить ее Арк.

«Не понимаю, чему ты радуешься. Эти люди хотят убить тебя. Они несут разрушение».

«Да не радуюсь я! Просто...» – девочка замялась.

«Просто ты считаешь меня высокомерным, – проявил удивительное понимание Арк. – И полагаешь, что появление горстки наемников может сбить с меня спесь, так?»

Маруся предпочла не отвечать. Ну, конечно, раз Арк читает ее мысли, ему нетрудно было догадаться, в чем дело...

«Между тем все не так просто. Люди действительно не могут проникнуть на запретную территорию. Если только...»

Он запнулся.

«Если только им не помогают какие-то могущественные силы».

«Еще более крутые, чем вы?»

Ее сознания коснулась легчайшая сиреневая дымка – Арк грустно улыбнулся.

«Ты ничего о нас не знаешь, Маруся. К тому же ты опять задаешь вопросы. Ладно, сейчас не время спорить. Смотри, мы с тобой находимся вот здесь».

Арк протянул руку, и живая поверхность карты там, куда указывал его тонкий палец, начала проминаться, как прозрачная пленка под тяжестью воды. Рельеф пошел складками, в склоне горы возник черный туннель, ведущий куда-то глубоко-глубоко.

«Мы у самых корней горы – в хорошо укрепленном подземном убежище. Здесь им нас никогда не найти, но...»

«Но тогда я не успею!»

«Верно. Тебе надо дойти до конца. А времени у тебя остается совсем немного».

Маруся взглянула на коммуникатор. Таймер равнодушно отщелкивал секунды. До назначенного времени оставалось меньше полутора часов.

«А что будет, если я не дойду? Или не успею вовремя? Ой, прости, я опять спрашиваю...»

Как ни странно, на этот раз Арк не стал сердиться.

«Тогда ты не сможешь задать вопрос. Самый главный вопрос».

Он поднял тонкую руку, призывая девочку к молчанию.

«Я постараюсь тебе все объяснить, но позже. Сейчас нам нужно выбираться на поверхность. Беда в том, что наемники идут по этой тропе и через десять минут будут вот здесь».

Он опять указал на карту.

– Совсем близко! – вслух сказала Маруся. – Почти над нами.

«Верно. Поэтому нам придется поторопиться. Уходим!» – Арк схватил девочку за руку и потащил к выходу.

...Наверху стояла глухая ночь. Спотыкаясь о невидимые в

темноте камни, Маруся почти бежала за безошибочно угадывающим дорогу Арком. Дыхание девочки сбилось, в ушах до сих пор гудело после стремительного подъема со дна глубокой шахты. Самого подъемника Маруся так и не рассмотрела – поняла только, что это было нечто мягкое и бесформенное, вроде огромной подушки. Арк провел рукой по стене, раздалось негромкое урчание, Марусю с силой вмяло в подушку, а через минуту они уже стояли на усеянной камнями скалистой площадке.

«Мы поднимемся на вершину и постараемся осмотреться, – сказал Арк, помогая девочке подняться на крутой уступ. – Сейчас будет тропа, идти станет легче».

«Чтобы осмотреться в таком мраке, нужно иметь кошачьи глаза».

«Нет, достаточно простого прожектора с черным светом».

Маруся хотела спросить – что за черный свет такой? – но прикусила язык. И так ведь понятно, что это какая-то хитрость вроде живой карты.

«Опять магия какая-то!»

«Нет, это всего лишь неизвестные людям технологии. Впрочем, смертные обычно склонны именовать все, чему не могут дать объяснения, волшеством. Или происками инопланетян. Впрочем, один из человеческих мудрецов сказал, что высокоразвитая технология практически неотличима от магии».

Тропа, кругом обходящая гору, то ныряла в расщелины, то карабкалась по каменистым склонам, то огибала утесы. Впрочем, обо всем этом Маруся скорее догадывалась – в темноте она едва различала очертания скал.

«Иду как слепая. Тут Чен в двух шагах сядет, замрет – и я пройду мимо, не заметив его».

«Он тоже тебя не заметит, особенно если перестанешь так топать».

«Ты ботинки мои видел? – возмутилась Маруся. – Попробуй не топать в таких!»

«Разуйся», – посоветовал Арк.

«Да что я, ненормальная – по камням босиком! К тому же у Чена наверняка есть какой-нибудь гаджет, чтобы видеть в темноте».

«У твоих преследователей наверняка, а вот у Чена – вряд ли».

«Его здесь нет, – дошел до Маруси смысл слов Арка. – Моя кровь все-таки убила Чена...»

«Я этого не говорил. Тихо! – прервал ее рассуждения Хранитель. – Замри. Они прямо под нами. Сейчас я включу прожектор».

Маруся и впрямь ожидала увидеть какой-нибудь фонарь или другой осветительный прибор, но вместо этого в темноте тускло засветился обычный валун, бугристый камень, лежащий на скальном выступе. Поначалу еле заметный, тлеющий свет его не мог разогнать ночную темень, но вот прошла секунда, вторая, и Маруся увидела собственные руки, зубчатую кромку обрыва, затем – верхушки деревьев, росших ниже по склону.

Увидела она и наемников – те медленно шли по косогору, держа автоматы наготове.

2

Удивительный прожектор, включенный Арком, действительно горел черным светом; он не слепил глаза, не давал тени, просто равномерно и с каждой секундой все четче, яснее выхватывал из мрака детали окружающего мира.

Вскоре Маруся уже могла разглядеть даже застежки на маскировочных комбинезонах наемников.

«Нас они не видят. Прожектор тоже. Но идут уверенно, как по следу», – подумала девочка.

«Мало того – они уже у входа в тоннель, – отозвался Арк. – И это скверно, очень скверно. Смотри! Они обнаружили вход!»

Автоматчики остановились у густых зарослей, быстро посвещались, а затем четверо скрылись в незаметной с вершины горы расщелине. Арк скрипнул зубами. Маруся почувствовала отзвук его мысли: «Хорошее было убежище...»

Земля, камни, трава – все вдруг пришло в движение, содрогнулось, камень-проектор подпрыгнул; в уши Маруси ударили тяжелый гул, а из входа в пещеру, где некоторое время назад скрылись наемники, вырвался наклонный столб густого черного дыма.

«Подземный взрыв! Ты уничтожил туннель!» – Маруся в замешательстве посмотрела на своего спутника.

«Только выход из туннеля. Само убежище не пострадало».

Арк, поблескивая ультрамариновыми глазами, внимательно наблюдал за происходящим внизу.

После взрыва оставшиеся в живых одиннадцать наемников быстро перестроились и цепью начали подниматься на вершину горы. Маруся замерла, вжалвшись в камень. Арк скинул плащ, наклонился вперед, словно пытаясь разглядеть в слаженно двигающейся группе автоматчиков что-то такое, чего обычный человек увидеть не может.

Метров за десять от того места, где прятались Маруся и Арк, наемники остановились. Тот, что шел первым, поднял затемненное забрало шлема. Маруся мгновенно узнала его лицо – узкие глаза, жесткие складки у рта.

Чен!

«Нет, – мысленно отозвался Арк. – Самого Чена здесь нет».

«Но я хорошо его запомнила!»

Еще один боец последовал примеру своего командира. Они стояли рядом и негромко переговаривались по-китайски, а Маруся зажала рот, чтобы не закричать: второй наемник тоже был Ченом!

«А также третий, четвертый, пятый... Это клоны. Выращенные с применением биотехнологий генно-модифицированные суперсолдаты. Поэтому они действуют так уверенно и успешно».

Отойдя от края скалы, Арк взял Марусю за плечи, повернул к себе.

«Сейчас ты спустишься с другой стороны горы и выйдешь к ручью. Войдешь в воду и пойдешь вниз по течению. Когда услышишь шум водопада, сворачивай налево. Осторожно, там очень высоко. Тропинка ведет вниз. Никуда не сворачивай с нее – и к рассвету доберешься до Старого города. Там ты поймешь, куда нужно идти. Найдешь портал. Тебя ждет Оракул. Он ответит на твой вопрос. На один-единственный вопрос».

«Вопрос... Вот в чем дело. Я, наконец, смогу узнать все!»

«Да. Ты в курсе, что такое «Искусственное солнце»?»

«Какой-то проект отца...»

Маруся запнулась. Может ли она после всего, что случилось, называть отца – отцом? А что, собственно, случилось? Да, ей прислали несколько видеофайлов. В том числе тот, где отец давал взятку этому французу, месье Грени. Да, Илья показал ей ролик, на котором отец приказывает Чену убить ее. Показывал на своем коммуникаторе... И потом с этого же коммуникатора она разговаривала с профессором Буниным, который пытался убедить ее в том, что Андрей Гумилев – вовсе не ее отец.

Почему же она так легко во все это поверила?

Отец... папа... он любил ее, он всегда защищал ее, он никогда в жизни ее не обижал! Как же вышло, что, когда чужие ей люди – Бунин, Илья, дядя Сеня – стали убеждать ее в том, что Андрей Гумилев – монстр, готовый на все ради воплощения своих идей, она ничего не заподозрила?

Профессор хотел, чтобы она убила отца. Использовал орла... а когда это не удалось, принялся разрушать ее веру в папу,

подкидывая один подлый довод за другим. И в конце концов заявил, что ее настоящий отец – он сам.

Но если Бунин – ее настоящий отец, то как он мог забросить свою дочь в глухую тайгу, полную смертельных опасностей? Ведь он же даже не знал, что у нее есть ящерка!..

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Маруси. Арк почувствовал ее замешательство, его тонкие пальцы, лежавшие на ключницах девочки, чуть сжались, успокаивая, защищая.

«Проект «Искусственное солнце» несет смерть всей планете».

«Но...»

«Без «но». Погибнут все. И люди, и... мы. Ты единственный... человек, который может остановить надвигающуюся катастрофу».

«Но как?» – Маруся была так ошеломлена, что даже не заметила крохотную паузу, которую сделал Арк, прежде чем назвал ее человеком.

«На этот вопрос тебе может дать ответ только Оракул. Он знает все. Но отвечает далеко не всем... и не всегда, а только в определенное время. Именно поэтому так важно успеть в срок!»

«А я хотела спросить про маму...»

«Подумай! Хорошенько подумай, Маруся! Ты сможешь задать только один вопрос. Вопрос должен идти от сердца. От того, правильно ли ты задашь его, зависит не только твоя судьба, твое будущее, но и судьба всей Земли. Он – самый главный в твоей жизни. Торопись!»

«Ты отпускаешь меня одну...»

«Другого выхода нет. Клоны, скорее всего, обладают способностью улавливать мельчайшие химические следы запаха людей, как собаки-ищейки. На воде таких следов не остается. Сними жилет, он хранит твой запах. Я попробую увести их по дальше отсюда».

«Но ты же можешь управлять людьми!»

«Только крысами из поселка. И ёхху. А клоны вообще не поддаются внушению. Они, в некотором смысле, не люди. Биороботы, запрограммированные на убийство. Все, ступай. Вот за теми камнями склон достаточно пологий, чтобы ты могла спуститься».

«Они же могут убить тебя!»

«Ну, это не так просто сделать... В любом случае сейчас гораздо важнее, чтобы ты целой и невредимой добралась до Оракула».

«Ты не обязан...»

«Именно что обязан. Видишь ли, я не просто Хранитель. Я твой Хранитель, Маруся. Это я положил саламандру тебе в рюкзак тогда, в аэропорту».

«А мне сказали...»

«Торопись! Они начали движение!»

«Но мы еще увидимся?!» – сдирая с себя «разгрузку», мысленно крикнула Маруся.

«Ты снова задаешь ненужные вопросы», – по светящемуся лицу Арка скользнула улыбка.

Выронив жилет, девочка поднялась на цыпочки и поцеловала Хранителя в щеку. В ответ Арк, посмотрев ей в глаза, обнял Марусю и поцеловал в губы.

И решительно оттолкнул от себя.

«Все, иди! Иди же!»

Смахнув слезы с ресниц, Маруся развернулась и бросилась в темноту...

Ручей журчал под ногами, невидимый в кромешном мраке. Маруся брела по нему, то и дело натыкаясь на свисающие ветви деревьев, и плакала. Вдали время от времени слышались

приглушенные автоматные очереди. Это означало, что Арк еще жив.

Жив и спасает ее.

«Это не так просто сделать», – вспомнила девочка.

Не так просто... Но значит, все же возможно?

Стрельба за спиной Маруси стихла внезапно – как отрезало.

«Вот и все...»

Она выбралась на берег и, не обращая внимания на мокрые, ледяные ноги, села под лиственницей, обняв колени.

«Неужели Арк погиб? Арк, такой сильный, такой уверенный, такой... красивый... Погиб... Почему так? Почему все, с кем я встречаюсь, покидают меня? Опять вопросы! Тебе же было сказано: учись находить ответы. Легко сказать – учись. А как? Нет, это слишком тяжело. Я устала, устала!»

«Я совершенно не чувствую ног», – стянув разбухшие ботинки, Маруся начала растирать бледные одеревеневшие ступни, ругая себя последними словами.

«Вот заболею – и что тогда? А болеть мне нельзя, ни в коем случае нельзя».

Вернув ногам чувствительность, девочка вновь натянула мокрые и холодные ботинки. Ночь еще не закончилась, но дело явно шло к рассвету: небо посерело, а на востоке зажглась широкая розовая полоса, предвестница утренней зари.

«Надо идти. Меня ждет Оракул. Я задам ему вопрос. Один вопрос. Какой? Про ящерку? Про отца? Про маму? Про себя? Арк говорил что-то об «Искусственном солнце»... Что этот проект несет смерть всей Земле... Мне надо выбрать! От этого зависит судьба планеты! Так говорил Арк! Арк... Нет, все, хватит мучить себя. Вперед!»

Она зашагала вдоль ручья, обходя деревья, и вскоре услышала впереди ровный гул падающей воды.

«Вот и водопад. Арк сказал – там высоко, нужно обойти слева. Тропинка».

Под подошвами ботинок захрустели мелкие камешки. Тайга отступила, и Маруся вышла на широкую скальную полку, выдающуюся над обрывом. Ручей срывался с полки, и вода низвергалась вниз, дробясь брызгами.

«Ого, тут метров десять, – заглянув в бездну, подумала Маруся. – Хорошо, что я спала и теперь уже светло. Если бы в темноте загремела отсюда – костей бы точно не собрала».

– Здравствуйте, невежливая девушка, – раздался за спиной насмешливый голос. Очень знакомый голос.

Неприятно знакомый.

«Нашел все-таки», – Маруся стиснула зубы, повернулась.

Так и есть.

Чен собственной персоной.

Стоит, улыбается своей китайской улыбкой. Без шлема, на плече автомат.

И как вышло, что он говорит по-русски? Несколько дней назад, в Шанхае, он изъяснялся исключительно на английском!

Чен – или клон? Арк сказал, что клоны – это биороботы. Может быть, клоны могут говорить на всех языках? Существуют же киберпереводчики, почему бы не быть и биопереводчикам? Но нет, этот совсем не похож на робота. Шрам на щеке, капли пота на лбу. Бежал, наверное, торопился, боялся опоздать.

Не опоздал.

– Я вежливая, – процедила Маруся. – Вежливая с теми, кто не пытается выкачать из меня кровь.

Чен рассмеялся.

– Ваш прозрачный друг славно потрудился, пытаясь спасти вас. Мои бойцы... Я даже не знаю, уцелел ли кто-нибудь из них.

– А Арк? – с надеждой спросила Маруся.

– Арк... Значит, его зовут Арк, – Чен нахмурился.

«Я опять сглупила. Теперь он знает имя Хранителя», – Мару-

ся решила больше не разговаривать с китайцем.

– Но это все в данный момент не имеет никакого значения, – улыбка вернулась на лицо Чена. – Ты – у меня, и это партия. Бинго. Сейчас мы пойдем к вертолету...

– Я никуда не пойду. Можете стрелять! – вскинула голову Маруся.

– Ай-я-я-яй! Ну зачем же так... – покачал головой Чен. – Я вовсе не собираюсь дырявить пулями такое замечательное тело. Отличный, уникальный экземпляр! Кроме того, турбопули не просто дырявят. Они в некотором смысле делают из человека фарш. Это некрасиво. Вы пойдете и так, без применения оружия.

Китаец вытащил из кармана небольшой красный баллончик с колпачком-распылителем.

– Всего лишь одно нажатие... Газ, парализующий волю. Отличная вещь!

«Как все просто!» – в отчаянии подумала Маруся. Но сдаваться без боя она не собиралась!

Главное – вывести этого улыбчивого урода из себя. А там посмотрим...

– Ради денег ты, наверное, и маму свою продал бы! – с вызовом крикнула девочка.

– Ай-я-я-яй! – повторил Чен. – Я не зря назвал тебя невежливой. Ты мне хамишь. Уверяю, совершенно напрасно. Вывести меня из равновесия у вас все равно не получится – перед операцией я сделал себе инъекцию боевого стимулятора. Помимо прочего он блокирует все сильные эмоции.

– Подонок.

– Это становится скучным.

– Негодяй!

– Скоро рассвет. Я намереваюсь убраться из этих диких краев до восхода солнца, поэтому поторопимся.

– Я буду кричать! Я не сдамся!

Маруся сунулась в карман «разгрузки» за ножом и вспомнила, что отдала жилет Арку.

Чен приблизился, держа баллончик в вытянутой руке. Уклониться от струи парализанта у Маруси не было никаких шансов.

– Ради твоего же блага прошу не шевелиться, – китаец опять рассмеялся...

За долю секунды до того, как палец Чена нажал на головку колпачка, Маруся кинулась ему в ноги. Но наемник, двигаясь с необычайной быстротой, отскочил в сторону и больно схватил ее за волосы.

От неожиданности девочка всхлипнула. Чен медленно наматывал ее волосы на кулак.

– Стоять! – резко приказал он. – Не вынуждай меня на крайние меры! Твой отец...

«Отец! – вспыхнуло в голове Маруси. Тяжелая, тупая ненависть затопила девочку, сделала ее нечувствительной к боли. – Арк мертв. Уф ушел. Мама неизвестно где. Все против меня, все! Сейчас вы увидите, какой бывает Маруся Гумилева!»

Они с Ченом стояли в двух шагах от обрыва. Чен прекратил свою пытку, но теперь Маруся не могла дернуться ни в сторону, ни назад, так как ее волосы были обмотаны вокруг запястья китайца.

Зато она могла прыгнуть вперед.

– Получай! – крикнула она, изо всех сил ударив Чена плечом в живот.

Китаец, стоявший спиной к пропасти, пошатнулся. Рванулся, чтобы отодвинуться от края обрыва...

Но у него больше не было свободы маневра: он был накрепко связан с Марусей. Китаец разжал кулак, отпуская ее волосы, но было уже поздно.

Пшикнул баллончик, но струя газа ушла вверх, не задев девочку.

Чен бросил бесполезный баллончик, судорожно пытаясь оторвать от себя клацом вцепившуюся в него Марусю.

– Нет! Нет! Не надо! Остановись! – заорал он, и в голосе его слышался смертельный ужас.

Несколько мгновений они балансировали на кромке обрыва, словно парочка безумных акробатов. Потом сила притяжения взяла свое, и опора под ногами Маруси исчезла.

Разжать руки она не успела – да и не пыталась...

ЭПИЗОД 16

«С днем рождения, Марусенька!»

1

Давным-давно кто-то придумал песню, в которой есть такие слова: «День рождения – грустный праздник». Маруся никогда не понимала смысла этой фразы.

Почему – грустный?

Наоборот, день рождения – это всегда весело!

Это подарки, это тусовка с друзьями, это домашняя суета, кутерьма, когда все вокруг поначалу таинственно шушукаются, делают многозначительные глаза, что-то прячут, шуршат упаковочной бумагой, чтобы потом, в самый торжественный момент, достать из укромных уголков коробки и коробочки, украшенные бантиками.

День рождения – это торт, свечи, загаданное желание, красивое платье.

День рождения – это когда все можно.

Начинается день рождения утром. Папа входит в комнату, целует спящую Марусю в нос и шепотом говорит:

– Муся, поздравляю тебя!

Папа дарит подарок первым. На тринадцатилетие он подарили ей тур в Антарктиду: вулкан Эребус, кормление императорских пингвинов, погружение на мини-субмарине в подледное озеро, где обитают древнейшие на Земле существа. На четырнадцатилетие – суперскоростную машину.

Интересно – что будет на этот раз?

Полет на Луну?

Личный вертолет?

Или мечта каждого подростка – неделя в мировом турне вместе с группой «ПГГ»?

Что?

Сегодня особенный день, день ее рождения. Сегодня Маруся исполняется пятнадцать лет.

Подарок тоже должен быть особенным.

Солнце бьет в закрытые глаза. Надо было с вечера опустить шторы. Няня Марго, когда Маруся была маленькая, всегда говорила: «Вставай, тебя ждут великие дела!»

Или это говорила мама?

Мама...

Маруся почти не помнит ее. Не помнит лица, фигуры. Они знакомы девочке лишь по фотографиям. От мамы в Марусиной памяти остались только чувства: нежность, внимание, забота, любовь...

И еще: когда мама целовала свою дочь, наклонившись над кроваткой, ее волосы всегда щекотали маленькой Маруше ушко.

Маруся ощущала, как что-то прикоснулось к носу, и, не отрывая глаз, сморщилась, улыбнулась – ага, это папа!

Тут же она почувствовала что-то на щеке, уху сделалось щекотно.

Мама?!

Жива?

Вернулась?

Вот так день рождения!

Вот так подарок!

Но почему они молчат, почему не поздравляют? Сышен только шум воды.

Ей подготовили сюрприз! Все, держаться больше нету сил!

Маруся открыла глаза и села на кровати...

... Нет, не на кровати. На мокрых, скользких, холодных камнях!

– Ар-р-р! Ар-р-р-р!! – хрипло каркнул ей прямо в лицо ворон и сорвался с места, испуганно хлопая крыльями. Отшатнувшись, девочка прищурилась: первые лучи появившегося над горами солнца ослепили ее.

Шумел водопад. Качались на ветру ветви лиственниц.

Ни мамы.

Ни папы.

Вообще никого.

Она – одна. В тайге.

Впрочем, нет, не одна. Рядом, наполовину в воде, неловко вывернув руку, лежит мертвый Чен, и его маскировочный комбинезон переливается всеми цветами радуги...

2

Маруся встала, прислушалась к себе – вроде ничего не болит. Ящерка не подвела и в этот раз. Но как страшно было решиться кинуться с обрыва, мертвой хваткой вцепившись в Чена!

И еще страшнее – решиться на убийство!

Убийство...

Она, Маруся Гумилева – убийца?

Но ведь это была самозащита, единственный доступный ей способ спасти себя. Если бы она не упала с обрыва вместе с Ченом, китаец убил бы ее. Не сразу – сперва парализовал, потом увез в Шанхай или еще куда-нибудь, выкачал кровь...

Маруся же прекрасно знала, что после падения в пропасть из них двоих выживет только она. Потому что у нее есть ящерка...

Так значит, она – убийца?

Когда в темном переулке на тебя нападет грабитель с ножом и ты, отбиваясь, толкаешь его в незакрытый люк, где он ломает себе шею, – это убийство?

А на войне? Ведь Маруся сейчас – на самой настоящей, пусть и маленькой, войне. Правда, она еще не до конца разобралась, за кого и за что воюет, но от этого не легче. Тут все просто: если не убьешь ты, убьют тебя.

Девочка заставила себя посмотреть на мертвое тело. Голова Чена была повернута в сторону, и Маруся не решилась заглянуть ему в лицо.

«Может, он еще жив? Десять метров – не так много. Попробовать его спасти? Ящерка поможет», – мысли теннисными мячиками прыгали в голове.

Тут же вспомнились слова Арка: «Никуда не сворачивай с тропинки – и к рассвету доберешься до Старого города. Там ты поймешь, куда идти. Найдешь портал. Тебя ждет Оракул. Он ответит на твой вопрос. На один-единственный вопрос».

Этот самый рассвет уже вовсю играл в струях водопада. Маруся катастрофически опаздывала.

Оракул ответит на ее вопрос.

На один-единственный, но ЛЮБОЙ вопрос.

Самый важный вопрос в жизни, как сказал Арк.

«Искусственное солнце», проект Андрея Гумилева. Маруся читала рекламный буклеть – после реализации проекта будет навечно решена проблема с обеспечением человечества энергией.

Но Арк сказал, что «Искусственное солнце» погубит планету.

Конечно, этот вопрос важнее всего. Сформулировать можно по-разному. Например: «Как остановить реализацию проекта?»

Или: «Почему я должна убить папу?»

В сущности это ведь одно и то же...

«Я думаю об этом спокойно, – поразилась Маруся. – А может, так и должно быть? Если Андрей Гумилев не мой отец, как пытался внушить мне Бунин, то и беспокоиться не о чем.

Убивать я уже научилась. Все просто. Ну, а если профессор врет?...»

Тренькнул и залился звоном коммуникатор. Предупредительный сигнал. До часа «Х» осталось пятнадцать минут.

Надо спешить. Где-то тут должна быть тропа. Арк говорил, она слева от ручья.

Вот же она! Хорошая, широкая тропа, да что там тропа – целая дорога, ведущая через тайгу.

Надо спешить.

Надо.

Маруся оглянулась.

– Ар-р-р! – ворон сидел на верхушке кривой лиственницы и внимательно наблюдал за девочкой. Чен изломанной куклой валялся в ручье; переливающийся маскировочный комбинезон усиливал ощущение игрушечности, нереальности.

Неожиданно китаец захрипел, пальцы его судорожно заскребли по камням.

Жив.

– Да не могу я так! – сердито крикнула девочка и бросилась к Чену, на бегу доставая из выреза тельняшки серебристую фигурку ящерки...

3

– Или мы все сильно недооценили тебя, или ты – это не ты, или твои гены и вправду очень особенные, – усмехнувшись, прошептал Чен, глядя на Марусю. Губы его были черными от запекшейся крови.

«До чего воспитанным стал», – мысленно фыркнула девочка.

– Мне некогда, – она проверила узел на ремне, которым связала китайцу руки. – Думаю, ты выберешься. Перетрешь

ремень о камни и ножками – к вертолету. А вот автомат я заберу. Баллончик тоже.

– А не боишься, что меня вот такого, связанного, задерет медведь? Или волки съедят? – Чен продолжал улыбаться.

Весело ему!

Конечно, как тут не веселиться – Маруся его с того света вытащила.

Интересно, почему ящерка спасла китайца, а вот Илью лечить отказалась? Впрочем, это все опять вопросы. Бестолковые вопросы, от которых нет никакой пользы. Надо бежать. Ее ждет Оракул.

– Волков в тайге нет.

– Откуда ты знаете?

– Богатый опыт, – Маруся помахала китайцу рукой.

– Отцу что передать? – крикнул Чен ей в спину.

Маруся не ответила.

...Тропа, ровная, натоптанная, спускаясь и поднимаясь с одного лесистого холма на другой, привела ее в уютную долину между двумя отрогами Синей Горы. Синяя вершина закрывала половину неба. Стало очень тепло. И не потому, что солнце поднялось над зубчатыми вершинами Станового хребта – просто Маруся очутилась в странном месте.

Тепло здесь будто шло из-под земли. Из любопытства девочка даже присела на корточки – да, точно. Земля казалась почти горячей – неудивительно, что и трава здесь росла гуще, и цветы были больше обычных раза в полтора, и белые зонтики борщевиков качались высоко над головой, словно в каком-то тропическом лесу. Весело щебетали птицы, в воздухе был разлит сладковатый аромат клевера. В придорожных зарослях слышалось басовитое гудение шмелей. Залитое солнцем разнотравье манило прилечь, раскинуть руки, забыть о тревогах и переживаниях последних дней. Закрыть глаза и лежать, слушая беззаботное журчание веселого ручейка...

После мрачной тайги с ее унылыми деревьями и вечным мхом, после болот и населенного мутантами Мертвого леса это место казалось настоящим земным раем.

Маруся взглянула на таймер: у нее оставалось чуть больше пяти минут. Знать бы еще, сколько осталось идти до этого Оракула!

Арк сказал, что тропа должна привести ее сначала к Старому городу. Но он был уверен, что Маруся окажется там на расвете. Если бы не Чен... если бы не падение с обрыва... так бы наверняка и случилось! Но она потеряла время и теперь может просто-напросто не успеть. Как обидно! Быть в двух шагах от цели и опоздать к назначенному сроку! И главное, совершен-но не у кого спросить! Скорей бы уж начинался этот Старый город!..

Именно в эту минуту она увидела город.

Он поднимался из зарослей, как огромный доисториче-ский зверь, проспавший все ледниковые периоды и потопы. Ветры занесли зверя землей, на его шкуре выросли деревья, лапы превратились в холмы, хвост – в гряду невысоких уте-сов. Черные и серые подпалины проглядывали сквозь густые переплетения зеленых ветвей. Лес захватил уснувшего ги-ганта в плен. Корни деревьев взламывали вымощенные бу-лыжником улицы, оплетали низкие стены, стволы кедров, прямые, как мачты, пробивали куполообразные крыши странных круглых домов. Везде росли цветы – много-много цветов, их запах щекотал ноздри и кружил голову. Откуда-то доносилась едва слышная мелодия, словно в глубине леса кто-то играл на свирели.

– Ну ничего себе! – сказала Маруся вслух. – Затерянный го-род!

Подобные города она видела в Мексике, куда они ездили с классом в прошлом году. И еще в старых фильмах про Индиа-ну Джонса, которые так любил отец.

Она ожидала, что встретит в городе кого-нибудь, кто подскажет ей дорогу к Оракулу, но руины выглядели необитаемыми. По выщербленным стенам, сложенным из красноватого камня, прыгали белки. Тропа, по которой она пришла сюда, превратилась в широкую дорогу, но Маруся каким-то чутьем поняла, что по этой дороге уже давно никто не ходил и не ездил.

– Эй! – позвала она, приложив ладони ко рту. – Эй, кто-нибудь?

Тишина. Даже далекая свирель замолчала. Значит, кто-то там, в зарослях, все же прячется?

– Эй! – на этот раз Маруся крикнула громче. – Помогите мне! Мне нужно найти Оракула!

Нет ответа. Зато свирель заиграла снова.

– Арк сказал, что вы покажете мне, куда идти! У меня время кончается!

Тут ее взгляд упал на таймер. Он отсчитывал последние секунды.

– Кончилось уже! – крикнула Маруся. – Я опоздала!

Девочка внезапно почувствовала себя преданной.

– Все из-за вас! – Маруся с трудом удержалась, чтобы не шваркнуть коммуникатор о булыжную мостовую. – Нет чтобы помочь человеку!

Таймер противно запищал. Семьдесят два часа, данные ей профессором Буниным, истекли.

И... ничего не произошло. По-прежнему жарко пригревало солнце, прыгали между камнями веселые белки, плыл над руинами города пьянящий аромат цветов.

– Ну и ладно, – пробормотала Маруся, пряча коммуникатор в карман. – Можно подумать, мне тут больше всех надо!

Маруся села прямо на дорогу и некоторое время сидела, с демонстративной ухмылкой глядя в заросли. Но оттуда так никто и не появился, и очень скоро собственное поведение

стало казаться Марусе до крайности глупым.

– Думаете, я сдалась? – она мстительно показала зарослям язык. – Как бы не так! Я пойду до конца!

И в эту секунду у нее в кармане завибрировал коммуникатор.

На него пришло сообщение. Совсем маленький текстовый файл.

«Маруся! Ты услышала звуковой сигнал таймера. Он отмечает начало временного промежутка (продолжительностью один час двадцать четыре минуты и тринадцать секунд), в течение которого ты можешь выполнить возложенную на тебя задачу. По истечении этого времени выполнение задачи окажется невозможным. Желаем удачи!»

Подписи не было.

– Блин! – с чувством произнесла Маруся. – А раньше сказать сложно было?

Значит, на то, чтобы дойти до Оракула и задать ему вопрос, у нее остается еще почти полтора часа? Или, если быть точной, восемьдесят четыре минуты?

– Так что же я здесь рассиживаюсь?

Маруся вскочила и побежала по дороге, легко перепрыгивая через торчащие из мостовой толстенные корни деревьев.

По обе стороны дороги мелькали странные, непохожие на человеческие постройки. Широкие наклонные пандусы, изломанные арки, гроздья прилепившихся к массивной стене белых шаров, похожих на гигантские осинные гнезда... Накрытые разноцветными колпаками колодцы, змеящиеся между стволами берез серебряные трубы, напоминающие пауков черные конструкции на высоких ажурных стойках. И нигде ни одного намека на то, что в этих руинах есть хоть кто-то живой!

«Живой и разумный», – подумала Маруся.

Но Арк же обещал, что в Старом городе ей покажут дорогу!

Нет, не обещал. Он сказал: «Там ты поймешь, куда надо идти». Вот и все. А остальное придумала она сама, решив, что если есть город, то есть и его обитатели, а значит, будет у кого спросить.

«Но мне так хотелось!»

«Хотелось – чего? Чтобы тебе подсказали? Ты не можешь дойти до конца пути самостоятельно?»

– От неожиданности Маруся даже остановилась. – Кто это?

Шепот.

Шепот доносился со всех сторон, он слышался в шуме дрвесных крон над ее головой, в шелесте листьев и шуршании травы, шорохе потревоженных птицами кустов.

Тихие, тихие слова, проникающие прямо в голову. Так говорил с ней Арк... и она бы не испугалась, заговори с ней кто-то один. Но сейчас к ней мысленно обращались десятки невидимых собеседников.

«Ты можешь... можешь... Иди вперед... иди к башне... к башне...

...должна успеть... ты наша надежда, наша надежда...

...прошла весь путь... никто не смог остановить тебя...

...ты обойдешься без подсказок... достаточно умна, чтобы обо всем догадаться...

...ты избранная... ты не можешь отказаться от своего предназначения...

...раз в тысячу лет... ты не должна упустить свой шанс...

...ты не должна... не должна...

...ты не смеешь... не смеешь...

...ты можешь!.. ты можешь!..»

– Замолчите! – крикнула Маруся. – У меня голова от вас раскалывается!

Тишина. Только поют птицы и играет где-то невидимая свирель.

Но теперь девочка уже точно знала: она не одна. В городе есть обитатели. Пусть они прячутся, пусть их не видно – но они есть. И они следят за ней!

– Ответьте на один вопрос! И пусть отвечает только один!

Молчание.

– Где мне найти этого Оракула? И как я его узнаю?

Тишина мгновенно сменилась многоголосым бормотанием – видно, говорить поодиночке жители Старого города просто не умели.

«... Оракул в башне...

...Черная башня... последняя башня...

... последняя из семи...

...там горит неугасимое пламя... ты увидишь...

...никто не может войти в башню... ты – сможешь...

...ты – избранная... ты – надежда...

...ничего не бойся! страх убивает...

...ты сумеешь исполнить предназначеннное! ты – сумеешь!..

...иди к Черной башне!.. иди к башне!..»

– Стоп! Хватит! Я все поняла!

По правде говоря, Маруся поняла далеко не все, но выслушивать это сводящее с ума бормотание было выше ее сил. Оракул в башне, это ясно. Оставался пустяк – найти эту самую башню.

«Никто не говорил мне, что нужно сворачивать налево или направо, – подумала девочка. – Значит, дорога, по которой я иду, рано или поздно приведет меня к башне!».

Очень скоро она убедилась в том, что ее догадка была верной.

Сначала закончились городские постройки, а потом неожиданно оборвался и лес – резко, будто отрезанный огром-

ным ножом. От границы леса до горизонта тянулась широкая – едва можно охватить взглядом – равнина, залитая чем-то похожим на черное стекло. Где-то в невообразимой дали блестящая антрацитовая поверхность равнины вздувалась огромным волдырем. Это, по-видимому, и была Черная башня – во всяком случае, других строений на равнине Маруся не заметила. Судя по тому, какую часть неба закрывала собой башня, размеры у нее были просто колоссальные. И что самое главное – она была очень, очень далеко от Маруси. Девочка не умела определять расстояния на глаз, но ей показалось, что от башни ее отделяет никак не меньше десятка километров.

«И как я, интересно, дотопаю до нее за оставшийся час? – подумала Маруся, чувствуя противную слабость в руках и ногах.
– Изdevаются надо мной, что ли?»

Пройти такой путь, преодолеть тысячу препятствий и опустить руки, оказавшись перед какой-то дурацкой стеклянной равниной?

«Ничего не бойся, – вспомнила она шепот невидимых обитателей города. – Страх убивает!»

– А я и не боюсь! – сказала Маруся громко. Спрятнула с отромсанного огромным ножом обрыва и едва не упала, поскользнувшись на черном стекле. – Все равно пойду вперед, ясно?

С трудом сохраняя равновесие, она сделала шаг по направлению к башне. Потом второй, третий...

А потом стеклянная равнина вдруг ушла у нее из-под ног. Маруся почувствовала, что летит вперед с невероятной скоростью, и ветер свистит у нее в ушах.

Что-то подобное она испытывала только на аттракционах в Парке развлечений, когда сцепленные между собой кабинки с визжащими любителями острых ощущений сваливались вниз с высоты шестнадцатиэтажного дома.

Ощущение падения было таким сильным, что она зажмурилась, ожидая неминуемого удара о землю. Но удара не последовало. Полет перешел в плавное скольжение, под ногами вновь появилась опора. Маруся не без опаски заставила себя открыть глаза.

Прямо перед ней высилась Черная башня.

4

Башня оказалась такой старой, словно ее строили не люди, а она сама собой сложилась из выщербленных валунов в невообразимо древние времена.

Хотя, может быть, строили ее действительно не люди...

Высокая, мрачная, башня нависла над Марусей, зияя провалами узких бойниц.

«Никто не сумеет войти в башню... Ты – сможешь».

Девочка обошла замшелое основание строения по кругу. Никакого намека на дверь. Сооружение возвышалось в центре квадратного двора, вымощенного шестиугольными плитами. Справа от башни громоздились руины какого-то приземистого сооружения, похожего на увенчанный треугольной крышей колодец. В колодце горел огонь – синее, холодное пламя, не отбрасывающее тени.

Где же вход?

Может быть, нужно спуститься в колодец? Но лезть в огонь, пусть даже и холодный, Марусе совсем не хотелось. Да и не могли строители башни – кем бы они ни были – сделать такую вопиющую глупость. Нет, вход должен быть где-то на поверхности. Где-то совсем рядом.

«Думай, Маруся! Думай! Ты же умная!»

– Я – избранная! – фыркнула девочка. Подошла к башне и уперлась ладонями в холодный камень. – Я избранная, и я хочу войти!

Чуда не произошло. Камень под ее руками не рассыпался в прах и не превратился в податливый пластилин. Маруся пнула башню носком ботинка, отошла на несколько шагов назад. И остановилась как вкопанная. Она увидела нечто, чего не видела еще минуту назад.

Окно.

Широкое – не чета узеньким бойницам – полукруглое отверстие на высоте каких-то трех метров над землей. Росли бы рядом деревья – залезть в него мог бы любой ребенок. Вот только деревьев не было не то что рядом, но и в пределах видимости.

Подпрыгнуть и уцепиться за какой-нибудь выступ? Маруся попробовала. Чувствуя себя человеком-пауком, вцепилась пальцами в ставший вдруг гладким камень, подтянулась на руках...

...Пальцы соскользнули, и она, ломая ногти, упала к подножию башни.

Правое колено девочки провалилось в пустоту. Каменная плита, на которую грохнулась Маруся, раскололась пополам, нога застряла между двумя ее половинками. Девочка осторожно высвободила колено, расколовшаяся плита с грохотом обрушилась вниз, в открывшийся черный провал.

Что там?

Подвал? Подземный ход?

Маруся осторожно заглянула в яму. Она была не слишком глубокой – спустившись, Маруся вряд ли сумела бы выпрямиться во весь рост. Но зато и выбраться наверх будет просто, решила девочка. Главное – не провалиться еще ниже. А то вдруг это какая-нибудь хитрая ловушка для незваных посетителей Черной башни.

Крепко держась за края провала, Маруся спустилась вниз, потопала ботинками по осколкам упавшей плиты. Беспокоилась она зря: под ногами был твердый камень. А впереди темнел узкий, похожий на трещину в скале, лаз.

«Я туда не пойду, – подумала Маруся. – Я же там сразу застряну! Да это кем надо быть, чтобы пролезть через эту щельку?»

Она огляделась. Других отверстий в стенах ямы не было.

– Значит, так, – сказала она вслух. – У меня есть два выхода. Я могу вылезти наверх и бродить вокруг дурацкой черной башни, пока не кончится мое время... а могу рискнуть прорваться через эту мышиную норку. И если я там застряну, то буду утешаться тем, что я по крайней мере попробовала...

Маруся решительно сняла с шеи шнурок с ящеркой и, сжав талисман в кулаке, шагнула к темной расщелине.

...Тесно, тесно... камни царапают затылок, сжимают ребра. Нечем дышать. Кажется, никогда не выбраться из этой могилы. С каждым шагом лаз все сужается, потолок опускается все ниже. Вот она уже ползет, обдирая в кровь локти, то и дело стукаясь головой. Перед глазами плавят багровые круги. Хочется повернуть назад, но нельзя. Откуда-то ей известно, что эта дорога – в один конец. Повернешь – пропадешь. Или застрянем в гранитных тисках, или заблудишься в вечной темноте.

Где-то впереди – слабый, мерцающий свет. Рывок, еще рывок... камень обступает со всех сторон, давит, душит. Откуда-то сверху струйкой стекает песок. Остановишься – за считанные минуты песок погребет тебя под собой. Вперед, только вперед...

Ящерка, милая ящерка! Спаси меня! Помоги выбраться из этой каменной западни! Я должна! Я должна дойти до конца! Я должна узнать...

Узнать – что?

Ответ на вопрос. На единственный, на самый главный вопрос...

Мерцают перед глазами алые сплохи, обручем сдавливает грудь. Но я дойду! Во что бы то ни стало дойду!

Но как я пойму, что мой вопрос – правильный?

Вопрос должен идти от сердца, сказал Арк. Бедный Арк, лежит сейчас где-то в горах, изрешеченный турбопулями наемников... Но что значит – от сердца? Я хотела бы спросить про отца! Да-да, про моего отца! Правда ли, что он преступник? Правда ли, что он мне не отец? Хотя, наверное, мне не меньше хотелось бы узнать и о маме – где она? Она была здесь? Она вообще жива? Или нет, пусть лучше Оракул расскажет про меня! Я же какая-то особенная, голоса в городе говорили, что я избранная. Но я-то сама ничего такого не чувствую! Так о чем спросить: о себе? О папе? О проекте «Искусственное солнце»? О маме? О предметах? О чем?!»

Лаз неожиданно раздался в стороны, в глаза Маруси брызнул ослепивший ее солнечный свет, и она, постанывая от боли в расцарапанных руках, выбралась из люка в полу Черной башни. Она была внутри.

Некоторое время она сидела, привалившись спиной к стене, и отдыхала. Приходила в себя.

В башне пахло неожиданно приятно, не то ванилью, не то корицей. На древних камнях – тонкий слой песка. Лестница со стертymi ступенями вела на второй этаж.

И никакого намека на портал.

На втором этаже девочка обнаружила покрытые пылью железные шкафы с запертыми дверцами, какие-то ящики, сундуки – и винтовую металлическую лестницу.

Здесь портала тоже не обнаружилось.

Лестница гулко загремела под подошвами ботинок.

Выше, выше!

Третий этаж – пусто.

Четвертый – пусто.

Пятый...

Сперва Марусе показалось, что она видит перед собой зерка-

ло. Большое старинное зеркало высотой в человеческий рост, установленное посреди круглой комнаты. Но, подойдя ближе, девочка не увидела в зеркальной поверхности своего отражения.

«Тут что-то не так, – решила Маруся и осторожно дотронулась кончиками пальцев до серебряной глади стекла. – Это не стекло! Скорее металл. Очень холодный полированный металл. Знакомый металл».

Металл, из которого изготовлены предметы...

Ящерка в ее кулаке вдруг налилась ощутимой тяжестью. Маруся протянула руку и слегка надавила на поверхность зеркала.

Пальцы провалились в пустоту!

Портал!

Сердце бешено забилось.

Маруся крепко зажмурилась, задержала дыхание, как перед прыжком в воду, и вошла в зеркало...

5

«Где я?» – девочка завертела головой. Здесь не было ни пола, ни стен, ни потолка – только мягкий рассеянный свет, неясные пятна, меняющие цвета с мягко-жемчужного до мерцающего опалового.

– Где-е-е-е я-я-я-я.... – простонало эхо.

«Ничего себе, здесь мысли звучат вслух», – удивилась Маруся.

– Вслу-у-у-у-х-х-х...

«И куда мне идти?»

– Идти-и-и-и-и...

«Да заткнись ты!»

– Ты-ы-ы-ы-ы-ы...

Стало ясно, что переспорить мысленное эхо невозможно.

Маруся приказала себе забыть о нем и сделала осторожный шаг в никуда, каждое мгновение опасаясь рухнуть в бездну.

Под подошвой ботинка обнаружилась какая-то поверхность, твердая, гладкая и невидимая. Маруся присела, пощупала ее рукой – внизу было что-то вроде холодного полированного пола.

«Значит, вот он какой – портал, – не обращая внимания на загудевшее эхо, решила девочка. – Все как во сне. Приснится же иногда – попадаешь куда-то и не понимаешь, где ты, в каком месте, в каком времени...»

Она поднялась на ноги и пошла туда, где свет, казалось, был ярче. Мягкое свечение вскоре сменилось густым изумрудным сиянием, затем темные пятна разошлись в стороны, точно облака в небе, и Маруся невольно задохнулась, как это бывает с людьми, внезапно оказавшимися на краю обрыва.

Перед ней раскинулось бесконечное фиолетово-черное бархатное пространство. В пространстве этом светились сотни серебристых звездочек: некоторые были совсем рядом, другие, казалось, находились далеко-далеко – вот только расстояния в этом странном месте определить было невозможно. Все это немного походило на планетарий, куда Марусю однажды водил папа. Только этот планетарий был больше московского в сотни раз.

Она сделала шаг вперед, в бездонную фиолетово-черную пропасть, изо всех сил борясь со страхом высоты. Под ногами Маруси упруго спружнило что-то невидимое – девочка как будто шла по мосту из сжатого воздуха.

Стена темного бархата с серебряными звездочками мгновенно приблизилась – теперь до нее можно было дотронуться рукой.

Бархат оказался неровным, в нем имелось множество углублений странных форм. В углублениях что-то серебрилось – видимо, это и были те самые звездочки, что создавали эффект планетария.

Множество предметов, вставленных в ниши, повторяющие их контуры.

Некоторых животных Маруся узнавала – вот акула, вот панда, вот морж. Это – божья коровка, это – каракатица, а это – ласточка.

Но отдельные фигурки изображали совершенно незнакомых девочке зверей – страшных, зубастых созданий с рогами и когтями.

«А вот динозавр. А вот еще и еще...»

Неожиданно Марусе показалось, что она заметила краем глаза какое-то движение, вспышки света. Резко повернувшись, девочка на всякий случай присела, стиснув ящерку.

Никого.

И снова – странное сияние в стороне.

Разворот – и опять никого.

«Оракул... Это Оракул. Он умеет отвечать на вопросы, ведь так? А как их задавать? Голосом или набирать текст? Но где тогда экраны, где динамики, микрофоны, пульты, клавиатуры?» – Маруся принялась озираться в поисках хоть чего-то, напоминающего привычные средства коммуникации, но видела всюду только фиолетово-черный бархат, изумрудный свет и серебряные фигурки.

Множество углублений пустовало. Предметы в них отсутствовали.

И тут Маруся увидела ящерку. Точнее, пустую нишу в форме ящерки.

Ее ящерки.

Поколебавшись несколько секунд, Маруся протянула руку и вставила свой предмет в углубление. Ящерка словно прилипла к бархату. Перед глазами полыхнуло уже знакомое сияние. Девочка ухватилась за фигурку, дернула – безрезуль-татно. Она ощущала, что падает, при этом оставаясь на ногах.

У Маруси закружилась голова. Она вскрикнула:

– Мама! Где ты?!

Пространство вокруг озарилось пурпурным светом.

Женский голос за спиной произнес:

– С днем рождения, Марусенька!

Маруся замерла. Она помнила этот голос. Она хорошо знала этот голос. Этот голос всегда был с ней. Медленно-медленно, словно боясь поверить в то, что сейчас увидит, она обернулась.

– Мама?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

Российским читателям Сергей Волков знаком по фантастическим романам «Пасынок судьбы. Искатели» и «Пасынок судьбы. Расплата», «Твой демон зла. Ошибка» и «Твой демон зла. Поединок», по романам цикла «Пастыри»: «Последнее желание», «Четвертый поход», «Черные бабочки» и «Огненный дух».

В 2008 году вышел роман «Объект «Зеро», повествующий о героической робинзонаде наших далеких потомков на загадочной планете Медея, в 2009 – мистический боевик «Стражи последнего рубежа».

В настоящее время писатель живет в Москве, занимается журналистикой и литературным трудом. Женат, воспитывает двух дочерей и сибирскую кошку. Увлекается чтением исторической литературы, поэзией, любит хоккей и жареное мясо.

12 ВОПРОСОВ О «МАРУСЕ 2»

По традиции, появившейся после выхода первой книги из серии «Маруся», Хранители Идеи отвечают на вопросы о загадках истории про Марусю Гумилеву и открывают ряд тайн о будущих сериях, их героях и судьбах.

1.Зачем профессор Бунин забросил Марусю в тайгу?

Приключения Маруси в тайге – это квест, в результате которого она должна превратиться из беспечной московской школьницы в человека, способного бороться с трудностями и принимать самостоятельные решения. До сих пор Андрей Гумилев всячески оберегал Марусю от проблем – она жила в тепличных условиях, не особенно утруждала себя учебой и гоняла на эксклюзивной спортивной машине. Если с ней случались какие-то неприятности, она хватала коммуникатор, звонила папе – и он ее выручал. В тайге же она столкнулась с реальной болью, смертью и предательством. И она уже не могла позвонить отцу и позвать его на помощь. Марусе пришлось самой делать выбор – спасать ли Чена, верить ли в компромат на Гумилева, который сбрасывали ей неизвестные доброжелатели, и какой вопрос задать Оракулу.

2.Действительно ли Андрей Гумилев такой негодяй, как его рисуют те, кто присыпает Марусе компрометирующие видеоролики и сообщения?

Полная история Андрея Гумилева будет раскрыта в серии «Миллиардер», небольшую часть которой мы публикуем уже в этой книге. Там будет рассказано, как он достиг своего положения, какой ценой заработал свои миллиарды, и какое отношение он имеет к истории с магическими предметами. А пока стоит сказать: не все, что Маруся узнает про Гумилева, является правдой. Часть компрометирующей информации – это всего лишь нечестная игра, которую ведут с Марусей люди, обладающие предметами.

3.Кто настоящий отец Маруси?

Отцом Маруси действительно является Андрей Гумилев. Все попытки Бунина выдать себя самого за папу девочки – не более чем его попытка манипулировать Марусей и заставить ее убить Гумилева. При этом Бунин действительно был в свое время влюблена в Еву, и любит ее до сих пор. Неудивительно, что добрых чувств к отцу Маруси профессор не испытывает.

4. Появится ли в следующей книге Уф?

Конечно же, история Уфа, конечно, еще не закончена. Мы встретимся с ним в «Марусе 3». И более того, в «Миллиардере» будет рассказано о том, откуда появилась и как жила его семья.

5. Какая роль у бабы Раи в истории с магическими артефактами?

Баба Раи многое знает об аномальных артефактах, но сама она – «беспредметница», т.е. человек, обладающий природной магической силой, для которой не нужны никакие фигурки из инопланетного металла. Впервые беспредметники упоминаются в серии «Блокада» - там есть медсестра Катюша Серебрякова, способная исцелять даже самых тяжелых больных, солдат Василий Теркин, неуязвимый для вражеских пуль, и капитан Александр Шибанов, наделенный даром внушения.

6. После того, как вышла первая часть истории про Марусю Гумилеву, говорилось, что действие следующей книги будет происходить на лунной станции. От этой идеи в итоге отказались?

Многие события в жизни Маруси и ее отца действительно будут происходить на лунной станции, но о них будет рассказано в следующей книге. Пока же Маруся побывала только внутри заброшенного кафе «Луна» в поселке морлоков.

7. Кто все-таки подложил Марусе ящерку и написал письмо от имени Буннина?

В этом признаются и Алиса, и Арк. У каждого из них свои цели, но один из них искренен, а другой – лжет. Кто и зачем подкинул Марусе артефакт и втянул ее в опасные приключения, станет известно в «Марусе 3».

8. Выживут ли Илья и Арк после приключений в тайге?

В «Марусе 2» и без того погибло много героев – морлоки, ёхху, наемники-клоны Чена. Судьба Ильи и Арка пока под вопросом.

9.Как можно узнавать о выходе новых серий «Этногенеза» и новостях проекта?

В Интернете существует специальный сайт www.ethnogenez.ru, посвященный проекту. Там регулярно выкладываются новые эпизоды из книг, входящих в сериал, аудиоспектакли по произведениям, оригинальные саундтреки, новости проекта и другая информация об «Этногенезе». Следите за обновлениями сайта!

10.В каких еще сериалах «Этногенеза» появится Маруся?

Много интересного о детстве Маруси, ее отношениях с мамой и папой, привычках и курьезных ситуациях будет рассказано в серии «Миллиардер». В первой книге Марусе только исполняется 3 года, и в ее жизни происходит первое трагическое событие – таинственно исчезает ее мама, Ева Гумилева. В 4-летнем возрасте отец берет дочку в Арктическую экспедицию, где случается ряд загадочных происшествий, связанных с аномальными артефактами. Кроме того, не исключено, что Маруся станет героем следующей книги из серии «Блокада» и будет фигурировать в «Сомниамбуле» - серии, посвященной нашему далекому будущему.

11.Какое отношение имеет великий русский историк Лев Гумилев к Марусе Гумилевой?

Они родственники, но как именно они связаны, пока является секретом. Сам Лев Гумилев уже стал героем «Блокады» - в одной из своих экспедиций историк обнаружил один из магических артефактов – фигурку Попугая, за которой потом будут охотиться агенты Адольфа Гитлера.

12.Что такое Черные башни, упоминаемые и в «Марусе 2», и в «Блокаде»?

Черные башни – это памятники древней и, возможно, не человеческой цивилизации, расположенные в различных труднодоступных уголках планеты. Они служат порталами, ведущими в некое пространство, где хранятся предметы. Известно о существовании семи таких башен, но в качестве порталов в 2020 году используется только одна из них. Во времена, описанные в «Блокаде», действующих порталов было три, в «Миллиардере» - лишь два.

Елена Кондратьева

Милиардер

Скоро в продаже!

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

ЭПИЗОД 1

Три счастливые восьмерки

08.08.08

Ева беспомощно смотрела на яркий эклектичный город у себя под ногами. До крыши ближайшего небоскреба – полторы сотни метров, а впереди – пролив с зелеными островками суши.

– Не боишься? – Андрей Гумилев одной рукой обнял жену. За большой палец второй руки его крепко держала трехлетняя Маруся. Она с открытым ртом смотрела вниз, на закрученные хайвеи, десятки яхт и трассу для гонок Формулы-1.

Их прозрачная цилиндрическая кабина сингапурского колеса обозрения – самого большого в мире – поднялась на высшую точку.

– Здесь все так надежно, так безопасно, – Ева приложила ладонь к стеклу кабины, – что даже не получается испугаться. Никакого адреналина, – улыбаясь, она повернулась к мужу.

– А тебе все нужен адреналин! Знаешь, в спокойствии и безопасности тоже есть своя романтика.

Маруся отпустила руку отца и побежала к Еве.

– Мам, мне совсем не страшно!

Андрей только покачал головой и улыбнулся:

– Ну, прямо уменьшенная копия мамы.

На самом деле Маруся была копией отца. По крайней мере в том, что касалось внешности и привычек. От Евы она не взяла ни зеленых глаз, ни каштановых волос, ни смущенной улыбки. Вместо этого Маруся сверкала серыми глазами Гумилева, за плетала в косички его русые волосы и хитро улыбалась. Даже спала Маруся на животе, футболки натягивала с изнанки, а за обедом сначала съедала то, что ей нравилось меньше всего,

оставляя все самое вкусное напоследок, как это делал отец.

Ева уперлась подбородком в плечо Андрея.

– Давай вернемся в Москву?

– Вернемся, конечно. Отметим день рождения Маруси – и вернемся.

– Да что нам сидеть в Сингапуре? Лучше дома отметим, с друзьями.

Андрей удивленно посмотрел на жену. Уже несколько месяцев, с того момента как она вернулась из поездки в тайгу, Ева казалась ему немного другой. Чуть более отстраненной, чуть более задумчивой, чуть более молчаливой. К этому Гумилев уже успел привыкнуть, тем более что такие перемены странным образом сделали Еву более чувствительной. В моменты, когда она сбрасывала с себя эту новую холодность, его жена отдавала ему столько внимания и тепла, что Андрею уже не хотелось выяснять, какие мысли гложут Еву в остальное время.

Вроде все было так же, как все эти пять лет, что они вместе. Только теперь она могла несколько раз в день повторять, как любит его, хотя раньше с трудом говорила о своих чувствах. Ева стала мягче – правда, решимости и упрямства в ней от этого не убавилось.

Ева научилась отдавать себя полностью. Когда они были вдвоем, Андрей чувствовал, что она растворяется в нем. Когда она его целовала, весь ее мир состоял только из этого поцелуя. Не существовало ни проблем, ни других дел, ни других людей. Мир сжимался до них двоих и раскрывался для них.

Такая же бьющая через край нежность, еще более пронзительная, чем раньше, досталась Марусе. Ева бесконечно обнимала дочку, отвечала на все вопросы, которые только могла придумать болтливая Маруся, наряжала ее и развлекала, оставив няню практически без дел. Ева даже настояла на том, чтобы поехать в Сингапур только втроем, без помощников и охраны. «Я хочу чувствовать нас просто семьей, а не центром Вселенной. В отпуске ты будешь моим мужем и Марусиным отцом, а

не самым богатым человеком в России», – смеялась она. Андрей так и не смог понять, что изменило его жену.

– Ты хочешь уехать сейчас?

– Мне надоело здесь.

Ева наклонилась к Марусе. «Сейчас начнет поправлять ей платье или косички, чтобы не смотреть мне в глаза», – Андрей усмехнулся про себя, глядя, как жена старательно, будто сейчас ее волнует лишь это, пытается пригладить Марусины локоны. Впрочем, это нисколько не помогало: тонкие светлые волосы дочки пушились и сверкали на сингапурском солнце, делая ее похожей на воздушный золотой одуванчик.

На Еве было зеленое шелковое платье, которое Андрей купил ей пару дней назад. Его всегда удивляло, что жена остается равнодушной к шопингу. Другая на ее месте попыталась бы из миллиардера Гумилева сделать миллионера, опустошая бутики, ювелирные и автомобильные салоны. Но атрибуты роскошной жизни Еву привлекали мало. Она, конечно, с удовольствием носила подаренные мужем украшения и одежду, но просила у него совершенно другого – финансировать ее научные исследования. И он финансировал.

Их стеклянная кабина медленно снижалась. Маруся ладонями и лбом уперлась в стекло, завороженно наблюдая, как к ним приближаются зеркальные небоскребы.

– Мы сделаем детский праздник в Москве, соберем Марусиных подружек.

– Ева, что случилось? День рождения через пять дней, куда ты торопишься? У тебя опять какие-то планы? Тебя кто-то там ждет?

Ева невинно посмотрела на Андрея.

– Ага, ждет. Мужчина. И даже не один. Они все такие брутальные, волосатые, в набедренных повязках, – Ева сделала страшные глаза и засмеялась. – Мамонта, правда, добыть не смогут, вымерли мамонты, но вот изюбря – пожалуйста. Только моются они раз в месяц да на людей охотятся.

Андрей со вздохом сел на скамейку посередине кабины. Маруся радостно забралась к нему на колени.

– Опять твои морлоки? Ну что ты сможешь сделать из Москвы, когда их стоянка в тайге? Или ты...

– Или я...

– Ева! Ты же недавно там была! Марусе всего три года! Посиди ты еще дома. Ты нужна ей, нужна мне.

– Андрюш, я ненадолго туда. Просто сил уже нет, хочу увидеть все, о чем мне пишут в отчетах: как они охотятся, как совершают обряды, как зовут дождь. В прошлый раз там стояло всего две камеры, материала почти не было. А теперь весь периметр прослеживается!

– Но почему сейчас?

– У них каждое полнолуние происходит что-то вроде религиозного ритуала. Только в это время мы можем попасть в исследовательский лагерь так, чтобы морлоки не заметили ни вертолета, ни людей. Иначе потом снова придется ждать, а я больше не могу.

Ева присела на корточки рядом с мужем и дочкой и виновато заглянула в глаза Андрею.

– И когда полнолуние?

– Семнадцатого августа. Тринадцатого мы отметим день рождения Маруси, я собираюсь и уеду. А через месяц, в следующее полнолуние, вернусь домой. Все будет хорошо, – Ева поцеловала мужа.

– Давай поговорим об этом позже.

Маруся сползла с его колен и побежала заглядывать за край кабины, пытаясь увидеть, что происходит внизу. Гумилев подошел к стеклу.

Ева устала быть примерной женой и мамой. Он знал, что это произойдет, потому и отпустил ее в ту весеннюю экспедицию в тайгу – надеялся, что на этих впечатлениях его жена протянет еще год. Не получилось.

Андрей начинал заводиться. От утреннего благостного настроения ничего не осталось.

Опереться можно только на то, что оказывает сопротивление, напомнил он себе. Ева сопротивлялась с таким упорством, что иногда доводила его до отчаяния. И при этом он всегда чувствовал ее поддержку и безграничное принятие. Даже когда она спорила с его проектами и идеями, он знал: что бы ни случилось, Ева всегда будет рядом, не отвернется.

Их кабина остановилась, и местные служащие на выходе вручили им три черно-серебристых прямоугольника.

— Что это? — Ева вертела в руках картонку с цифрами 08.08.08.

— Сегодня восьмое августа 2008 года, они говорят, что восьмерки в китайской нумерологии означают счастье и процветание.

— Ага, и в русской тоже — сегодня в России будут тысячи свадеб, — улыбнулась Ева и протянула все картонки Марусе. Та старательно уложила их в свою маленькую сумочку и радостно побежала гонять сингапурских голубей.

Солнце уже стояло так высоко, что город плавился от жары, и людей на улице было немного. Пройдя несколько минут по такому пеклу, Гумилевы решили спрятаться в летнем кафе рядом с небольшим фонтаном. Из пяти столиков под белым тентом был занят только один. За ним пыталась позавтракать семья китайцев, но это им плохо удавалось: вместо того чтобы пить чай, взрослые отлавливали трех своих энергичных детей. На вид им было от двух до пяти лет, и каждый из них мог бы служить наглядной рекламой вечного двигателя. Стоило родителям усадить за стол одного, как другой срывался с места, и за ним тут же кидался третий. Распугав всех голубей, двое мальчишек высмотрели в кустах черно-белую кошку и начали ее окружать. Малыши так забавно выслеживали зверя, что взрослые — их родители и Андрей с Евой — замерли в ожидании, удастся ли кошке избежать поимки.

Всплеск воды и детский крик заставили подскочить не только кошку. В фонтане барахталась младшая дочка китайцев. Малышка с пятью смешными косичками воспользовалась

тем, что братья отвлекли внимание родителей, и кувырком полетела в фонтан. Китайцы кинулись вылавливать свою непоседу, а Гумилевы пытались им помочь.

На этот раз закричала Ева.

– Маруся!!! – от испуга голос Евы стал непривычно высоким. Гумилев увидел свою дочку уже в десяти метрах от их столика, возле дороги. За руку ее держал какой-то индус в ярко-розовой рубашке.

Андрей не помнил, как за долю секунды оказался рядом с ними, загородил Марусю от мужчины и попытался схватить того за плечо. В руке индуза что-то блеснуло, он перехватил запястье Андрея, и того обожгло холодом. В мозгу что-то взорвалось. Он хотел остановить мужчину, потребовать объяснений, разобраться с ним, но не мог шевельнуться. Тело как будто заледенело, и мышцы не выполняли приказов. Андрей попытался закричать, но странная заморозка дошла и до горла. В следующую секунду он уже хрипел, в ужасе глядя, как фигура индуза расплывается перед глазами и вместо него буквально из воздуха проявляется полуопащий мужчина с белой кожей, сквозь которую пробиваются голубые вены. Прозрачный возник только на мгновение, но за это время индус успел отойти на безопасное расстояние. Он не спешил, не бежал, но очень быстро оказался далеко от Андрея. Прозрачный исчез, индус обернулся в последний раз, и только тогда Гумилев увидел, что у этого странного человека в розовой рубашке яркие разноцветные глаза. Правый – глубокого синего цвета, а левый – изумрудно-зеленый.

– Андрей, Андрей! – Ева трясла его за плечо, обнимая одной рукой Марусю, висевшую у нее на шее. – Что случилось? Зачем ты его отпустил?

Гумилев понемногу сбрасывал оцепенение, но озноб все не проходил.

– Он ушел, просто ушел. Я не мог пошевелиться. Не знаю, что случилось... Зря мы не взяли охрану.

– Маруся говорит, были двое других, они хотели посадить ее в машину. Потом появился этот – в розовой рубашке – и они сбежали. Андрей, я ничего не понимаю!

Маруся оторвала от шеи Евы и посмотрела на родителей:

– Он хороший, он показал мне железного паука.

– Кто? – Андрей с беспокойством посмотрел на дочь.

– Тот дядя с разноцветными глазами. Он прогнал плохих дядь, я не хотела с ними ехать. А он сказал, что я должна быть с тобой, пап!

Андрей забрал Марусю у жены и прижал к себе.

– У него действительно были глаза разного цвета? – насторожилась Ева.

– Да, и мне показалось, что я тоже видел у него в руке металлического паука. Ладно, пойдем внутрь – нам надо прийти в себя.

Китайцы со своим выводком куда-то исчезли, их место заняла пара японских пенсионеров. Не спуская с рук Марусю, Гумилев зашел в помещение кафе. Кондиционеры делали воздух прохладным и освежающим, но Андрею это не доставило удовольствия: его все еще знобило от странной встречи с индусом.

– Я буду двойной эспрессо и молочный коктейль для дочки, – заказала Ева. – Андрей? Что ты будешь?

Только что усадивший Марусю и сам севший за столик Гумилев снова подскочил, глядя на экран телевизора, установленного над барной стойкой.

– Включите погромче, – крикнул он.

– «Сегодня ночью Россия напала на суверенную Грузию. По сообщениям грузинской стороны, семь человек пострадали во время российских ударов по грузинским деревням».

На экране шли повторяющиеся кадры, как сгустки огня вылетали из темноты и взрывали ночь.

– Андрей, что это?

– Это «Град», оружие массового поражения.

– Подожди, они говорят, что Россия напала на Грузию? Что за бред?

– Бред, конечно. Бред...

Андрей спешно набрал номер на мобильном и вышел на улицу. Через стеклянную дверь он видел, как Ева прижала к себе Марусю и не моргая смотрела на экран, где шла военная хроника.

Слушая по телефону рассказ о том, что на самом деле происходит на Кавказе, как этой ночью Грузия напала на Южную Осетию, как одним махом уничтожила полгорода, поубивав – без разбора – и миротворцев, и ополченцев, и женщин с детьми, Андрей острее, чем обычно, почувствовал беззащитность Евы. Жена была права: следовало немедленно возвращаться в Москву.

Мечтательные глаза, веснушки на носу, тонкие ключицы – его жена казалась хрупким подростком. Детским, наивным было даже ее бесстрашие. Как-то она сказала Андрею, что не чувствует опасности. «Знаешь, я уверена, что со мной ничего не случится, просто уверена», – так Ева объясняла ему весной, что экспедиция в тайгу не таит в себе никакой опасности.

Страх – это показатель возраста. Ева чувствовала себя молодой, пока ничего не боялась. Андрей же, ощущавший себя гораздо старше своих лет, не просто привык испытывать страх, он его взращивал в себе, чтобы не потерять чувство реальности и не заиграться. В одном из интервью на вопрос о конкурентах Гумилев ответил строчкой из песни Queen: I have no rival, no man can be my equal. Несмотря на весь нарочитый пафос, это было правдой – никто в мире не успел раньше русского бизнесмена занять нишу инновационных разработок. Пока все делали деньги на торговле нефтью и золотом, перепродаже недвижимости и кредитных пирамидах, он вкладывался в нанотехнологии, информационные системы и биоразработки. За несколько лет Андрей Гумилев стал самым богатым и влиятельным человеком

в России. Даже разворачивающийся кризис сыграл ему на руку, позволив с большой выгодой купить несколько разорившихся исследовательских центров в США. Порой Гумилеву казалось, что ему принадлежит весь мир, что для него нет ничего несбыточного. И только страх за себя, за свою семью служил чем-то вроде дорожных знаков, не позволяющих вошедшему в раж гонщику пропустить поворот и сорваться в пропасть.

Возвращаясь к столику, Андрей увидел, что Ева больше не смотрит новости, где политики сменялись растерянными и заплаканными осетинскими женщинами. Его жена придерживала бокал, из которого Маруся сосредоточенно тянула через трубочку густой молочный коктейль.

– Нас втянули в эту войну, – сказал он, присаживаясь рядом. Хоть Ева и не задавала вопросов, он знал, что она ждет объяснений. – Ночью напали на город, убили российских миротворцев.

– Там все разрушено. У тех, кто выжил, не осталось ни домов, ни вещей. Это видно даже по таким куцым съемкам, что гоняют западные каналы.

– Хорошо, что ты не видела всей картины. Это война.

– Андрей, ты же можешь им помочь? Ты можешь дать денег пострадавшим?

И все-таки она не всегда понимала его.

– Я могу. Но не стану этого делать.

– Почему?

– Ева, для этого и существует государство. Я плачу налоги, которые идут – в том числе – на помощь нуждающимся. У меня нет других долгов перед обществом.

– Да, но есть такое понятие, как благотворительность, – Ева старалась говорить мягко и не злиться, но глаза ее уже потемнели.

– Благотворительность – это попытка откупиться от социума. А я никакой вины ни перед кем не ощущаю. Мне нечего искупать.

– Неужели тебе их не жалко? Вот просто, по-человечески, не жалко? Будет зима, а у них дома изрешечены пулями!

– В тебе говорят женские гормоны, – Андрею не нравилось, что вполне разумная Ева, столкнувшись с эмоционально на-каленной темой, начинала его демонизировать. – Вот смотри, банкир жертвует десять процентов от недоплаченных им налогов на сиротский приют или церковь. Так, на всякий случай – а вдруг там, после смерти, ему и правда что-то предъявят? Вот эта подачка и зачтется как «добroe дело». Благотворительность как процесс искупления насквозь порочен.

– Можно и налоги платить, и деньги жертвовать, – Ева видела, что Андрей тоже на взводе, но уступить не могла.

– Я предпочитаю вкладывать деньги, а не жертвовать. Это самый разумный способ помочи. И, если бы ты сейчас не поддавалась эмоциям, ты бы со мной согласилась.

Пока он набирал номер своего заместителя по инвестициям в человеческий капитал, Ева, не глядя на мужа, оттирала Марусю от молочного коктейля.

– Всеволод? Займись Цхинвалом. Как только там закончатся боевые действия – а я думаю, долго мы воевать с грузинами не будем, – разберись, кто нас может заинтересовать. Найди всех перспективных хакеров, программистов, физиков – в общем, по нашему списку. Сделай все, что нужно: с жильем вопросы решить, на учебу устроить или сразу к нам в штат. По своему усмотрению. Нет, со мной дополнительно ничего согласовывать не нужно.

Надо было разрядить обстановку, и Андрей надеялся, что Ева сделает первый шаг.

– Я понимаю, что ты прав. Хотя для меня это слишком рационально. Но я рада, что ты так поступаешь, и очень уважаю тебя за это.

– Пойдем, сегодня какой-то безумный день. Вот тебе и три восьмерки! Я закажу билеты, хочу завтра же улететь в Москву.

– Отлично, мы возвращаемся! – Ева быстро вернулась в прежнее радостное состояние.

Последнее утро в Сингапуре Гумилев решил потратить на спортзал, а Ева с Марусей – на прощание с городом.

– Мы походим по Орчард Роуд, потом посидим в каком-нибудь парке, – Ева натягивала на ножки Маруси удобные – походные – босоножки. Сама она тоже была одета для прогулки: в кроссовки, широкие коричневые брюки и цветную футболку. – Ты когда закончишь тренировку?

– Думаю, часа через два. Я еще хотел в бассейне поплавать.

– Звони нам, как освободишься. В принципе вещи собраны, самолет вечером – спешить нам особенно некуда.

– Ты там только будь аккуратнее, ладно?

– Андрюш, Сингапур – один из самых безопасных городов в мире! Не волнуйся, – Ева успокоительно чмокнула мужа в щеку.

– Да, вчера мы в этом смогли убедиться, – с сарказмом заметил Гумилев.

– Ты про инцидент с тем человеком? Я думаю, мы просто не поняли, что произошло. Вряд ли он желал Марусе зла. Да и она не испугалась, – торопливо сказала Ева и подтолкнула дочку к выходу. – Ну все, мы побежали, звони!

Подхватив свою спортивную сумку, Гумилев вышел вслед за ними. Но, спустившись в гостиничный фитнес-центр, Андрей понял, что заниматься ему совершенно не хочется. Через силу сделал несколько подходов к штанге, но так и не настроился на тренировку. Его грызло тревожное чувство, оставшееся после вчерашних происшествий, заставляя больше обычного беспокоиться о семье.

Он вернулся в номер и позвонил Еве. Жена не ответила ни на этот, ни на пять следующих вызовов. Мобильный Маруси, который она выпросила, «чтобы быть как мама», тоже не отвечал. Андрей кинулся вниз. На ресепшене сказали, что миссис Гумилева и ее дочь не заказывали такси – они вышли из

гостиницы и пошли пешком в направлении центра.

Андрей решил скоротать время в лобби-баре. Заказал кофе и, пока ждал заказ, убеждал себя, что волноваться не о чем – жена не отвечает просто потому, что в шумном городе легко не услышать звонок. Он был уверен: Ева достаточно разумна, чтобы не подвергать себя и Марсю опасности. И все равно нервничал. Следующие десять звонков тоже не дали результата.

Да где же они?

Он снова схватил телефон, чтобы набрать номер Евы.

– Черт, если я буду им постоянно звонить, их аппараты могут разрядиться! – Андрей заметил, что начинает, как в студенческие годы, во время особенно напряженных ситуаций говорить вслух.

Он отложил телефон в сторону.

Принесли заказ, но Андрей уже понял: у него не хватит нервов на бездеятельное ожидание. Вид кофе и спокойных, расслабленных людей в соседних креслах вызывал острое раздражение. Нужно хоть что-то делать! Действие, даже самое бессмысленное, может остановить подступающую паническую атаку – эти атаки, заработанные им за несколько лет напряженного становления бизнеса, теперь были аккомпанементом для острых стрессовых ситуаций, в которые Гумилев попадал.

Он вскочил, бросил на стол несколько сингапурских долларов и быстро подошел к ресепшенну.

– Если мне будут звонить в номер, переводите сразу на мобильный, – резко, возможно излишне резко, сказал он китаянке в фирменной униформе. – И, если моя жена вернется раньше меня, передайте, пусть сразу же мне позвонит!

– Да, мистер Гумилев, – слегка поклонилась девушка.

Андрей посмотрел на часы. Жена с дочкой ушли минут тридцать назад. Они уже могли дойти до Орчард Роуд, и искать их в столпотворении центральной торговой улицы города было совершенно безнадежно. И все же он рванул в ту сторону.

Пробежав несколько метров, остановился. Чтобы догнать Еву, была нужна машина. Андрей обернулся и посмотрел на

проезжую часть. Начинались обеденные часы, и такси поймать было почти нереально. Ждать, пока приедет вызванная с ресепшена гостиницы машина, и того хуже.

Оставалось идти наперехват. Возле обочины остановилось такси, из дверей ресторана к нему поспешила пожилая семейная пара. Европейцы, на мужчине – футболка с надписью Turkey и бейсболка с вышивкой Dominicana. На женщине – туника с египетскими верблюдами в кедах.

– Извините! Вы не могли бы уступить мне свое такси? – Андрей обратился к паре по-русски, безошибочно опознав в них соотечественников.

Женщина окинула его с ног до головы взглядом.

– Эту машину вызвали для нас! – Видимо, он не вызвал у нее симпатии.

– Да нам некуда спешить, пусть молодой человек едет, – ее супруг был более дружелюбен.

– Пускай себе вызовет, я не собираюсь стоять на солнце и ждать следующую машину!

Чтобы не заорать на нее, Андрей быстро достал из кармана пачку свернутых пополам купюр, вытащил сто долларов и сунул женщине.

– Посидите еще в кафе, выпейте чай за мой счет. Договорились?

Мужчина начал было протестовать, но его жена выхватила деньги, согласно кивнула, и Андрею показалось, что она даже изобразила улыбку на сварливом лице.

Следующие пятнадцать минут, сидя на заднем сиденье «Тойоты», он высматривал в толпе по обе стороны от дороги яркую футболку Евы, останавливал такси, продолжал движение, снова останавливал, выскакивал из машины, ошибался, возвращался обратно, и все по новой. Он проехал Орчард Роуд сначала в один конец, потом – в другой. Бесполезно.

– Почему на улице нет полиции? – спрашивал он у водителя.

– Так ведь у нас очень низкий уровень преступности! – с гордостью отвечал тот.

Но Андрею становилось все хуже. Если с Евой и Марусей что-то случится, рядом не будет даже стражей порядка. В голове бродили картинки из криминальной хроники. Андрея прошиб холодный пот. В Москве его семья всегда находилась под присмотром личной охраны, но в Сингапуре они решили обойтись без сковывающей движения свиты. Так, может, кто-то решил воспользоваться этим, проследил за ними и теперь похитил Еву и Марусю, чтобы шантажировать или потребовать выкуп?

– Николай, приветствую! Это Гумилев, – Андрей уже звонил в самое влиятельное российское силовое ведомство. В двух словах описав ситуацию, он спросил, что можно предпринять.

– Диктуй номера телефонов жены и дочери, если они включены, мы их запеленгуем и сбросим тебе карту с координатами, – его собеседник не стал тратить время и по параллельному аппарату уже звонил в соответствующий отдел.

Андрей поблагодарил за помощь, нажал отбой и тут же принялся звонить на телефон Маруси. После семи гудков раздался сигнал, и электронный голос по-английски сообщил, что номер недоступен. Гумилев в панике набрал номер еще раз. Теперь голос включился сразу. Случилось то, чего он и боялся: от его бесконечных звонков мобильный Маруси, который Ева всегда забывала ставить на подзарядку, отключился. А ведь спецслужбам легче запеленговать включенный, нежели выключенный номер, к тому же дело происходит в чужом государстве!

Андрей выругался про себя и сказал водителю снова проехать по Орчард Роуд. Потеряв возможность набирать любимые номера, Гумилев стал психовать еще сильнее. Он злился и на себя, и на Еву, и на всех прохожих, которые заполонили торговую улицу.

Раздался резкий сигнал его мобильного. Человек, которому Гумилев звонил десять минут назад, не подвел: в сообщение была вложена интерактивная карта с красной точкой. Этим пульсирующим пятнышком был номер Евы. Андрей приблизил карту и увидел незнакомые названия. Сунул телефон водителю.

– Вы знаете, где находится это место?

- Конечно, это Литл Индия.
- Это далеко отсюда?
- Да не очень. Быстро доедем.
- Так поехали!

Андрей стал подробнее изучать карту. Их отель находился ровно посередине между Орчард Роуд и той улицей, на которую он сейчас мчался. Получается, выйдя из гостиницы, Ева пошла не туда, куда собиралась, а в прямо противоположную сторону.

- Какого черта?

В течение следующих растянутых до бесконечности минут, мучаясь от невозможности что-то сделать, Андрей донимал водителя вопросами «близко уже?», «сколько еще осталось?», «это не криминальный район?», «у вас часто похищают детей?».

Судя по точке на карте, Ева с Марусей никуда не двигались. Машина остановилась.

– Извините, мистер, но прямо к этому месту я проехать не могу: видите, тут пешеходная зона, – таксист кивнул на улицу. – Вам вон туда, прямо, потом налево, там будет парк, вы увидите. Удачи вам!

Точка на карте начала двигаться. Андрей кинул деньги на сиденье, выскоцил из машины и начал бегом пробираться через торговые ряды с горящим золотом, яркими тканями и бесконечными сувенирами вперемежку с фруктами. За несколько шагов до того места, где должна была находиться Ева, Гумилев краем глаза заметил розовое пятно. Как он его выделил из толпы – совершенно непонятно, потому что весь квартал пестрел самыми насыщенными оттенками голубого, красного, желтого и всевозможными их комбинациями на женских сари и мужских костюмах. Обладатель розовой рубашки был молодым высоким индусом. Таким, как тот, что разговаривал вчера с Марусей. На этом были темные очки, и в принципе он был похож на всех обитателей «маленькой Индии», но беспокойство Андрея усилилось.

А за углом он столкнулся с беспечно прогуливающимися Евой и Марусей.

- Андрей?

– Где вы были? Я раз сто вам звонил!

– Да просто гуляли. Здесь так шумно – слышишь, – вот и пропустила звонки, – Ева достала из сумочки телефон и закусила губу, увидев пятьдесят неотвеченных вызовов. – Прости меня, ты беспокоился о нас? Прости, прости, прости! – она покрыла его щеку легкими поцелуями.

– Я видел того мужчину, что пытался похитить Марусю.

– Здесь? – Ева резко оглянулась. – А ты не мог перепутать?

– Я уже ни в чем не уверен. Может, это был и не он. Ладно, поехали в отель. Через два часа выезжаем в аэропорт.

Андрея отпустило беспокойство, он выдохнул, но внезапно вспомнил, что Евы в принципе не должно было быть в этом месте.

– Кстати, что ты здесь делаешь? Ты же хотела пройтись по магазинам?

– Ну, ты же знаешь, как я не люблю магазины! Я подумала, что лучше я присмотрю что-нибудь интересное, этническое в Литл Индии, чем буду толкаться с Марусей среди оголтелых шопоголиков на Орчард Роуд.

Еве всегда удавалось успокоить его, после таких объяснений ее действия оказывались правильными и логичными, а его опасения – лишними и беспочвенными. Но сейчас, вроде бы получив простые и убедительные ответы, до возвращения в отель Гумилев так и не смог избавиться от гложущего душу непонятного беспокойства.

Пока Ева поднималась в номер, Андрей с Марусей устроились в лобби гостиницы. Гумилев медленно пил горький кофе, воспроизведя в голове события двух последних дней. Его дочка с раскраской и фломастерами устроилась за столиком, пышно декорированном икебаной из живых цветов, сухих веток и разноцветных стеклянных шариков.

– Папа, посмотри!

Андрей чуть не выронил чашку. Маруся приставила к своим

глазам зеленую и синюю стекляшку и радостно улыбалась.

– У меня разноцветные глаза! Как у того дяди.

Перед Андреем снова встала картина, как незнакомый человек уводит его дочь. Гумилев постарался не заразить Марусю своим страхом.

– Как у дяди в розовой рубашке? – улыбаясь через силу, спросил он.

– Да! У него еще была такая железная… – Маруся с трудом подбирала слова, – штука… с лапками!

Андрей вспомнил железного паука в руке индуса.

– Паук?

– Нет, не паук.

– Но у паука много лапок.

– Ну нет, как ты не понимаешь! – когда Маруся не могла объяснить, чего хочет, сразу начинала капризничать.

– Вот такая, длинная! – девочка схватила свою раскраску и изобразила в ней извилистого червяка с тремя парами лап.

– Ящерица? – удивился Андрей. – Но я вчера видел паука.

– Точно, ящерка! Вчера был паук. А сегодня – ящерка!

Гумилев почувствовал, что не хочет больше ничего слышать, но понимал: надо задать следующий вопрос.

– Вы сегодня снова видели этого человека?

– Ну да! Он подарил эту ящерку маме.

Вдруг радостная улыбка на лице Маруси погасла – будто мышка юркнула в норку. Девочка что-то вспомнила, стала серьезной и добавила:

– Только это наша тайна! Мама сказала, что это такая игра, я не должна была говорить.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ…

СКОРО В ПРОДАЖЕ…

Содержание

ЭПИЗОД 1	
72 часа	5
ЭПИЗОД 2	
Мам-ефа	18
ЭПИЗОД 3	
Дядя Сеня	32
ЭПИЗОД 4	
Белая гора	46
ЭПИЗОД 5	
«Все находившиеся на борту»	61
ЭПИЗОД 6	
Исинка	74
ЭПИЗОД 7	
Весы	89
ЭПИЗОД 8	
V не всегда победа	107

ЭПИЗОД 9	
Пленники «Луны»	118
ЭПИЗОД 10	
Мертвый лес	132
ЭПИЗОД 11	
Комариная пустошь	145
ЭПИЗОД 12	
Баба Рая	159
ЭПИЗОД 13	
Битва	172
ЭПИЗОД 14	
Арк	185
ЭПИЗОД 15	
Главный вопрос	204
ЭПИЗОД 16	
«С днем рождения, Марусенька!»	218
МИЛЛИАРДЕР	242
Новая книга серии «Этногенез»	
Скоро в продаже!	

Номер
Имя

351 44 313

Маруся

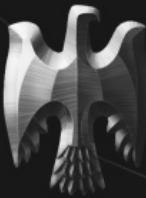

Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Андреевна
Гумилева
2020 год н.э.
14 лет
Москва, Солянка, дом 1
Зеленый город
Саламандра
Бессмертие
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Блокада

Имя

Адольф

Фамилия

Гитлер

Время действия

1942 год н. э.

Возраст

53 года

Адрес

Берлин, Вильгельмштрассе, 77

Локация

Ставка «Вервольф» под Винницей

Предмет

Орел

Дар

Убеждение

Сайт

www.ethnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Сергей Волков

МАРУСЯ 2

Книга вторая

Таёжный квест

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 16.10.09 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,2 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32